

УДК 321.011.5 + 321.8 + 327.7

ББК 66.4(4)

Политология, международные отношения, европейские исследования

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ИНТЕГРАЦИИ

Доктор политических наук В. С. Авдонин

В статье дается обзор теоретических подходов к исследованию европейской политической интеграции. Автор рассматривает становление этих подходов на фоне развития самого интеграционного процесса в Европе, выделяя три основных периода: период накануне создания Европейских Сообществ; период становления и развития Европейского экономического сообщества; современный период создания и развития Европейского Союза. Основное внимание уделено анализу трех классических теорий европейской интеграции: федералистской школе; функционализму/неофункционализму; межправительственному подходу. В заключительном разделе рассматривается современное состояние интеграционных теорий и перспективы их дальнейшего развития.

Ключевые слова: европейская интеграция, международная политическая интеграция, теории международной интеграции, европейская политика, Европейский Союз

Явления интеграции чрезвычайно характерны для современного мира. Обычно под интеграцией понимают процессы добровольного и мирного сближения государств, экономик и обществ, преодолевающие национальные, государственные и экономические границы. От понятия глобализации, также отражающего рост трансграничных взаимодействий обществ и государств, интеграцию отличает, прежде всего, акцент на добровольный и сознательный характер этого процесса, а также его применение преимущественно к отдельным регионам планеты.

Как сами процессы интеграции, так и подходы к их изучению весьма многообразны. Сегодня исследованием интеграции занимаются экономисты, социологи, политологи, юристы и т.д. В научном анализе ин-

теграции, как правило, выделяют несколько направлений.

Во-первых, интеграция рассматривается как феномен, наблюдающийся в самых разных условиях и регионах мира и охватывающий самые разнообразные типы и группы обществ и государств.

Во-вторых, интеграцию рассматривают как более специфический феномен, относящийся, прежде всего, к сближению и объединению современных государств, обладающих правовым демократическим устройством и рыночной экономикой, поскольку именно эти условия способствуют наиболее тесному устойчивому и мирному сближению государств.

Наконец, в-третьих, интеграция рассматривается преимущественно как процесс формирования сообщества государств в Западной Европе после Второй мировой вой-

ны, который привел к образованию Европейского Союза.

Границы между этими направлениями исследований достаточно условны. Понятно, что ни первое, ни, тем более, второе направление не может не уделять внимание западноевропейской интеграции как наиболее развитому и показательному интеграционному процессу в современном мире. Также и исследование интеграции в Западной Европе не может обойтись без некоторых общих понятий и представлений об интеграционных и других процессах мирового развития. Тем не менее, различия между этими направлениями существуют. Они проявляются, прежде всего, в степени ориентации на теоретические концепции либо на эмпирические исследования, что создает определенные проблемы и для тех и для других.

Для нашей темы наибольший интерес, естественно, представляют подходы, которые направлены, прежде всего, на изучение европейской интеграции. Но наиболее эффективны те из них, которые не ограничиваются ее эмпирическим описанием, а используют также и теоретические концепции для более глубокого объяснения фактического материала.

1. Подходы к интеграции накануне создания Европейских сообществ

Наиболее активная волна интеграционных исследований политологического характера наблюдалась вслед за началом становления европейского сообщества и его первыми успехами в 60-е годы. Но идейные источники интеграционного анализа уходят корнями в более ранний, межвоенный период. Появление тех ранних работ было связано с мироощущением межвоенного поколения европейских политиков и интеллектуалов, пережившего ужасы Первой мировой войны и намеренных не допустить новой. Именно идеями сохранения мира посредством добровольного объединения граждан и государств вдохновлялись теоретики и практики панъевропейского движения в 20-е – 30-е годы [1. С. 18].

Характерная особенность идейно-теоретических разработок в сфере европейского объединения состояла в этот ранний период в их критической направленности против национальной государственности как основной формы организации жизни евро-

пейских обществ. Эта критика вытекала из тех катастрофических результатов, которые, как полагали в кругах европейской интеллигенции, национальная государственность принесла европейским народам. Именно в национальных государствах, разорвавших континент национальными границами, враждовавших и соперничавших между собой, охваченных страхами и подозрениями друг к другу и развязавших, в конце концов, страшную войну, губившую миллионы людей, они видели причину кризиса и упадка развития Европы.

Из критики национального государства вышли две основные научные школы, с которыми были связаны как первые политические концепции европейского объединения, так и многие последующие дискуссии и разработки в сфере интеграционного анализа, имеющие значение и в наши дни. Исторически несколько раньше приобрела известность школа федерализма, а затем из ее критики и собственных философских построений появился функционализм.

Федералистский подход исходил из того, что наиболее подходящей формой европейского объединения и преодоления раскола континента на национальные государства может стать создание федеративного государства. Прообразом здесь служили Соединенные Штаты Америки, где федеративное устройство доказало свои преимущества. По аналогии с США, проекты федералистов иногда называли проектами «Соединенных Штатов Европы». Суть идей федерализма состояла в создании в Европе двух уровней власти – центрального и национально-территориального, между которыми определенным образом распределяются властные полномочия. Центру передаются полномочия по решению общих задач, а члены федерации сохраняют автономию в решении собственных задач. Характер такой федерации, движение к ней, а также различные аспекты ее функционирования были предметами дискуссий как среди самих сторонников федерализма, так и среди его критиков. Один из аспектов дискуссий – степень централизации такой федерации [2]. Должна ли центральная власть в ней обладать заметно большими полномочиями по сравнению с составляющими ее частями или власть должна быть децентрализована между сохраняющими суверенитет участниками, а федерация больше напоминать

конфедерацию? В ответах на эти вопросы преобладала тенденция к централизму. Другой аспект дискуссий, в определенной мере связанный с предыдущим, – вопрос о демократичности правления в такой федерации. Сторонники федерализма считали, что принципы политического плюрализма и демократические начала в условиях федерации могут быть успешно реализованы, а установление авторитарного правления в ней в силу автономии и сохранения суверенитета многих участников будет невозможно. Путь к созданию федерации видели в принятии национальными правительствами европейских государств панъевропейского конституционного акта.

Критики федералистского подхода указывали на проблемы, которые он обходил или оставлял нерешенными. Во-первых, создание в Европе федеративного сверхгосударства возможно и решит проблемы предотвращения войн между ее участниками, но совсем не гарантирует от возможностей конфликтов и войн с государствами или блоками государств, находящимися за ее пределами. Во-вторых, подобное сверхгосударство с усложненными формами легитимации неизбежно будет вести к усилению разрыва между населением и правящим слоем, и в этом смысле создавать угрозы политической демократии. В-третьих, чисто политическое решение правительств о создании федерации упускает из виду потребности и проблемы экономического развития в различных странах, что может стать непреодолимым препятствием для эффективной интеграции в форме такого федеративного супергосударства.

Альтернативой федерализму в этот период стал подход, получивший наименование функционализма. Он также исходил из критики национального государства, но противопоставлял ему не федеративное сверхгосударственное образование, а систему транснациональных институтов, формы которых находятся в зависимости от выполняемых ими общественных функций. Основателем этого подхода считается английский ученый Давид Митрани, сформулировавший его основные идеи в начале 40-х годов. Они относились скорее к принципам развития международной кооперации в целом, а не к европейской интеграции как таковой. Но в дальнейшем сыграли важную роль именно в сфере развития евро-

пейской интеграции. Митрани утверждал, что наиболее плотная ткань международной кооперации возникает не в результате одномоментного учреждения политических союзов государств и заключения многоплановых политических соглашений между ними, а в результате постоянной деятельности множества функционально специализированных международных организаций, занимающихся решением конкретных проблем [3]. Принося конкретную пользу людям в решении их конкретных проблем, эти структуры способствуют, по мнению Митрани, ослаблению и вытеснению из международных отношений политических конфликтов и укреплению в них кооперации. В силу высокого уровня специализации этих международных структур главную роль в них играют не политики, а специалисты-технократы, способные находить решения конкретных технических проблем.

Идеи этих школ и походов (федерализма и функционализма) доминировали в идеологических и политических дискуссиях на стадии создания первых европейских интеграционных сообществ (ЕОУС, Евратом, ЕЭС) в 50-х годах прошлого века, оказав определенное влияние на их институциональный облик и функциональную структуру.

2. Подходы к изучению интеграции в период становления и развития Европейского экономического сообщества

Изучение интеграции с позиций собственно политической науки получило развитие в 60-70-е годы, когда созданные в 50-е годы европейские сообщества продемонстрировали свою относительную устойчивость, экономическую эффективность и стали важным фактором европейской и международной политики. Вместе с тем в этот период выявились и определенные проблемы их функционирования.

Господствующим направлением в изучении европейской интеграции в этот период стал неофункционалистский подход. Он отправлялся от некоторых базовых представлений функционализма, в то же время, развивая, видоизменяя и уточняя его положения. Неофункционализм развивался преимущественно американскими политологами и имел две предметных и методологических разновидности. Одна из них, связанная с именем Карла Дейча и получившая название теория коммуникации, была

направлена на анализ интеграционных сообществ в широком контексте международных отношений. Другая, связанная с работами Эрнста Хааса и его последователей, была направлена непосредственно на анализ региональной политической интеграции, в фокусе которого находился процесс интеграции в Западной Европе.

В коммуникационной теории Дейча проводилось различие между «юридическим государством» и «социологической нацией», которое он переносил и на международные отношения. С этой точки зрения, в международной сфере взаимодействуют не только государства, но и общества и народы. Поэтому международная интеграция не ограничивается сближением государств, но должна сопровождаться и сближением обществ. Если для сближения государств особенно важным является заключение юридически оформленных союзов, а в перспективе и возможное их объединение в федерацию, то для сближения обществ наиболее важным является возникновение «чувства сообщества», которое формируется в процессе интенсивного и дружественного общения (коммуникации) народов. Исходя из этого, в явлениях международной интеграции можно различить разные виды и фазы развития интеграционных сообществ. С одной стороны, возможны политические объединения государств, скрепленные юридическими договорами. Но, с другой, – возможны и объединения, скрепленные «чувством сообщества», основанном на общении и взаимопонимании. Вторые, с точки зрения коммуникационной теории, являются более прочными, чем первые. Более того, лишь опираясь на «чувство сообщества», политические объединения государств могут перейти в качество устойчивых и долговременных «сообществ безопасности».

Неофункционалистский подход в версии Хааса и его последователей содержал значительно более конкретный анализ политических факторов интеграции, так как отправлялся не только от идей функционализма Митрани, но и от плюралистического понимания политики, распространенного тогда в американской политологии, а также от анализа политической практики самого Европейского экономического сообщества того периода [4]. Он исходил из представления, что главными движущими силами интеграции являются не абстрактное «чувство

сообщества», утвердившееся в обществе, не общие и нерасчлененные интересы государств, а действия представленных в политике интегрирующихся государств основных партий и групп интересов. В условиях интеграции эти политические акторы получают возможность использовать в своих интересах наличие наднационального политического уровня, стремятся действовать на этом уровне, формулировать там свои ожидания и программы, тем самым, укрепляя и развивая его.

Другой аспект неофункционалистского анализа касался роли функционально специализированного сотрудничества в интеграционном процессе, которую подчеркивал Митрани. Хаас выдвинул концепцию так называемого процесса «переплескивания» (spill-over-эффект), который означает, что тесное специализированное сотрудничество в какой-то одной области неизбежно влияет на сотрудничество в смежных и соседних областях («переплескивается») и постепенно распространяется на все новые и новые области, делая процесс сотрудничества все более многообразным, устойчивым и долговременным. Это меняет в процессе интеграции роль политиков, которую функционализм Митрани считал второстепенной, придавая главное значение техническим специалистам в отдельных областях. Теперь сама долговременность и многообразие процесса требует внимания не только технических специалистов, но и политических акторов, которые учатся действовать на этом интеграционном уровне, руководствуясь не сиюминутными порывами и интересами, а долговременным стратегическим расчетом. Эти обстоятельства также укрепляют политически интеграционный процесс и способствуют его развитию.

Неофункционалистские объяснения развития политической интеграции, в рамках которых были предложены интересные аналитические модели, приобрели большую популярность среди исследователей европейской интеграции и послужили основной многих исследовательских проектов. Но в то же время они столкнулись и с трудностями. Главная из них состояла в том, что оптимистические прогнозы динамичного развития политической интеграции в ЕЭС, вытекавшие из неофункционалистского анализа, плохо сочетались с реальной политической практикой сообщества в 70-е го-

ды, для которой была характерна стагнация и замедление интеграции, вызванные расхождениями в политике интегрирующихся государств. Это привело к усилению критики неофункционализма и ограничению его господствующего положения в исследованиях интеграции.

Основным конкурентом неофункционализму в этот период стал межправительственный подход, предложенный американским политологом Стэнли Хоффманом. Этот подход исходил из того, что европейская интеграция является, прежде всего, международным процессом и должна рассматриваться в рамках теоретических концепций международных отношений. Эти теории, восходящие к идеям реалистической школы, рассматривают интеграцию как результат взаимодействия государств, которые руководствуются национальными интересами и заботой о собственной безопасности. Именно от конфигурации этих интересов зависит ход интеграционного процесса. Данное обстоятельство, как считает Хоффман, объясняет, почему на смену первым успехам интеграции, пришли проблемы и сложности, затормозившие этот процесс. Сложности были вызваны тем, что интеграционный процесс стал затрагивать такие национальные интересы государств и области их суверенитета, которые не могли быть переданы интеграционному сообществу. В этой связи в межправительственном подходе проводится различие между областями так называемой «высокой» (внешняя политика, оборона, безопасность) и «низкой» (вопросы экономики, социальной сферы и др.) политики. В сфере «низкой» политики глубокая интеграция возможна, так как там происходит основное взаимодействие обществ, и государствам выгодно создавать общие институты регулирования и контроля. В сфере же «высокой» политики определяющими являются интересы самих государств, и в этой сфере интеграция неизбежно будет ограничиваться рамками межправительственных институтов по согласованию интересов.

Трактовка интеграции в рамках межправительственного подхода привела к выявлению в интеграционном процессе возможности появления двух видов проблем и конфликтов, которые могут осложнять и тормозить его динамику. Во-первых, это конфликты и расхождения между на-

циональными государствами и наднациональными интеграционными институтами. Во-вторых, это конфликты и расхождения между государствами сообщества, вытекающие из различий и интересов их внешней политики по отношению к государствам вне сообщества. Эти проблемы будут постоянно осложнять развитие интеграции. Для их разрешения требуется постоянный переговорный процесс как между государствами-членами, так и между ними и наднациональными институтами, в котором главную роль будут играть правительства, что и будет укреплять их роль в интеграционном процессе.

Именно в слабом учете роли государств в процессе интеграции обвиняли сторонников неофункционалистского подхода. Им также ставили в упрек преувеличение значения наднациональных органов и неспособность учесть влияние межправительственной политики, внешних влияний на интеграцию, а различия видов политики.

Наряду с выше указанными подходами в этот период продолжалось и развитие федерализма. В нем активизировалась разработка такой концепции европейской федерации, которая бы, обеспечивая мир и благосостояние, позволяла в полной мере сохранять национальное и региональное многообразие в сообществе. Высшая политическая инстанция в нем могла бы базироваться на общности европейских ценностей, став центром консолидации европейской политической идентичности. Можно отметить также ценностно-культурный подход Инглхарта, появившийся в 60-е годы. Он исходил из того, что европейский интеграционный процесс развивается ввиду изменения ценностей у новых послевоенных поколений [5].

Таким образом, подходы и исследования европейской интеграции на этом этапе развивались очень активно. В них приходили методы из различных областей знания – политологии, социологии, права, международных отношений. Большой фактический материал давала и практика интеграции. В то же время это был период активных дебатов между различными подходами, поисков новых объяснений и аргументов. В целом все это способствовало становлению и развитию научного дискурса в интеграционном анализе.

3. Современные подходы и тенденции в исследованиях европейской интеграции. Современный этап в развитии исследований европейской интеграции обычно связывают с фазой новой динамики в самом интеграционном процессе, которая обозначилась со второй половины 80-х годов и продолжается до настоящего времени. Эта фаза вместила масштабные события как в самом Европейском сообществе, существенно расширившемся и преобразованном в Европейский Союз, так и в его отношениях с внешним миром. Объединенная Европа стала мощным фактором мировой политики и движущей силой изменений системы международных отношений в целом.

В исследованиях интеграции эти изменения в характере политического развития Европы проявились в основном в трех тенденциях [6. С. 40].

Во-первых, с началом фазы новой динамики европейской интеграции внимание к исследованиям европейской интеграции вновь резко возросло. Фронт исследований был заметно расширен, существенно возросло число и разнообразие исследовательских проектов.

Во-вторых, на новом этапе заметно ослабла тенденция к доминированию в исследованиях интеграции какого-то одного теоретико-методологического подхода, и усилилось стремление к использованию разнообразного теоретического арсенала и к сближению различных подходов.

В-третьих, в исследованиях заметно усилилась тенденция к конкретизации тем и направлений анализа, к ориентации на эмпирический анализ и использование теорий среднего уровня.

Конечно, и в новых условиях сохранили определенное значение прежние, уже знакомые нам подходы – федерализм, неофункционализм и межправительственный подход. Активная и многообразная практика интеграции давала им пищу для анализа. Федерализм, например, обнаруживал в ней тенденции федерализации ЕС, которые проявлялись в повышении роли наднациональных институтов и проектах принятия Конституции. Неофункционализм фиксировал развитие сотрудничества в разнообразных специализированных отраслях, в разработке сообществом множества конкретных программ и проектов, в тенденциях европеизации политики в странах-участницах.

Межправительственный подход имел возможность анализировать растущий объем переговоров и согласований позиций на многочисленных межправительственных встречах и саммитах [7].

Но новые тенденции в многообразной практике европейской интеграции заставляли меняться и эти классические подходы. В них усиливались тенденции к сближению и к большей конкретизации анализа. В межправительственном подходе, например, большое влияние приобрело либеральное направление, которое стремилось учесть роль внутривнутриполитического контекста в странах-участницах и действия различных социальных и политических сил в выработке межправительственных решений в сообществе. Неофункционалистский подход был вынужден обратиться к анализу политики национальных государств, без которой многие аспекты социальных взаимодействий не могли получить удовлетворительного объяснения. А в федерализме большое внимание было уделено изучению различных моделей конфедеративного устройства, поскольку именно они более адекватно отражали тенденции развития внутреннего устройства европейского сообщества.

Вместе с тем, в интеграционном анализе усилилась потребность в новых подходах, которые могли бы лучше отразить возросшую сложность процесса интеграции. Они возникали как в результате комбинации различных элементов традиционных подходов, так и путем появления новых компонентов и тематических направлений исследований. В основном новые подходы избегают «больших» теоретических концепций, свойственных традиционным направлениям, а ориентируются на «малые» теоретические конструкции или теории среднего уровня, относящиеся к тем или иным аспектам интеграционного процесса. Из элементов этих теорий они в основном и выстраивают свое объяснение происходящего.

В целом этот комплекс подходов получил название теории «управления» или теории «нового управления», которую можно характеризовать скорее не как теоретический подход, а как исследовательскую программу с определенными теоретико-методологическими и тематическими ориентирами [8. С. 48-52]. Свое наименование она получила оттого, что основное внимание уделяет анализу процессов управле-

ния в Европейском Союзе. При этом процесс управления понимается достаточно широко. И как функционирование системы институтов ЕС, и как многоуровневая система принятия решений, где управление осуществляется на различных уровнях, и как система действий различных акторов. Управление рассматривается также как функциональный аспект «выхода» (output) политической системы ЕС, ее способности производить, «делать политику».

В теориях «нового управления» закрепляется представление о том, что ЕС является определенным видом политической системы, который существует и функционирует во многом помимо национальных государств, которые сами входят в нее лишь как одни из участников наряду с множеством других [9. S. 219-225]. Эта система реально существует и функционирует вне рамок отдельных национальных государств, и эта политическая реальность должна изучаться методами политических наук. Такое представление способствовало активному проникновению в исследование европейской интеграции таких классических концепций и подходов политической науки как анализ функциональных взаимодействий политической системы и среды, институциональный анализ, теории акторов и политических сетей и т.д.

Вместе с тем, изучение политической системы и системы управления ЕС с точки зрения теорий «нового управления» означает, что это наднациональная политическая реальность имеет особый характер, особую структуру и способ функционирования, отличающиеся от политических систем национальных государств. Это подчеркивается в применении к системе ЕС также таких понятий как «политическое пространство» или «пространство управления» и «режим управления». Данное обстоятельство сближает подход «нового управления» с теорией «международного режима», также применяемой для анализа системы управления ЕС [10. S. 488-491]. Эта теория, связанная с областью исследования международных отношений, делает упор на то, что система управления ЕС складывается и функционирует в международной среде в виде особой системы правил, ожиданий и способов поведения участников. И это отличает ее от режимов государственного управления, придавая ей вид так называемого «управления без правительства».

Эти черты теорий «нового управления» позволяют снять чрезмерное разграничение в исследованиях интеграции между подходами политической науки и подходами науки международных отношений. Преодолевая односторонность, теории «нового управления» рассматривают ЕС и как межгосударственное конфедеративное образование, и как особую политическую систему, и как особый международный режим, не отдавая явного предпочтения ни одной из этих трактовок, а сосредотачивая внимание на специализированном анализе конкретных процессов работы ЕС с помощью теорий среднего уровня.

Конечно, и в рамках этих подходов выявляются свои проблемы. Например, иногда отмечается, что в них слишком много внимания уделяется детальному анализу функционирования институтов ЕС. Чрезмерное подчеркивание роли институтов приводит к недооценке роли акторов. Последние оказываются как бы «пленниками» институционального устройства, не обладающими достаточной самостоятельностью действий. Другая проблема вытекает из сложности анализа многоуровневой системы управления в ЕС. Исследование управления на многих уровнях сталкивается с проблемой выявления общей логики действия такой системы, ее общей направленности и общей тенденции ее развития. Важным считается и вопрос о действенности системы управления ЕС и ее эффективности с точки зрения стоящих перед нею задач. Дискутируются и вопросы о том, не ведет ли рассмотрение ЕС с позиций особого характера его системы правления (в рамках теорий «нового управления») к чрезмерному подчеркиванию его уникальности и, следовательно, к обособлению происходящего в нем процесса от других процессов и явлений в политике современного мира.

Обсуждения проблем ЕС с позиций «нового управления» привели и к постановке вопроса о применимости к нему концепции «хорошего управления», дискуссия о которой активизировалась в последнее время в европейской политической науке. Ради чего и ради кого создается система политического управления, в том числе система управления в ЕС? Этот вопрос, являющийся главным в дискуссии о «хорошем управлении», был поставлен и в отношении управления на европейском уровне. Ответ на него в

принципе известен. «Хорошее управление» создается и функционирует в интересах граждан, оно должно быть эффективным и вызывать доверие. Но здесь система «нового европейского управления» сталкивалась с упреками в непрозрачности, отчужденности от граждан и чрезмерной усложненности, что было сформулировано как проблема «дефицита демократии» в этой системе. «Улучшению» управления посредством более четкого взаимодействия институтов, повышению прозрачности в принятии решений и обеспечения доверия и участия граждан, как считается, должен способствовать конституционный процесс, начавшийся в ЕС в начале 2000-х годов. Вместе с тем, вопрос о принятии Конституции ЕС ставится и шире. Возможно ли посредством принятия Конституции не только демократизировать транснациональную политическую систему ЕС, но и упрочить и развить ее в направлении большей определенности, эффективности и устойчивости? Ответ на этот вопрос многие исследователи интеграции считают сегодня особенно важным, учитывая вызовы масштабного расширения самого ЕС и роста мировой нестабильности, с которыми сталкивается европейская интеграция.

Таким образом, в целом область исследований европейской интеграции характеризуется сегодня многообразием и взаимодействием как традиционных, так и новых исследовательских школ и подходов. Они

отражают возросшую сложность и многоаспектность самой практики европейской интеграции, которая динамично развивается как вширь, так и вглубь, опираясь, к тому же на свой богатый и многообразный исторический опыт. Нацеленность на практику интеграции усиливает конкретность и эмпирическую направленность исследований, стимулируя применение в изучении самого широкого арсенала методов и подходов, выработанных в интеграционном анализе. Например, при рассмотрении интеграции с точки зрения ее целей наиболее эффективным может быть использование подходов федерализма. Если же она рассматривается преимущественно как процесс, то тогда более полезными могут быть неофункционалистские и межправительственные подходы. В периоды активной интеграционной динамики больше используются межправительственные подходы, позволяющие лучше анализировать переговорные процессы политиков. Если же интеграция испытывает спад, то тогда исследованию процесса на микроуровне помогают неофункционалистские теории. А при конкретном исследовании сложной и многоуровневой практики управления в интегрирующемся пространстве важную роль играют теории «нового управления». Совокупное применение всех этих подходов в целом позволяет оставлять меньше пробелов в этой динамично развивающейся области знаний.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Pfetsch Frank R. Die Europaeische Union. Eine Einfuehrung. Muenchen, 1997.
2. Подробнее о федерализме см.: Сиджански Д. Федералистское будущее Европы. От Европейского Сообщества до Европейского Союза. М., 1998.
3. Mitrany D. The Functional Theory of Politics. L., 1975.
4. Haas E.B. When Knowledge is Power. Berkley. 1990.
5. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. -- 1997. -- №№ 4-5.
6. O'Neill M. Eine Theorie der Intehgration? Plaedoyer fuer einen synkretischen Ansatz/ Varwick J., Knelangen W. (Hrsg.) Neues Europa – alte EU? Fragen an der europaeischen Inegrationsprozess. Opladen, 2004.
7. Европа от А до Я. Справочник европейской интеграции / Под ред. В. Вессельса. -- Рига, 2002.
8. O'Neill M. Eine Theorie der Intehgration? Plaedoyer fuer einen synkretischen Ansatz/ Varwick J., Knelangen W. (Hrsg.) Neues Europa – alte EU? Fragen an der europaeischen Inegrationsprozess. Opladen, 2004.
9. Lexikon der Politik. Band 5. Die Europaeische Union / Kolher-Koch B., Woyke W. (Hrsg.) Muenchen, 1996.
10. Woyke W. (Hrsg.) Handwoertrbuch Internationale Politik. 9. Auflage. Wiesbaden, 2005.

УДК 37.01

ББК 74.2

Педагогика, психология, философия

ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ СПЕЦИАЛИСТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА

Доктор педагогических наук В. А. Беляева

В статье рассматривается инновационная педагогическая система формирования у студентов высших духовных и нравственных ценностей отечественной культуры, раскрываются возможности контекстного представления традиционных ценностей бытия в аспекте взаимосвязи светской и православной культуры.

Ключевые слова: инновация, духовность, нравственность, образовательное пространство, воспитание

Анализ теории современной педагогической культуры в области исследований процесса становления и формирования духовно-нравственной сферы личности убеждает в том, что воспитание и развитие духовности и нравственности специалиста в системе непрерывного педагогического образования не имеет должной целенаправленности, соответствующих задач и технологий. В реальной практике подготовки специалиста в вузе его духовное становление и развитие находится вне пределов внимания педагогов. Образование направлено в основном на формирование интеллекта, а задача формирования у личности духовных и нравственных ценностей бытия остается на периферии внимания. Преобладание материалистического подхода в изучении личности и попытка измерить все ее структурные составляющие при помощи известных диагностических методов дезориентируют мировоззренческие представления буду-

щих специалистов в области антропологии человека и, таким образом, не только не актуализируют, но скорее сдерживают стремление студентов к самопознанию и саморазвитию своего духовного мира.

Анализ содержания духовных и нравственных ценностей и ценностных ориентаций, динамики их развития у школьников и студентов в период обучения в школе и вузе показал, что духовный идеал как ценностный ориентир в содержании их мировоззренческих представлений и выборе позиции поведения, действия имел место лишь у третьей части обследуемых. Вместе с тем, к выпускному курсу отмечался, хотя и незначительный, но рост развития духовной сферы личности. Так, около половины обследуемых пятикурсников признавали значимость духовно-нравственного воспитания в жизни человека; выражали интерес к отечественной православной культуре. При этом наблюдалась синхронность изменений в духовной сфере и нравствен-

ной. Изменения в духовной сфере влекло за собой аналогичные изменения в нравственной. Характер динамики развития уровней духовной и нравственной сфер у школьников и студентов показывал незначительность влияния образовательного процесса в школе и вузе на духовно-нравственное становление и развитие личности обучающихся.

Современная психологическая наука в исследовании проблемы духовности и духовной жизни человека начинает обращаться к теории и опыту православной педагогической культуры, которая раскрывает глубину и многоплановость духовной сущности человека, целостность и неразрывность его духовно-нравственной сферы. В то же время Государственный образовательный стандарт и вариативная система дополнительного образования, существующая в вузе, дают возможность конструирования инновационной системы духовно-нравственного воспитания и развития личности в условиях интеграции теоретических и практических изысканий светской и православной педагогической культуры.

Под инновационной педагогической системой мы понимаем совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов, функционирующих как новое целостное образование с характерными для него задающими параметрами «входа» и «выхода» и отличающееся содержательно и технологично от существующих систем. Цель организуемой инновационной системы – обеспечение образовательного процесса, ориентированного на духовно-нравственное становление и развитие личности будущего специалиста в условиях интегрированной взаимосвязи теории и опыта светской и православной педагогической культуры. Задачи: приобщение обучающихся к духовным и нравственным ценностям бытия; формирование у них образа высокого духовного идеала на уровне сознательного осмысления его ценности и необходимости следования ему; формирование приоритета духовных ценностей над материальными ценностями.

Культурологический подход в образовании как принцип инновационной системы определяет сущность компонента содержания образования, его не замкнутость в отношении различных мировоззренческих подходов к решению той или иной жизнен-

но важной проблемы бытия человека, природы общества.

Принцип аксиологического подхода актуализирует формирование у обучаемых ценностей, структурированных относительно высшего смысла бытия человека в отечественной культуре. То есть тех духовных ценностей, которые являются системообразующими «внутреннего строя личности».

К высшим духовным ценностям нами относятся: самоценность человеческой личности; наличие высокого духовного идеала (идеал творца); стремление отстаивать свой духовный идеал и следовать ему; жизненная установка на самопожертвование, на служение Отечеству и ближнему; следование принципам доброты и гуманизма во всех отношениях с другими людьми; стремление к саморазвитию и самосовершенствованию.

Нравственные ценности: чувство долга; самостоятельность в определении собственной позиции, поступках и ответственность за них; ответственное отношение к качественной подготовке к будущей профессии; искренность в отношениях с людьми; чувство совести; требовательность к себе.

Духовно-нравственное становление личности как педагогическая категория есть системный и интегративный процесс развития и саморазвития, включающий освоение личностью высоких духовных и нравственных ценностей бытия человека в мире; определение своего духовного идеала и целенаправленный процесс самореализации стремления к духовно-нравственному самосовершенствованию.

Принцип преемственности внутри самой инновационной системы предполагает приобщение будущих специалистов к высоким духовным и нравственным ценностям бытия в их единстве и целостности от первого курса к пятому в различных видах и формах учебно-профессиональной деятельности в соответствии с государственным образовательным стандартом и в условиях системы дополнительного образования. Кроме того, данный принцип определяет условия органичных переходов во взаимодействии всех субъектов осуществляемой деятельности независимо от того, какую базовую педагогическую систему они представляют (вуз, школу, экспериментальные площадки и другие).

Полисубъектность образовательного процесса предполагает ситуативное включение личности в различные виды деятель-

ности, в которых она должна самостоятельно выбирать определенную деятельностную позицию по отношению к рассматриваемому вопросу, обращаясь при этом к духовным и нравственным ценностям своего внутреннего мира. Развитие рефлексии и самопознания создают в данном случае предпосылки саморазвития и самовоспитания духовного и душевного мира личности.

Игнорирование хотя бы одного из этих принципов или искажение их сущности существенным образом изменяют инновационную педагогическую систему, что может привести не к тем результатам воспитания, которые планировались.

Компонент содержания образования в инновационной системе должен быть представлен системными инвариантными и вариативными знаниями в области антропологических знаний о человеке, иерархии духовных и нравственных ценностей бытия, педагогических идей светской и православной педагогической культуры в вопросах сущности механизма развития духовности и нравственности личности. Все это предполагает обновление содержание образования в вузе, включение в него знаний о душе, духовности, нравственности и других, освещающих проблему духовно-нравственного становления личности. Основой здесь должны служить ценности отечественной культуры в ее целостности светского и православного воззрений. Новое содержание знаний о духовно-нравственном становлении и воспитании личности должно быть системным, структурно вписывающимся в традиционно существующую систему изучаемых знаний. Эти изменения будут способствовать разрешению весьма сложного противоречия: между ограниченностью традиционно формируемого научного мировоззрения и богатством целостного мировоззрения, где коррелируют, сходятся и расходятся взгляды и представления о сущности мира и человека, о глобальных проблемах бытия человека, природы и общества ученых различных философских воззрений отечественной и зарубежной школ прошлого и настоящего.

Мировоззренческие представления о душе, духовном мире, духовности должны формироваться не как законченные, а задающие «пространство» и «основу» для дальнейших размышлений и рассуждений субъекта, в процессе которых складывается

субъективная картина мира и формируется соответствующее мироощущение. При этом выход обучаемых за пределы известных программных знаний будет вызывать стремление к собственному научному поиску новых знаний, стимулировать потребность в самопознании, побуждать к саморазвитию и обогащению собственных мировоззренческих взглядов и представлений.

Таким образом, знания о духовно-нравственной сфере, духовных и нравственных ценностях, душевной и духовной жизни будут выполнять системообразующую функцию по отношению ко всем другим знаниям антропологии человека при условии их интегрированного рассмотрения с позиций философии, психологии, педагогики, культурологии в русле ценностей светской и православной культуры. Само содержание этих знаний необходимо подавать таким образом, чтобы было возможно их проблемное и целостное рассмотрение в процессе обучения, чтобы изучаемые знания нельзя было свести лишь к темам эстетического или морализующего отношения. Они должны быть прочувствованы на уровне личностных переживаний и самооценивания своей собственной причастности к культуре этих знаний, как к культуре своего народа. При этом инвариантные и вариативные знания о духовной сущности человека, о проблемах его духовной и душевной жизни будут оказывать воздействие на чувства обучаемых лишь в случае их субъектного осмысления с позиций философии, науки, религии, общественной жизни вкпе.

В организации процесса духовно-нравственного воспитания и развития личности будущего специалиста, как уже отмечалось, изначально значимым и необходимым является наличие для него образа духовного идеала, в котором сосредоточены в определенной иерархии высокие духовные и нравственные ценности бытия. Ценностные ориентации выражают содержательную сущность нравственных устоев и детерминируют целевую направленность деятельности личности. В нашем случае речь должна идти об образе высокого духовного и нравственного идеала, который в православной культуре представлен идеалом Бога, Творца вселенной. Создание такого образа идеала может служить ориентиром и фактором воспитания и самовоспитания духовных и нравственных жизненных устоев личности.

Обращение к отечественным духовным и нравственным ценностям бытия народа будет создавать атмосферу их близости и значимости для каждого, что обеспечит благоприятные условия реализации перехода внешнего во внутреннее (присвоение ценностей на личностно значимом уровне).

Особенности технологии образовательного процесса в инновационной педагогической системе выражены в ориентации всех ее компонентов на признание: духовной сущности личности; возможности разделения и соотнесения духовных и нравственных составляющих в ее структуре; сопряженности личности с системой мира; признание свободы личности в самопознании, саморазвитии и самосовершенствовании, а также – возможности лишь частичного познания ее духовной сущности и невозможности полного и всеобъемлющего осмысления внутреннего мира, глубинного духовно-целостного содержания личности.

Прямое педагогическое воздействие на духовно-нравственную сферу личности практически невозможно. Оно в определенной мере технологично по отношению только к периферийным составляющим (интеллектуальному, потребностно-мотивационному, операциональному, интеллектуально-эмоциональному, действенно-поведенческому компонентам). Воздействие же на ядро духовно-нравственной сферы возможно лишь опосредовано, путем приобщения обучаемых к духовным ценностям в процессе их субъектной творческой деятельности, в которой интегрированы духовная и практическая задачи воспитания как единая целостная. Духовная задача – развить в человеке то, что вечно ценно и неизменно в своей ценности. Практическая задача – освоить то, что ценостно значимо в профессиональной деятельности специалиста.

Поливариантное образовательное пространство высшей школы, стратегически ориентированное на развитие и саморазвитие личности, базируется на классических закономерностях функционирования образовательного процесса, закономерностях развития и формирования личности, и, таким образом, представлено широким спектром видов и форм учебно-познавательной, научно-исследовательской, практической профессиональной деятельности обучаемых, а также их образовательно-воспита-

тельной самостоятельности. Каждая из форм образования и воспитания может и должна включать многообразие видов познавательной деятельности, предусматривающих свободу выбора студентом того или иного вида субъектной творческой деятельности в соответствии со своими духовными потребностями и способностями к научному поиску в области духовного наследия своего народа, созиданию нового в целях служения развитию отечественной культуры.

Результативность образовательного процесса, ориентированного на духовно-нравственное становление личности будущего специалиста, может быть достигнута в случае обеспечения условий «законосообразности технологии» этого процесса и целенаправленной деятельности педагогов по актуализации, стимулированию и созданию условий развития и саморазвития духовно-нравственной сферы обучаемых. При этом культурное и профессиональное развитие и саморазвитие личности будут происходить более эффективно, если предполагаемый результат воспитания конкретизирован относительно иерархии ценностей, где на самом верху находятся приоритет духовного над материальным, свобода выбора своего направления движения в саморазвитии и самовоспитании в целях облагораживания и одухотворения окружающей жизни.

Тенденциями развития процесса духовно-нравственного воспитания и образования личности в условиях инновационной педагогической системы выступают:

- расширение поливариативного содержания знаний о духовно-нравственной сфере и стремление к определенности высокого духовного идеала;
- переориентация содержания общечеловеческих ценностей на высокие личностно-ориентированные духовные и нравственные ценности созидания духовной красоты и гармонии в окружающем мире и актуализация стремления к саморазвитию духовного мира и возвышению над собой (преодоление страстей);
- технологичность приобщения личности к духовным и нравственным ценностям в процессе субъектной познавательной-практической креативной деятельности в условиях свободы выбора и самоопределения в поливариативном образовательном пространстве;

– расширение условий для формирования стремления к самоактуализации и самореализации в профессиональной деятельности, в центре которых будут любовь к Отечеству и к своему народу, готовность беззаветного им служения.

Таким образом, проектирование и конструирование инновационной педагогиче-

ской системы, предполагающей духовно-нравственное воспитание и образование будущего специалиста, осуществляются на основе интегрированной взаимосвязи теории и опыта светской и православной педагогической культуры, определяющих содержательную сущность всех ее компонентов.

УДК 316.421

ББК 60.56

Социология, культурная география

ИНТЕРПРЕТИРУЯ ПРИГРАНИЧЬЕ: МЕТАФОРЫ «ОКНА», «ЗЕРКАЛА» И «ВИТРИНЫ»

О. Е. Бредникова

В статье рассматриваются теоретические и методологические подходы и проблемы исследования новых постсоветских границ и приграничья. Представляется, что в настоящий момент концепция метафоры – наиболее эвристичный подход к пониманию феномена приграничья, в частности, метафора ёюкнай отражает сложный режим взаимоотношений и политик идентичностей по разные стороны границы. Актуальные темы в исследовании приграничья – кризис национального государства, транснациональные и постнациональные приграничные сообщества, новые значения государственных границ и пр.

Ключевые слова: границы национального государства, концепции границы, новое российское приграничье, метафоры «окна», «зеркала» и «витрины» в исследовании границ

«Парадоксально, но тема границ привлекает больше внимания, чем раньше, во время существования железного занавеса», – писал в 1998 году австрийский исследователь границ и приграничных территорий Йозеф Лангер [1, С.25]. И действительно, всплеск интереса к исследованиям границ в социальных науках буквально лет десять назад на Западе, а ныне и на постсоветском пространстве, поражает: исследования приграничья становятся необыкновенно популярными во многих академических структурах, в университетах начинают читать специализированные курсы border studies, а в библиотеках множатся полки с соответствующей тематикой. Однако парадокса тут нет. Это лишь показатель неких социальных перемен, которые срочно требовали научного осмысления. И дело не только в том, что границы в современном мире стали более открытыми и легко пересекаемыми людьми, товарами, информацией, идеями и прочее. Границы оказались «номадами», изменяющими свое местопо-

ложение. Более того, они изменяют свои статусы и смыслы, что, в свою очередь, значительно трансформирует статусы и смыслы, приписываемые приграничным территориям.

В данной работе представлена современная дискуссия, идущая в социальных науках о границах и приграничье, коротко рассматриваются некоторые методологические подходы к их исследованию, а также представлены, на мой взгляд, наиболее перспективные направления концептуализации современного постсоветского приграничья. В данной работе под категорией **приграничье** понимаются территории, расположенные близ государственных границ России.

Уникальность нового приграничья

Практически все исследователи границ и приграничных территорий, вне зависимости от фокуса исследования, отмечают особый статус приграничья, выделяя его от остального пространства национального го-

сударства и наделяя особыми значениями. Уникальность приграничья связывается, с одной стороны, с близостью соседнего государства, с другой - с некоторой изолированностью территории. Приграничные территории, благодаря своему окраинному местоположению, оказываются в той или иной степени «ограниченными» с двух сторон: снаружи из-за государственных институтов границы, извне – из-за чрезмерной централизации современных национальных государств и «тяготении» к соседнему государству.

Социальная жизнь в приграничьи во многом формируется благодаря наличию и близости «соседей» [2]. При этом все пространство приграничья густо маркировано национальной символикой, и пересечение границы актуализирует национальную идентичность, ибо постоянно востребуются «документальные свидетельства» национальной идентичности, в частности паспорта. По мнению исследователей, близость «соседа» должна провоцировать и воспроизводить национальные и прочие идентичности и, таким образом, постоянно воспроизводить и «обострять» различия: «Приграничные регионы являются привилегированным местом для артикуляции национальных различий /.../ Это нарциссизм по Фрейду» [3, С.14].

Однако в современных исследованиях границ доминирует представление о приграничье не как об изолированном пространстве, где акцентируются национальные различия, но как о креативном пространстве трансграничности. По мнению Э.Зерубавеля, приграничные зоны расположены в «нескольких ментальных областях одновременно». Такое промежуточное положение делает пространство приграничья сущностно амбивалентным, что представляет серьезную угрозу современной достаточно жесткой классификационной структуре [4]. При этом приграничье – не просто зона слома «жестких классификационных структур» (в частности, национальных государств) и представлений о них, оно должно рассматриваться «не как аналитически пустая транзитная зона, но как место креативного культурного производства» [5, С.208]. Приграничные территории рассматриваются как центры глобализации, не только выполняющие интеграционные функции, но и производящие трансграничные социальные группы, особые стили жизни и иден-

тичности. Таким образом, в современных исследованиях приграничных зон предпринимается попытка сдвинуться и отказаться от бинаризов границ. Новые концепции приграничья предлагают новые возможности для теоретизирования и концептуализации социального пространства. Например, приграничье может рассматриваться и анализироваться как метафора. Примером подобной концептуализации приграничья может быть рассмотрена работа Глории Анзалдуа [6], в которой граница рассматривается как «зеркало», а приграничье как «зазеркалье». Исследование фокусируется на опыте жизни в мексикано-американском приграничье и представляет специфическую историю мексиканских чиканос (chicanos) – мексиканцев, постоянно перемещающихся между Мексикой и США, и по мнению автора, имеющих особую приграничную культуру, «промежуточную идентичность», связанную с уникальностью практик постоянного пересечения границы. Согласно Анзалдуа, в приграничье «жизненная кровь двух миров сливаясь, формирует третью «страну» – граничную культуру» [6, С.25]. Жители приграничья «постоянно гуляют от одной культуры к другой», и оказывается, что не столь важно «прибиться» к той или иной культуре; именно поэтому создается особая приграничная культура с амбивалентностью идентичностей, толерантностью к инаковости, разделенной, а может и неопределенной лояльностью, то есть можно говорить об особом инструментальном, но не эмоциональном отношении к гражданству и т.д.

Итак, моделируя дискуссию, выделим два центральных тезиса, вокруг которых формируется современный дебат о приграничье:

1) Приграничье – это некий «нарциссизм по Фрейду», когда ситуация близости границы провоцирует поиск, формулирование и акцентирование отличий от жителей соседних государств. Таким образом, формируется определенная (сформулированная) социальная граница между «нами» и «ими», совпадающая с пределами национального государства

2) Приграничье – это «зазеркалье». Приграничье, в отличие от других территорий, предоставляет множество референций и фреймов, паттернов и идентичностей и пр. Более того, там происходит постоянное перетекание образцов, моделей поведения, сти-

лей жизни и пр. Социальная граница в приграничных территориях размывается и формируется некоторое единое трансграничное социальное пространство, «промежуточное» в рамках национальных государств..

При этом постсоветское приграничье, которое можно назвать «новым приграничьем», имеет свою специфику. Для исследователя границ, новое приграничье, появившееся в результате формирования новых национальных государств на постсоветском пространстве, становится уникальным исследовательским полигоном, где возможно наблюдать процессы строительства и разрушения границ одновременно. С одной стороны, на постсоветском пространстве активно идет национальное строительство. В этой связи границы формируются и укрепляются институционально. Кроме того, граница укореняется в представлениях людей, структурирует их представления о мире, формирует их идентичности. С другой стороны, социологи фиксируют глобализационные процессы, игнорирующие, переступающие и даже разрушающие границы. Например, можно говорить о транснациональных жизненных стратегиях людей, игнорирующих границы. И эти процессы одновременного создания и разрушения границ происходят в контексте поделенной памяти об общем советском прошлом, а также в ситуации плотных социальных сетей и насыщенных социальных отношений, связывающих жителей обеих сторон границы и «расширенной» зоны повседневности за национальные пределы. В этой связи при исследовании границ и приграничных территорий необходимо учитывать три «тренда», определяющих/формирующих социальную жизнь в приграничьи: национальное строительство, процессы глобализации и процесс воспроизводства региональности или локальности.

Метафорика границ: попытка концептуализации

Многообразие социальных изменений на постсоветском пространстве ныне концептуализируют по-разному. Одной из центральных парадигм оказывается парадигма национального государства, в рамках которой особое значение приобретает изучение создания собственных национальных историй и героев. Другая влиятельная исследовательская перспектива связана с постко-

лонияльными и имперскими исследованиями. Согласно этому подходу, идентичность в постимперских условиях утверждается «дифференциально», и вся постколониальная теория в значительной мере выстроена вокруг понятия и концептуализации «другого» [7 и др.]. Совершенно очевидно, что эти концепции обладают определенной объяснительной силой и эвристическим потенциалом. Однако, как хорошо известно, слабость «глобальных» теорий, прежде всего, в их высокой степени генерализации, в частности, они не исчерпывают специфику пространств *ad marginem*, где сосед оказывается более близким и от этого более «реален».

Для осмысления феномена приграничья и современных границ эвристичным представляется использование метафор. Во-первых, используемые в быденном языке и в академическом дискурсе, они отражают и формируют смыслы, приписываемые границам и приграничным территориям. Как известно, суть метафоры заключается в понимании и переживании сущности одного вида в терминах другого [8, С.128]. Для большинства людей метафора является лишь инструментом поэтического воображения и риторических ухищрений. Однако образные и творческие метафоры проницают в нашу повседневную жизнь не только в язык, но в мышление и действие. Наша быденная понятийная система, на языке которой мы думаем и действуем, по сути метафорична. Метафоры, переходя из области творчества и поэтического воображения, внедряются в повседневную речь, становятся конвенциональными и начинают играть важную роль в определении повседневной реальности. Таким образом, человек начинает структурировать и понимать какое-либо явление в категориях метафоры, сам не замечая того. Последствия внедрения в язык метафоры становятся «реальными»: человек не просто говорит о чем-либо в терминах метафоры, но и действует в соответствии с метафорическими представлениями. Анализ метафор, используемых в академическом дискурсе, СМИ, а также в быденном языке, помогает расшифровать смыслы, приписываемые границам и приграничным территориям.

Во-вторых, метафора оказывается полезным и даже эвристичным аналитическим инструментом, объясняющим специ-

фику границ и приграничных пространств. В различных ситуациях современная граница может быть «зеркалом», когда существует взаимозависимость, когда необходимо присутствие «другого», а отношения фактически отзеркаливаются, «отражают» друг друга, хотя, возможно, с разными «знаками», ибо ситуации отзеркаливания всегда существуют субъектно-объектные отношения, когда кто-то смотрит, а кто-то отражает; граница может также быть «витриной», когда цель взаимоотношений – представить, экспонировать нечто вовне; граница также может быть «окном», за пределами которого течет собственная жизнь – в это «окно» можно заглядывать, но смотрящий останется сторонним наблюдателем, так как наблюдение не есть участие, а от «подсматривания» не изменится жизнь ни по ту, ни по другую сторону границ. В свою очередь, статусы и смыслы, приписываемые границам, отражают специфику / формируют приграничье.

Методологические подходы к исследованию приграничья

Концептуализировать приграничье, на мой взгляд, было бы полезно и эвристично, исходя из перспективы современной социологии пространства и социальной, культурной и постмодернистской географии, используя схему анализа конституирования пространства (например [9], [10]), которая предлагает тройную схему анализа:

1) анализ объективного пространства, которое конструируется как объективное, из физики, геометрии и т.д.

2) анализ репрезентации пространства, его знаков и символов. «Пространство – это не вещь, не предмет, но схема классификации» (цит. по [11, С.51] Филиппов, 2002:51), и эта схема отражается в знаках и символах пространства;

3) анализ пространства практики, т.е. «проживаемого» пространства, где люди живут и взаимодействуют.

При этом, фокусируясь исключительно на социальном, важны лишь два последних подхода, ибо приграничье рассматривается не как физическое пространство, но как репрезентационное и «проживаемое пространство» (как место локализации рутинных практик жителей приграничья). Я предполагаю, что этот подход более эффек-

тивен и эвристичен для анализа процессов размывания прежних и формирования новых пространств в постсоветском приграничьи. Таким образом, с одной стороны, необходимо исследовать практики, связанные с пересечением границы (border-contested, «границе-содержащие практики» – термин, предложенный Д. Бердал [2]). Это практики, связывающие жителей приграничья по обе стороны границы, – практики «потребления» заграничного пространства, трансграничные социальные сети и пр. С другой стороны, необходимо исследовать репрезентации пространства, анализируя различные маркеры, материальные свидетельства, а также доминирующие нарративы, участвующие в воспроизводстве территории приграничья. Например, исследовать музейные композиции и сувениры, репрезентирующие образы пространства; карты, памятники, особенно появившиеся в последнее время, особенности протекания времени в приграничьи и разные календари по обе стороны границы и так далее. Для анализа репрезентаций пространства возможно использовать теоретические подходы культурной и социальной географии, представленные работами П.Ягер, в частности, идею «тематизированного пространства», которая исходит из того, что сейчас люди предпочитают «находиться в пространстве, которое внешне историзировано, описано, нарратизировано» [12, С.18]. Именно поэтому современные территории конструируются и репрезентируются на основании какой-либо определенной идеи, темы или «точки зрения». Тематизированное пространство, будь то Диснейленд или же национальное государство, гиперартикулировано и выражено множеством нарративов, и задача исследователя – реконструировать такие нарративы. «Артикулированное» и нарративизированное пространство становится симулякрот Бодрийяра, но именно таким способом оно убедительно и становится «реально» существующим в настоящий момент.

При этом самым сложным вопросом, на мой взгляд, является проблема соотношения тематизированного и проживаемого пространств. Однако, возможно, ответ на него, даст использование концепции Лорана Тевено о различных режимах публичности, когда в одном и том же пространстве, но в

разных контекстах/режимах публичности, работают разные правила, регулирующие социальную жизнь.

**Некоторые направления
исследований приграничья
(вместо заключения)**

В заключение, перечислю некоторые, на мой взгляд, наиболее перспективные направления исследований нового приграничья:

1) Очевидно, что близ границы формируется особое социальное пространство, конституируемое близостью государственной границы и перешагивающее ее. В исследовании приграничья важно понять, насколько это социальное пространство трансгранично, то есть оно не просто переступает и игнорирует границы, но формируется благодаря существованию самой границы.

2) Тезис об исчезновении национального государства пока еще преждевременен, особенно в ситуации национального строительства, ведущегося ныне на постсоветском пространстве. Национальное государство еще продолжает создавать основные контексты, где люди организуют свою повседневную жизнь. Кроме того, еще силен институт гражданства, во многом определяющий социальные идентичности и статусы, предоставляющий определенные ресурсы и, напротив, ограничения и пр. Однако, я полагаю, для анализа современного национального государства возможно разрабатывать категорию «перфорированного контейнера». Исследовательская задача – реконструировать «места поломки», где контроль и влияние национального государства уже менее значимы. В этой связи исследовательский вопрос – можно ли говорить в ситуации приграничья о формировании не только транснациональных сообществ, но и о постнациональных. Возможно, приграничье – это место, где формируются новые постнациональные социальные формы или постнациональные сообщества. Такие сообщества должны своим существованием отрицать всякую значимость национального государства в современной жизни и качественно отличаться от сообществ национальных.

3) Возможно, в ситуации «нового» (постсоветского) приграничья национальные идентичности теряют свою территориальную и этническую компоненты. Кроме того, они связаны не столько с гражданской лояльностью, сколько с выбором жизненных стратегий. Поэтому исследование идентичностей жителей приграничья должно быть связано, прежде всего, с исследованием жизненных стратегий – образовательных, трудовых, брачных и так далее.

4) Современные государственные границы на постсоветском пространстве наделяются иными смыслами, чем смысл границы между двумя национальными государствами. Как показывают исследования, сейчас государственная граница, зачастую, вписывается в жизненный мир людей через категории времени (прошлое/настоящее/будущее), географические категории (Восток/Запад, Европа/Азия) и категории культуры (например, для описания различий между Россией и Эстонией, жители т.н. разделенного города Нарвы и Ивангорода используют традиционную категорию, описывающего чужого – «грязь»). То есть важной и интересной исследовательской задачей может стать задача реконструирования смыслов, приписываемых границам. В постсоветской ситуации необходимо понять, возникает ли эффект постимпериализма и постколониализма, когда идентичность утверждается «дифференциально», через игру сравнений и контрастов, а в качестве референции востребуется «сосед».

5) Появление новых границ изменяет прежнее восприятие и структурирование «мира вокруг». Определение пространства как промежуточного, безусловно, должно определенным образом подрывать существующие классификации. Кроме того, процесс формирования новых границ вызывает перецентрирование пространства. Люди во многом продолжают структурировать окружающий мир на основании дихотомии центр/периферия. Но если ранее пространство национального государства воспринималось как концентрическая окружность с центром в столице («начинается Земля, как известно, от Кремля» В. Маяковский), то теперь, возможно, появляется множество «центров», переступающие

национальные пределы. И в этой связи исследовательскими вопросами могут стать вопросы о трансформации в ситуации приграничья уже существующих систем клас-

сификации пространства; а также исследовательский вопрос о перецентрировании или, возможно, де-центрировании пространства в приграничье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Langer, J. (1998) Towards a Conceptualisation of Border: The Central European Experience // H.Eskelinen, I.Liikanen (Eds.), *Curtains of Iron and Gold*. New York, Dehli. P. 25–43.
2. Berdahl, D. (1997) *Where the World Ended. Re-unification and identity in the German Borderland*. Berkley, Los Angeles, London.
3. Sahlins, P. (1989) *Boundaries: The making of France and Spain in the Pyrenees*. Berkley, Los Angeles, Oxford.
4. Zerubavel, E. (1991) *The Fine Line. Making distinctions in everyday life*. Free Press NY, Toronto, Oxford, Singapore, Sydney.
5. Rosaldo, R. (1989) *Culture and Truth. The remaking of Social Analysis*. Boston: Beacon Press.
6. Anzaldua, Gl. (1999). *Borderlands/ La Frontera. The New Mestiza*. San-Francisko.
7. Bhabha, H. (1990) (Ed.). *Nation and Narration*. London, 1990.
8. Лакофф, Дж., Джонсон, М. (1998) Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия / В. Петрова (ред.). – Благовещенск: Благовещенский гуманитарный колледж им. И. А. Бодуэна да Куртена. – С. 126–172.
9. Lefebvre, H. (1991) *The Production of Space*. Blackwell, Oxford UK.
10. Soja, Ed. (1989) *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory*. London ; New York ; Verso.
11. Филиппов, А. (2002) Гетеротопология родных просторов // Отечественные записки. – 2002. – № 6 (7). – С. 48–63.
12. Yaeger, P. (1996) Introduction: Narrative Space. In: *The Geography of Identity*. Ed. Yaeger, P. Michigan University Press. P.1–38.
13. Brednikova, O. (2003) Fence and Gates: Images and Metaphors of the Modern Russian Border / C.Braga & A.Sorin (eds.) *ECHINOX. Geography Symbolic*, vol. 5, pp. 156–160.

УДК 292.08 + 947.084

ББК 86.372.24

Отечественная история, история русской православной церкви

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ С ПАЛОМНИЧЕСТВОМ К СЯТЫМ ИСТОЧНИКАМ

Кандидат исторических наук Ю. В. Гераськин

Паломничество к святым источникам является древней религиозной традицией русского народа. Для коммунистической власти оно приравнялось к нелегальной оппозиции. Когда большинство храмов в СССР были закрыты, моление у святых источников стало для верующих единственной возможностью отправлять религиозный обряд. Поэтому власть боролась против паломничества, стараясь разрушить святыне. Однако эта борьба ею была проиграна.

Ключевые слова: паломничество, святыне источники, святыне места, праздник, икона, святой, часовня, молебен.

После легализации Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны в зоне особого внимания государства оказалась внехрамовая религиозная жизнь. Паломничества к источникам, крестные ходы, моления около них были самыми древними, массовыми, живыми, неформальными проявлениями веры, наиболее ярко демонстрируя народный характер православия в России. Властью они рассматривались не просто как путешествия к местам, связанным с событиями «Святого писания», историей икон, деяниями святых и различными чудотворениями в надежде получить «сверхъестественную помощь» или как религиозные предубеждения и суеверия [1. С. 330–398]. Власть видела в паломничестве к святым местам проявление религиозного фанатизма и нарушение общественного порядка.

28 ноября 1958 г. ЦК КПСС принимает секретное постановление «О мерах по прекращению паломничества к «святым местам», каковых в СССР насчитывалось около 700, в том числе в РСФСР более 60. К середине 1959 г. местные партийные органы должны были отчитаться по результатам его выполнения [2].

Попытки прекратить паломничество верующих к святым местам предпринимались Советской властью многократно. В конце 50-х годов это была третья волна гонений на «святыне места», коими были в первую очередь святыне источники. При этом использовался мощный арсенал пропагандистских средств и административных мер. Истории борьбы Советской власти с паломничеством к святым местам посвящены издания ряда авторов [3].

В начальный период советской истории власть довольствовалась тем, что разрушала храмы и часовни с купальнями. Святым источникам тогда в отличие от мощей святых и икон повезло немногим больше – реквизируют их, продать за границу, поместить в музей было невозможно, а уничтожение требовало усилий и затрат. В ходе коллективизации основной удар властями наносился по сельским храмам. До святых источников порой не всегда доходили руки. Поэтому, как явствует из сводок «Союза воинствующих безбожников», в ряде мест (например, с. Дубово Ранненбургского района Московской области) после закрытия церквей святые колодцы становились местами массового моления верующих [4. Л. 70]. Газета «Безбожник» от 10 июля 1933 г. зафиксировала крестный ход к святому источнику с. Кошибеево Сасовского уезда Рязанского округа.

В августе 1948 г. под давлением Совета по делам РПЦ Священный Синод был вынужден принять решение о запрещении крестных ходов из села в село и всяких молебствий на полях. Не добившись желаемого успеха в административном воздействии, Совет по делам РПЦ в декабре того же года рекомендует уполномоченным на местах не чинить препятствия к проведению крестных ходов на воду, молебственных Крещенских водосвятий [5. Л. 48]. Так, накануне праздника Крещения в 1949 г. настоятелю Вознесенской церкви г. Спасска Рязанской области А. Правдолюбову Спасский райисполком в соответствии с инструкцией Совета по делам РПЦ от 6 декабря 1948 г. разрешает крестный ход на Спасское озеро [6. Л. 2].

19 февраля 1949 г. в газете «Правда» была опубликован фельетон И. Рябова «Саратовская купель», высмеивающий как «дикий обряд» массовое участие жителей Саратова в водосвятном молебне. Из 30 тыс. присутствующих на молебне примерно 300–500 купались в проруби. Купание на праздник Крещения Господня было разрешено Волжским райисполкомом г. Саратова при содействии районного ОСВОДа [7]. Публикация стала поводом для нагнетания антицерковных настроений и административных мер воздействия в отношении верующих и духовенства. Она стала предметом обсуждения специального заседания Секретариата ЦК ВКП(б). В «Журнале Московской Патриархии» в марте 1949 г. было напечатано поста-

новление священного Синода, признавшего епископа Саратовского Бориса виновным в серьезном недосмотре, который повлек нарушение общественного приличия, выразившегося в массовом обнажении. Это, в свою очередь, вызвало со стороны печати незаслуженное обвинение церкви в «мракобесии», «язычестве» и «послужило, таким образом, во вред Матери-Церкви» [8. Л. 2–3]. Вводились запреты на водосвятие на реках и других водоемах, ограничивалось совершение треб вне храма.

Можно предполагать, что эта история не прошла мимо внимания И. В. Сталина. 24 февраля в Кремль на заседание Политбюро ЦК ВКП(б) приглашался председатель Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпов [9. С. 49].

Тяготы войны и первых послевоенных лет, незабываемая память о родных и близких, погибших за Родину, неутихающая боль об утратах накладывали свой отпечаток на некоторую часть населения, и побуждала их искать утешения в церкви. Фактически не было такого деревенского дома, в котором на божнице не стояла бы икона преподобного Серафима Саровского [10. С. 18, С. 249].

Усиление веры в годы войны и первый послевоенный период, в конце 50-х начале 60-х гг. сменилось некоторым охлаждением религиозности. Но общегосударственные праздники так и не смогли вытеснить религиозные. Несмотря на начавшееся динамичное вымывание молодежи из деревни в хрущевский период, связь поколений еще не была прервана, и общественное сознание каждого крестьянского сообщества хранило в своей коллективной памяти те культурно-бытовые модели поведения, что были приняты всеми жившими ранее поколениями. Поэтому если на одном полюсе были колхозные и партийные собрания, то на другом – моления у домашних икон, святых источников, родников, озер. Православные нормы жизни, на которых традиционно строилась жизнь крестьянского сообщества, оказались загнанными внутрь, но, не смотря на гонения, утрачены не были.

В годы Советской власти, когда подавляющее большинство церквей было закрыто, публично отмечать православные праздники запретили, а паломничество (хождение) ко многим русским святыням (прославленным монастырям, чудотворным иконам) стало затруднительным и даже невозможным,

святые источники становились единственным доступным местом для выражения религиозных чувств. Обычно на источники верующие ходили под руководством присматривающих за святыми колодцами и родниками монашествующих мирян. Эти «монахи» или «монашки» («чернички») обеспечивали непрерывность православной традиции. Подобные женские крестные ходы, которые крестьянки устраивали «от себя», наблюдались в Рязанской губернии еще в конце XIX века. Служба на источнике даже без священника хотя бы отчасти восполняла отсутствие церкви. С закрытием церквей святые источники стали единственным местом, где можно было взять святую воду, вера в целительную силу которой, прочно сохранялась в народе, и, конечно же, совершить омовение, помолиться о здравии или скором дожде. Кроме того, послевоенное внедрение власти вглубь массового сознания комплекса ожидания перемен легло на уже подготовленную почву (подобные настроения имелись) и способствовало обострению веры в разные знамения и чудеса, что, в свою очередь, нашло выражение в активизации паломничества к святым местам.

Борьба с паломничеством к святым местам представлялась делом непростым, поскольку омовению в святом источнике, особенно во время православных праздников, придавалось важное целительное, охранное и очищающее значение. Бытовало мнение, что святая вода изгоняет бесов. В Рязанском крае с годами сложилась устойчивая репутация отдельных источников. От глазных болезней рекомендовали совершать омовение в Иоанно-Богословском источнике в с. Пошупово Рыбновского района или в роднике около с. Собчаково Спасского района. Больным детям рекомендовались источники в селах Ижеславль Михайловского р-на и Большой Мутор Касимовского района. Мужчинам особенно полезной была вода из «Мужичьего колодца» в с. Гавердово Рязанского района. От «порчи и сглаза» помогала вода из источника, расположенного рядом с г. Сасово [11]. Поэтому веками люди шли к святому источнику с надеждой на избавление от духовных недугов и телесной хвори.

Существовал определенный ритуал целительного омовения, который с годами сформировался в традицию. Вот, как, например, ежегодно проходил крестный ход

к Святому колодезю в праздник Тихвинской иконы Божией Матери в с. Кирицы Спасского уезда (района). В этом крестном ходе участвовали не только прихожане сел Кирицы и Сушки, но и жители других околных селений. Утром 26 июня по окончании Божественной Литургии, богомольцы шли к Святому колодезю, «где, по совершению обряда водоосвящения... устремляются к источнику, испивают священной воли, умывают свои лица, обмакивают полотенца и вешают на ветвях деревьев принесенные из их домов белье» или полоски ткани с надеждой и верой в исчезновение болезни [12. Л. 182].

Многочисленные крестные ходы и паломничества к водным источникам практиковались не только в праздник Крещения, а круглогодично. Сначала это происходило в праздник Преполовления, приходящегося на середину времени от Пасхи до Троицы, затем на Духов день. Считалось, что вода от Духова дня обладает особенными обережными качествами и помогает от нечистых духов. В августе купались на Спас. Первый Спас в с. Савватья Ермишинского р-на, называли «Мокрым Спасом», что означало обряд купания в святом источнике [13. С. 231]. На Медовый Спас и, особенно, в день Флора и Лавра (31 августа) купали в святых озерах и кропили водой из святых источников лошадей. К концу лета, на Ильин день целебными почитались Ильинские «громовые» ключи. В словаре В. Даля как рязанское явление отмечена лексема «громовой колодец». Так называли ключ из-под камня, который обрзовался, по народному поверью, от удара грозы. Над ним ставилась часовенка. Особо много было источников в честь святой мученицы Параскевы Пятницы. Параскева Пятница была издавна чтима на Руси как покровительница семейного очага домашнего хозяйства, а также торговли. Старинным базарным днем считалась пятница, потому Параскева Пятница почиталась как покровительница торговли [14. С. 397].

По данным рязанского уполномоченного святые источники были расположены в нескольких местах: с. Тюшевка Трубетчинского района, с. Дубовое Колыбельского района, с. Кошибеево Сасовского района, с. Пошупово Рыбновского района, с. Дегтяное Рязского района, с. Затворное Горловского района, д. Полково Солотчинского района, с. Ибердь в Рязском районе, с. Дмитриево в Скопинском р-не, с. Кирицы Спас-

ского р-на, Большой Мутор и с. Ардабьево Касимовского р-на, с. Можары Сараевского р-на в других местах. Первые четыре источника упоминались в приложении к Постановлению ЦК КПСС от 16 октября 1958 г. и в секретной записке Совета по делам РПЦ №487/с от 24 сентября 1958 г. в ЦК КПСС «О паломничестве верующих к так называемым «святым местам» [15].

О большом размахе почитания святых источников свидетельствует их реальное количество, нередко превышающее официальную статистику. В конце XX века рязанским краеведом С. А. Иниковой был собран материал более, чем по 50 святым источникам и двум озерам Рязанского края. Были систематизированы предания и легенды о причинах их почитания. В 21 случаях они, так или иначе, связаны с чудотворными иконами, в 14 – со святыми или с именами местных подвижников благочестия, в 7 – с церквями, в 3-х – с необычными природными явлениями, в 2-х – с невинно пролитой кровью и в одном случае – с легендой дохристианских времен¹⁶. Живы предания о святых озерах с ушедшими в их глубины церквями («градом Китеж»). Озерный гидроним Святое широко представлен в Поочье, в т. ч. в Рязанской области¹⁷.

Необходимо уточнить, что контроль за ситуацией у святых источников осуществлялся уполномоченными задолго до 1958 г. Тамбовский уполномоченный изучал святые источники на территории области с 1948 г. и выявил более 10 источников, возле которых собирались паломники числом от 100 до 6 тысяч чел. Во время засухи 1948 г. верующие завалили уполномоченного просьбами разрешить молебны у источников с участием священников. Если в период засухи 1946 г. участие в таких молебнах сходило священникам с рук, и дело ограничивалось только предупреждением, то теперь могли быть сняты уполномоченным с регистрации и запрещены епископом в служении. Поэтому в ряде случаев священники вынуждены были выступать противниками молебнов у источников. Так, в сентябре 1948 г. священник И. Кондиев, явившись вместе с диаконом на подобный молебен около с. Верхние Пупки Дегтянского района Тамбовской области побил посуду с водой и разогнал собравшихся¹⁸.

Тема борьбы с паломничеством к святым источникам в Рязанской области нахо-

дилась в поле зрения партийных органов несколько лет. В справке секретарю Рязанского обкома КПСС Чачину К.Ф. о работе областного лекционного бюро с октября 1952 г. по июль 1953 г. говорится о том, что когда в начале 1953 г. около с. Тюшевка Трубетчинского района «объявился» «святой колодец» в с. Тюшевка за полугодие не было прочитано ни одной лекции.

7 августа 1954 г., ровно через месяц после принятия Постановления ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» заседание бюро Рязанского обкома партии, обсудив ситуацию в сфере борьбы с религиозными предрассудками, констатировало оживление паломничества к пяти «святым колодцам». Бюро обкома обязало отдел пропаганды и агитации, а также Сасовский, Горловский, Рязжский, Рыбновский и Солотчинский райкомы партии в декадный срок выработать мероприятия по широкому развертыванию научно-атеистической пропаганды в местах, где имеются святые колодцы, источники и т. д. и внести их на рассмотрение бюро обкома КПСС. Рекомендовалось также формировать навыки преподавания предметов атеистического содержания в школах и вузах¹⁹. 13 августа 1954 г. статья «Забытый участок идеологической работы», размещенная в областной газете «Сталинское знамя», обличала церковников, «дурачащих доверчивых людей святыми источниками». В публикации упоминались источники, расположенные в Солотчинском и Горловском районах.

По причинам внешнеполитическим в 1954 г. атака на народную традицию паломничества к святым местам не состоялась²⁰. Она отодвинулась до официального старта хрущевской антицерковной политики.

Первые информационные сообщения с мест о ситуации вокруг святых источников стали направляться в Совет по делам РПЦ при Совмине СССР и Рязанский обком КПСС в 1955 г. Весной 1957 г. в газете «Советская Россия» была размещена информация о том, что в Сасовском р-не Рязанской области не ведется антирелигиозная пропаганда, что, в свою очередь, порождает мракобесие и веру людей в чудеса Божии. Автор заметки – работник Сасовского летного училища гражданской авиации, все свои «доводы «подкреплял» фактами, которые он увидел на Кошибеевском роднике

Параскевы Пятницы. Источник посещали верующие не только близлежащих районов, но и областей. Публикация в московской газете вызвала переполох в обкоме и райкоме партии. Для разгона паломников в Кошибеево прибыла из Сасово конная милиция²¹.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 28 ноября 1958 г. секретарь Рязанского обкома партии С. Г. Якимов дал задание заведующему отделом пропаганды А. С. Кожевникову поставить на контроль, что делается райкомами партии по реализации решения ЦК о прекращении паломничества и отчитаться к 15 мая 1959 г.²² Тема борьбы с паломничеством к святым местам вошла в тематику районных семинаров по атеизму²³.

Совет по делам РПЦ направлял в адрес уполномоченных ряд секретных инструктивных писем, посвященных теме «паломничества к святым местам». В связи с тем, что ЦК КПСС поставил задачу перед государственными органами и учреждениями, общественными организациями путем проведения широкой воспитательной работы среди населения, на основе методов убеждения добиться прекращения паломничества и закрытия «так называемых «святых мест», Совет предлагал своим уполномоченным оказывать им в этом всякое содействие и помощь. Кроме того, весной каждого года Совет созывал уполномоченных на совещания, на которых анализировалась работа по прекращению паломничества к святым местам и давались конкретные поручения на текущий год.

Уполномоченным необходимо было, с учетом местных условий и совместно с руководящими органами региона, разработать такие мероприятия, осуществление которых исключало бы возможность посещения «святых мест» паломниками. Предлагалось занять территории разными постройками; использовать подобные места под культурно-просветительские учреждения, пионерские лагеря и дома отдыха, лесопитомники, плантации опытных посевов, пасеки, пастбища для скота, фермы водоплавающей дичи и т.д., что потребовало бы ограждения территории и ограничения доступа к источникам людей. Рядом с некоторыми источниками поначалу планировали устраивать летние пастбища для свиней, но Совет по делам РПЦ рекомендовал воздер-

живаться от подобного циничного оскорбления чувств верующих.

Совет по делам РПЦ обязал уполномоченных провести с управляющими епархий разъяснительную работу и добиться от них того, чтобы зарегистрированное духовенство не только не участвовало в паломничествах к «официально непризнанным» водным источникам, но и вело борьбу с их организаторами как шарлатанами, самосвятами или язычниками. При этом предписывалось предупреждать организаторов молений, которых в официальных документах называли «бродячим духовенством и монашествующими», об ответственности в соответствии со ст. 124 УК РСФСР «за распространение суеверий в целях извлечения материальной выгоды». В поле зрения правоохранительных органов Рязанской области попали, например, бывший послушник Троице-Сергиевой Лавры, псаломщик церкви с. Занины-Починки Ерахтурского района Г. И. Лузихин, некий «святой отец» Григорий из с. Ласково Солотчинского района и жительницы с. Кошибеево Василиса и Елена Ильевы, Вера Горынина. Все они были отмечены как лица, проводившие богослужения при святых источниках²⁴. В докладной записке Председателю Совета по делам РПЦ Г. Карпову рязанский уполномоченный С. Ножкин сообщает, что по его «рекомендации» архиепископ Николай вызвал к себе благочинных и потребовал от них вести разъяснительную работу среди верующих о нежелательности посещения «святых мест»²⁵.

Властями давалась установка разоблачать в печати и на радио антиобщественный, «корыстный» характер деятельности лиц, организующих паломничества к «святым местам», организовать печатные отклики медицинских работников об опасности распространения всяких инфекционных заболеваний и эпидемий. Власти рекомендовали проводить в селах собрания рабочих и колхозников, на которых вынести решения о ходатайстве перед районными Советами о запрещении паломничества, т.к. они могут привести к эпидемиям и пожару, вытаптыванию урожаев и луговых угодий и т.п. Принимаемые райисполкомами решения предполагали штрафы за их нарушение. На дорогах, на подступах к святым источникам выставлялись пикеты из комсомольцев. Ограничивались автобусные

сообщения, усиливался инспекторский контроль автомашин. Вводился негласный запрет на размещение паломников на постой. Для этого запрещалось использовать церковные сторожки для ночлега паломников.

Источники стали заваливать камнями и мусором, разрушать сохранившиеся при них с довоенной поры деревянные часовенки. В Рязани был забит цементом святой источник во имя Святителя Василия рязанского, расположенный у реки Трубеж, под склоном набережной, созданной на территории Рязанского кремля. Власти несколько раз пытались засыпать бульдозером Ильинский источник около с. Дегтяное. Однако каждый раз насыпь расплзалась, и источник пробивался. По рассказам старожилов, те, кто непосредственно исполнял эту акцию, гибли не своей смертью. В с. Затворном председатель сельсовета хотел перегородить небольшую речушку, протекавшую рядом со святым родником во имя иконы «Казанской» Божией Матери, чтобы затопить его. Никто из рабочих не взялся за это дело. Безуспешно заваливали Никольский источник, а также колодец, прозванный в народе колодцем святой Магдалены²⁶.

На территории наиболее посещаемого источника у с. Кошибеево Сасовского р-на (от 3 до 6 тыс. чел., на 9-ю после Пасхи пятницу) выстроили птицеферму, огородили высоким забором и выставили охрану. Деревянную часовню, поставленную вопреки запрету в 1954 г., снесли. Но при первой же грозе помещение птичника загорелось от удара молнии и сгорело дотла. Люди заговорили о каре Божией на местные власти и безбожников. Решено было завалить источник навозом и разным храмом и закопать, а кустарник вокруг него вырубить²⁷.

Окончательно уничтожить источник не удалось. Верующие писали жалобы в Совет по делам РПЦ при Совмине СССР, начинали сбор денег для постройки молитвенного дома возле источника и еще долго посещали Кошибеевский родник с верой и надеждой на помощь и исцеление. В публикации «Заботы атеистов» в газете «Правда» 6 июля 1969 г. ликвидация Кошибеевского родника представлялась как серьезная победа атеистов Рязанской области. Спустя много лет, после того, как облегчение испытал кто-то из близких родственников начальника Са-

совского летного училища В. Г. Наприенко, тот с помощью личного состава училища навел на роднике чистоту и порядок. Источник был обрамлен бетоном, из которого была выведена отводная труба, а на одном из валунов были написаны стихотворные строчки о пользе и целебности святой родниковой воды²⁸.

Поскольку хозяйственные постройки на месте источников по техническим причинам возвести было невозможно, а «административно-силовая» работа в большинстве случаев велась вяло и безынициативно, оставался единственный путь – длительная массово-политическая работа среди населения. Святую силу источников стали предавать всяческой хуле. Примером может служить опубликование статьи врача В. Бермана о святом источнике в Солотчинском районе. В ней делались попытки всячески оспорить его целительную силу и объявить целебный ключ «ямой с грязной стоячей водой» и «рассадником антисанитарии и заразных болезней». С осуждением суеверных людей, рискующих заразиться от употребления воды Солотчинского источника, выступил в своей книге кандидат химических наук из пединститута Н. Преображенский²⁹.

В целях дискредитации святых источников в населенных пунктах, вблизи которых они располагались, силами учителей биологии и химии читались специальные лекции о том, как образуются родники, каковы особенности состава воды в них. Силами клубов «Юный атеист» проводилось обустройство всех соседних родников, не почитаемых как святые. Подобную работу проводил клуб «Юных атеистов» при Можарской средней школе Сараевского района Рязанской области³⁰. Преподаватели педагогического и медицинского институтов выезжали в районы для организации вечеров вопросов и ответов с иллюстрацией опытов по химии, лекциями «О чудесах», «О святой воде», «Об обновлении икон». Только во второй половине 60-х гг. власть сменила тактику: стала объяснять целебные качества воды святых источников их благоприятным биохимическим составом. В 1967 г. Рыбновское отделение Рязанской областной организации общества «Знание» разработало своеобразный план диверсификации святого колодца вблизи бывшего Свято-Иоанно-Богословского монастыря в место чисто оздорови-

тельного паломничества населения к водному природному ресурсу, имеющего целебные качества и уникальный химический состав, включающий повышенное содержание серебра³¹.

Интересна борьба властей соседней Тамбовской области с паломничеством к святым источникам и особенно к почитаемому в народе святым Мамонтовскому озеру (Мамонтова пустынь), расположенному в Сосновском районе, который до войны входил в состав Рязанской области. Это святое озеро и святые источники «Дубовое» (на границе Первомайского района Тамбовской и Чаплыгинского района Липецкой области), «Три дуба» (в районе с. Горелое Тамбовского района) долгое время служили местами религиозного общения ИПХ. Всего в Центрально-Черноземной полосе насчитывалось 80 святых источников, посещаемых «истинно-православными христианами». О размахе паломничества к святым источникам Тамбовской области свидетельствует информация Совета по делам РПЦ в ЦК КПСС. В 1958 г. до 6000 тыс. человек приняли участие в массовом молебне у родника в с. Б. Ломовис Пичаевского района, до 4000 человек в день Святителя Николая посетили святой колодец около с. Свищевское Кирсановского района³².

К Мамонтовскому озеру стекались паломники из всех прилегающих областей. На Николин день (праздник святителя Николая Чудотворца) 1958 г. у озера собралось до 4000 паломников. Особым почитанием среди паломников пользовался некий Ваня. Как сообщал секретарю обкома Г. Д. Лапчинскому уполномоченный, по причине праздничного паломничества к источнику на работу в трех близлежащих колхозах не вышли в общей сложности 2000 чел. Реакция властей была оперативной³³.

В июне 1958 г. состоялся пленум Тамбовского обкома КПСС, обсудившего вопрос «О состоянии и мерах улучшения идеологической работы в областной партийной организации», сразу после которого состоялось совещание секретарей райкомов партии, на котором секретарь обкома Лапчинский поставил задачу ликвидировать паломничество ко всем выявленным властями святым источникам. 9 января 1959 г. бюро обкома рассмотрело вопросы «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и о мерах по усиле-

нию пропаганды научно-естественных знаний среди населения», а также «О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам». Райкомы партии поспешили выполнять распоряжения обкома КПСС. В с. Вязовое Тамбовской области на святом источнике устроили летнюю свиноферму. Для пресечения паломничества к Мамонтовскому озеру был определен штраф в 100 руб. за его посещение в дни православных праздников, организованы обращения и отклики в печати, введен медицинский карантин в местности. Дополнительно к этому в район отправлены сроком на 10 дней лекторские группы, передвижная выставка «Наука и религия» и автомобиль с телескопом. Началось проектирование строительства фермы водоплавающей дичи. По причине большой площади водной глади, загородить доступ к воде сеткой-рабицей по всей окружности озера не получилось³⁴.

В целом к 1960 г. совместными усилиями партийных и советских органов, уполномоченных по делам религий, удалось практически прекратить паломничество к наиболее посещаемым источникам. Но как только давление со стороны центра ослабевало, и местные органы переставали обращать на паломников внимание, паломничество восстанавливалось, если не по числу участников, то хотя бы по частоте посещений в дни церковных праздников. Чудеса исцелений на святых источниках продолжали совершаться. Поэтому они вновь притягивали людей. Их закладывали плитами, засыпали мусором, но источник веры в сердцах людей убить не могли. Она, пробиваясь сквозь препятствия, находила свой путь вверх. Масштабная война, объявленная властью святым источникам, была проиграна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атеистический словарь/ Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Политиздат, 1986.
2. РГАНИ. Ф. 55. Оп. 33. Д. 91. Л. 149–150; Источник / Вестник АП РФ. 1997. – № 4. – С. 120.
3. Лавинская О., Орлова Ю. О закрытии православных монастырей в СССР и запрещении паломничества к святым местам // Православный паломник: Журнал Паломнического центра ОВЦС МП. – 2002. – № 3 (5), 4 (6); Орехов Д. Святые источники России. СПб.: Изд. дом «Невский проспект», 2000.
4. ГАРО. Ф. Р-5496. Оп.1. Д. 2.
5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д.109.
6. ГАРО Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 11.
7. Рябов И. Саратовская купель // Правда. – 1949. – 19 февр.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 110.
9. Исторический архив. 1996. – № 5/6.
10. Тульцева Л. А. Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов и обычаев рязанских крестьян. Рязань, 2001.
11. Ларкина Е. Родники мои серебряные // Мещерская сторона. – 2004. – 27 окт.
12. ГАРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 97.
13. Тульцева Л. А. Указ. соч.
14. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.–М., 1880–1882. Т. 1.
15. РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д.110. Л. 54–55; Источник. Документы русской истории.
16. Иникова С. А. Святые источники Рязанской земли: православные традиции в их почитании // Православие и традиции народной культуры Рязанской области. – Рязань, 2001.
17. Топонимический словарь Рязанской области / Изд. 2-е доп. Под ред. А. А. Никольского. – Рязань, 2004.
18. ГАТО. Ф. Р-5220. Оп. 2. Д. 16..
19. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1984. Т. 8. С. 428–432; ГАРО. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 1112. Л. 169–171; Там же. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 50. Л. 37.
20. Там же. Т. 8. С. 446–450; ГАРО. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 1115. Л. 78–79.
21. Малинов А. Радость и сила мои – родники // Призыв. – 1998. – 13 авг.
22. ГАРО. Ф.Р-5629. Оп. 1. Д. 61. Л. 95.
23. Горячев А. Семинар по атеизму // Приокская правда. – 1959. – 13 дек. – № 292 (11952).
24. ГАРО. Ф.Р-5629. Оп. 1. Д. 61. Л. 94–95; Д. 52. Л. 69.
25. Там же. Л. 94.
26. Чижов А. У святого колодца: в с. Дегтяном // Авангард. – 1992. – 11 авг.; Иникова С. А. Указ соч. С. 166; Кашафутдинов И. У колодца «святой» Магдалины // Рязанский комсомолец. – 1963. – 4 июня.
27. ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 48. Л. 75–76; Д. 52. Л. 66–67, 69.
28. Малинов А. Указ соч.
29. Берман В. и др. «Святой источник» Солотчинского района и его целительная сила // Сталинское знамя. – 1954. – 29 сент.; Преображенский Н. А. О «кровавой палочке», «чудесных огнях» и других «необыкновенных» явлениях. – Рязань: кн. изд-во, 1959. С. 34.
30. Шатилов И. М. От Можар до Напольного. Путевые очерки. Московский рабочий, 1977. С.24; За умы и сердца людей (заметки об атеистической работе в Сараевском районе) // Приокская правда. – 1977. – 9 апр.
31. ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 61. Л. 106; В. Яковлев «Чудеса» // Приокская правда. – 1967. – 29 июня.
32. ГАТО. Ф.Р-5220. Оп. 2. Д. 189. Л. 138; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 100. Л. 73.
33. ГАТО. Ф. Р-5220. Оп. 2. Д. 49. Л. 51; Оп. 1. Д. 226. Л.165-166; Д. 229. Л. 4-25; Оп. 2. Д. 45. Л. 25; Д. 188. Л. 187;
34. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 554. Л. 18-20; ЦДНТИО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 11237. Л.12-14.

УДК 292.08 + 947.084

ББК 86.372.24

Отечественная история, история русской православной церкви

**ГЕРАСЬКИН Ю. В.
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ
ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЕ, ВЛАСТЬ
(КОНЕЦ 30–70-х гг. XX ВЕКА):
монография / Рязанский
государственный университет
им. С. А. Есенина. –
Рязань, 2007. – 272 с.**

Доктор исторических наук П. В. Акульшин.

Обращение к исследованию проблем, связанных анализом религиозной политики советского государства, стало заметным явлением в отечественной исторической науке в последние полтора десятилетия, поскольку стали доступными многие архивные материалы, хранившиеся ранее в закрытом режиме.

Ключевые слова: Православие, церковь, храм, вера, верующие, епархия, ходатайство, источник, гонения, власть.

Монография Ю. В. Гераськина посвящена региональному анализу государственной вероисповедной политики. Автор опирается на проделанный им добротный историографический анализ монографических работ и диссертационных исследований по избранной теме. Привлечена значительная и разнообразная источниковая база: фонды центральных и региональных архивов, материалы периодической печати, что позволило автору обобщить большой объем фактического материала и сделать сравнительный анализ, с использованием иллюстративного материала из общегосударственной практики и региональной жизни.

Монография состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы, приложения.

Во введении определена актуальность и степень научной разработанности темы, объект и предмет, цели и задачи исследования, его методологические основы, а также положения, которые выражают новизну полученных результатов. Автор обосновывает хронологические рамки исследования, научная и практическая значимость исследования. Делается попытка дать классификацию основных направлений в историографии проблемы государственно-церковных отношений по степени их разработанности и концептуально-мировоззренческих установок авторов.

Государственно-религиозная политика, деятельность РПЦ, положение и состояние верующих рассмотрены как взаимосвязанные и взаимообусловленные компоненты

конфессиональной политики. В качестве основной исследовательской проблемы в монографии выделен анализ эволюции государственно-церковных отношений, состояния церковной организации и религиозности населения в зависимости от изменения социально-демографического облика советского общества. Автор предлагает свою, оригинальную периодизацию истории государственно-церковных отношений в период конца 30-х – 70-е гг. В зависимости от социально-демографических парадигм сформирована структура монографии, главы которой привязаны к двум качественно определенным историческим этапам в развитии советского общества.

Автор пытается обосновать свое предположение о том, что эволюция государственно-церковных отношений в период с конца 30-х до конца 70-х гг. XX века прошла два двадцатилетних этапа.

В конце 30-х гг., несмотря на разгром церковной организации, православное сознание сохранилось среди населения, что было продемонстрировано результатами переписи населения 1937 г., случаями протестного голосования верующих в период выборов в Верховный Совет СССР 1-го созыва, кризисом в деятельности «Союза воинствующих безбожников». Автором впервые в научный оборот введена информация о многочисленных фактах оппозиционного голосования верующих в ходе избирательной кампании в первый советский парламент.

Под воздействием целого комплекса внутри и внешнеполитических факторов, доказывает автор, в 1939 г. наметились предпосылки к повороту государственной религиозной политики. Общеизвестно, что в сентябре 1943 г. Сталин, покончив с политикой воинствующего атеизма, предлагает новый курс в отношениях с Русской Православной Церковью. Духовно-религиозный фактор должен был сыграть весьма существенную роль в изменении поначалу неблагоприятного для страны хода военных действий, росте национально-патриотического самосознания. Последовал отказ от политики воинствующего атеизма с классовой борьбой против духовенства, которая была характерна для предыдущего периода советской истории. Произошла официальная легализация института Церкви в советском государстве.

Нельзя не согласиться с выводом автора о том, что после легализации РПЦ власть стали беспокоить проявления религиозного подполья и так называемого «народного православия», выражающегося в паломничестве населения к святым местам. Если не принимать во внимание отдельные колебания и лавирования правительственного курса, можно согласиться с автором, что период 1939–1958 гг. в целом можно охарактеризовать как более или менее стабильный.

Совершенно справедливо автор показывает, как хрущевская демократизация общественной жизни породила конфликтность внутри церковной организации, что, в свою очередь, подготовило почву для реформы церковного управления 1961 г.

Очередной этап обострения государственно-церковных отношений совпал с новым этапом научно-технической революции, урбанизации СССР, началом динамичного распада традиционного общества. Власть на гребне промышленной революции в СССР с учетом опыта периода «великого перелома», решила, опираясь на изменения в социально-демографической структуре населения, нанести удар по церковным обрядам и экономике с тем, чтобы ограничить количество крещеных, предотвратить воспроизводство православной традиции и ликвидировать материально-техническую базу Церкви.

В качестве самостоятельной проблемы автор выделяет такую малоизученную тему, как финансово-хозяйственная деятельность Церкви. Исследователь пытается разобраться, почему ни реформа приходского управления 1961 г., ни фискальная политика власти не смогли не только ликвидировать основы церковной экономики, но и даже серьезным образом минимизировать ее. Снижение количества приходов в годы хрущевской антирелигиозной кампании не сопровождалось серьезным снижением поступлений в церковную казну. Задачей исследователя было осмысление этого феномена и анализ легальных и нелегальных каналов финансовой подпитки Церкви. Автор иллюстрирует статьи ежегодных доходов ряда епархий, изображая их в табличном виде. Можно согласиться с автором, что партийно-государственное руководство столкнулось с парадоксальной живучестью обрядов и беспрецедентным финансовым вкладом населения в экономику Церкви.

Особый интерес представляют страницы, посвященные взаимоотношениям Церкви и власти в «ларионовский» период истории Рязанской области, когда скандально провалилась попытка создать «коммунистический рай» в отдельно взятом регионе.

Необходимо отметить особое внимание автора такой общественной инициативе, как подача верующими ходатайств об открытии храмов. Исследование заявлений и ходатайств верующих, составившее отдельный раздел монографии, позволяет говорить о том, что, благодаря петициям в первый послевоенный период, вплоть до старта хрущевской антицерковной кампании в 1958 году значительно расширилась епархиальная структура и потенциал Русской Православной Церкви. В период хрущевского наступления на Церковь такая народная форма защиты церковных приходов как письменные жалобы и протесты приобретала в глазах власти характер открытого сопротивления с политическим режимом и, поэтому, особо ограничивалась. Наступление на права верующих тормозилось стихийной подачей ходатайств и жалоб. Верующим через непрерывную подачу заявлений удавалось, по возможности, смягчать удары по церковной организации, сдерживать негативные тенденции сокращения приходов и доходов Церкви. Одним из выводов автора является утверждение о том, что петиционные демарши были сдерживающим фактором на пути массового закрытия церквей и помогали Церкви сохранять очаги религиозности в провинциальных приходах.

Автор выделяет в работе характерные черты государственной конфессиональной политики в ходе брежневской трансформации советского общества. Привлекая различные факты, он показывает, что оно взяло курс на дальнейшую легализацию Церкви с целью встраивания ее в партийно-государственную машину и в идеологему "развитого социализма", однако полнокровным субъектом государственно-конфессиональных отношений Церковь так и не стала. В целом продолжала действовать прежняя линия на вытеснение Церкви из общественной жизни. Автор констатирует факт ослабления провинции к концу 70-х гг. XX века. Носители традиционного православия в сельской местности завершали свой земной путь. На 70-е гг. приходится последняя волна массовых ходатайств верующих-селян об открытии храмов.

Особым предметом исследования в монографии стала так наз. «урбанистская» религиозность, сформировавшаяся в результате перелива сельского населения в областные, районные центры, поселки городского типа, а также в процессе миграции «бесцерковных» населенных пунктов. Автор показывает, как под влиянием социокультуры города менялся тип воспроизводства религиозного сознания.

К достоинствам работы следует отнести попытки автора использовать потенциал русской религиозной философии, а также инструментарий социальной истории, приемы исторических персонификаций. На этом пути ему, безусловно, удалось многое. Иллюстративны, например, сравнительные характеристики правящих архиереев, иных представителей духовенства и региональных уполномоченных по делам РПЦ. В то же время, нельзя признать оправданным прямое, некритическое использование автором отдельных характеристик священнослужителей, извлеченных из документации уполномоченных. Критически осмыслить субъективную, зачастую тенденциозную, информацию, содержащуюся в документах прошедшей эпохи, не всегда удается даже профессиональным экспертам ФСБ при анализе материалов репрессированных священников. Отмеченный недостаток в целом серьезно не снижает значимости и качества исследования.

В результате прочтения монографии нельзя не прийти к следующим выводам:

- исторический опыт убеждает в утопичности попыток власти вытеснить религию и религиозные организации из общественной жизни;

- в деятельности Русской Православной Церкви имелись тенденции к воспроизводству церковных структуры, экономики, православных обрядов и традиций;

- важную роль в процессе сохранения очагов провинциальной и городской религиозности играли верующие.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты исследования могут найти применение при совершенствовании современной концепции государственно-церковных отношений. Материалы исследования могут быть использованы государственными структурами, политическими и общественными структурами для определения подходов к

взаимоотношению к Русской Православной Церкви и ее верующих, для эффективного и корректного управления конфессиональными процессами. В то же время нельзя не напомнить о высказывании известного русского философа Л. П. Карсавина о том, что «не может быть идеального, совершенно-го решения в вопросе об отношении государства к церковной организации, т.е. такого решения, которое бы годилось для всех времен, условий и народов и не могло быть улучшенным» [Карсавин Л. П. Церковь, личность и государство // Человек. – 2005. – №3. – С. 113.].

Монография Ю. В. Гераськина, на наш взгляд, представляет собой полноценное авторское исследование актуальной темы,

имеющей научное и прикладное значение. Ее ценность состоит в том, что выявлен, изучен и проанализирован большой массив архивных документов, впервые вводимых в научный оборот. Монография может быть полезной в исследовательской деятельности богословских и церковных научных центров и учреждений, а также в учебном процессе в высшей школе при разработке лекционных курсов, курсов по выбору и спецсеминаров для факультетов и отделений теологии, при написании научно-методических пособий по религиоведению, Отечественной истории, культурологии, политологии, социологии, истории отечественного государства и права.

УДК 376.4

ББК 74.3

Педагогика, психология

ОДИН ИЗ ВАРИАНТОВ АКТИВИЗАЦИИ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ

К вопросу о взаимосочетаемости
психодиагностических и коррекционных методик в
практике дефектолога общеобразовательной школы

Доктор психологических наук Ю. В. Егошкин,
Кандидат педагогических наук Л. И. Егошкина

Статья посвящена диагностике и коррекции интеллектуального развития учащихся 3-4 классов коррекционного обучения. Первоначально проводилось тестирование по четырем параметрам – вербальным тестам модифицированной методики Замбацявичюне-Переслени. Далее проводилась психолого-педагогическая коррекционная работа с детьми, имеющими как задержку психического развития, так и относящимся к «группе риска». Были получены следующие положительные результаты: за 1 учебный год удалось повысить уровень развития словесно-логического мышления и успеваемость по основным предметам.

Ключевые слова: психическое развитие, аномалии психики, нарушения эмоционально-волевой сферы, словесно-логическое мышление, диагностика интеллекта, психо-коррекционная батарея тестов, педагогическая психо-коррекционная деятельность.

В 1989 г. Л. И. Переслени, Е. М. Мاستюкова и Л. Ф. Чупров отмечали, что разработка дифференциальной диагностики аномалий психического развития ребёнка должна опираться на клинико-физиологические данные, позволяющие отграничить одну аномалию от другой, в частности, лёгкие формы олигофрении, речевые дефекты, отклонения психического развития, возникшие вторично вследствие тех или иных причин (локальные сенсорные дефекты, локальные поражения мозга, психические расстройства и др.) от задержки психического развития.

В исследуемых цитируемыми авторами детях ими выделялись две группы:

* дети, у которых ведущим фактором в структуре дефекта являлись нарушения эмоционально-волевой сферы, произвольной регуляции деятельности, а нарушения речи и мышления были вторичны и зависели от степени эмоционально-волевых расстройств;

* дети, у которых имелись негрубые первичные интеллектуальные нарушения, сочетающиеся с эмоционально-волевыми расстройствами, различными аномалиями регуляции произвольных форм деятельности.

В нашей коррекционно-развивающей работе с учащимися 3—4 классов КРО школ №51 и №68 г. Рязани мы имели дело

в основном с детьми второй группы. Для определения степени сформированности словесно-логического мышления у детей младшего школьного возраста большой научно-практический интерес представляют 4 вербальных субтеста, предложенные Э. Ф. Замбацявичюне (см. ж. – л. «Дефектология», 1984, № 1, с. 28–34).

Произведя тестирование ребёнка по методике Э. Ф. Замбацявичюне (адаптированной и стандартизированной Л. И. Переслени с соавт. (см. ж. - л. «Дефектология», 1989, № 3, с.35–39), мы получили информацию об особенностях развития словесно-логического мышления испытуемых по четырём параметрам: осведомлённость (субтест I), сформированность понятий (субтест II), владение логическими операциями при решении задач на аналогии; возможность подведения двух понятий под общую категорию, т. е. обобщение (субтесты III и IV соответственно).

Аксиоматичной являлась для нас недопустимость использования в качестве и диагностических, и коррекционных заданий

одних и тех же слов, ибо в подобных случаях речь идёт не о выявлении развития у ребёнка того или иного качества мышления, а о «натаскивании» испытуемого на тот или иной вариант тестового задания. С целью недопущения дублирования одних и тех же понятий и слов, как в диагностической, так и в коррекционной частях исследования, мы постарались составить нижеизложенную программу и применили её в наших психокоррекционных циклах.

Процедуры применения программы были разнообразны, не исключая и компьютерного варианта, когда на экран монитора выносились бегущей строкой нижеизложенные блоки: в подобных случаях испытуемый должен был с помощью мышки выделить нужное слово.

На каких-то занятиях слова писались на доске, а дети хором повторяли их («аудирование»); на других занятиях слова читал «дежурный ведущий», а психолог сам «превращался» в члена группы, работая вместе с другими детьми. Допускались и индивидуальные занятия с наиболее «некурабельны-

Таблица 1

1.	Тюльпан, лилия, фасоль, ромашка, фиалка	Живая природа
2.	Река, озеро, море, мост, пруд	Географические понятия
3.	Кукла, прыгалки, песок, мяч, юла	Вещи, быт
4.	Стол, ковёр, кресло, кровать, стул	Вещи, быт
5.	Тополь, берёза, липа, орешник, осина	Живая природа
6.	Весёлый, быстрый, вкусный, грустный, осторожный	Состояние человека
7.	Окружность, треугольник, четырехугольник, указка, квадрат	Математические представления
8.	Орёл, курица, петух, гусь, индюк	Живая природа
9.	Саша, Витя, Стасик, Петров, Коля	Знания об окружающих людях
10.	Число, деление, сложение, вычитание, умножение	Математические понятия

Таблица 2

«Диагностические гнёзда»	«Коррекционные гнёзда»
Живая природа	Общественно-политические термины
Вещи, бытовые представления	Промышленность
Состояние человека	Школа
Математические представления	Профессии
Знания об окружающих людях	Продукты

ми» членами группы, и игровые варианты проведения занятий, при которых психолог бросал кому-то из детей мяч, и поймавший его должен был тут же назвать соответствующее слово. Широко применялись соревновательные моменты как эффективные стимуляторы деятельности детей.

Ниже изложенная программа не содержит специальных упражнений, направленных на развитие такого качества, как осведомлённость, так как это качество, по нашему мнению, не является показателем степени умственного развития ребёнка – ведь оно изменяется в плане роста в процессе отработки всех остальных свойств и качеств того параметра, который обозначается уровнем интеллектуального развития.

Существенную роль в плане коррекционно-развивающей деятельности, как школьного психолога, так и преподавателя литературы, владеющего методикой создания мультимедийных проектов, играют уроки, внеклассные мероприятия с ребёнком, беседы с ним об окружающем мире, просмотры и обсуждения медиа-теле и видео-материалов и т. д.

Поэтому наша коррекционная деятельность начиналась с работы над теми особенностями словесно-логического мышления, недоразвитие которых было выявлено в процессе тестирования школьников по II субтесту Э. Ф. Замбачявичюне с соавт. - сформированность понятий.

Сначала «расчленению» на тематические гнёзда был подвергнут сам субтест II из батареи Э. Ф. Замбачявичюне (См. табл. 1)

Далее составлялась таблица, в левую часть которой заносились тематические гнёзда диагностического блока, а в правую – тематические гнёзда коррекционного блока. Таблица помогала ориентироваться в развивающей работе со школьниками и не допускать пересечения упомянутых гнёзд, то есть дублирования диагностических заданий в коррекционных циклах. (См. табл. 2)

Далее нами подбирались задания коррекционного цикла, сгруппированные по тематическим «гнёздам» в пять блоков.

I. БЛОК «ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ»

1. Русский, украинец, белорус, **рязанец**, туркмен

2. Германия, Литва, Франция, **Варшава**, Англия

3. Пекарь, **президент**, учитель, врач, водитель

4. 20 августа, **9 Мая**, 1 апреля, 7 июня, 4 октября

5. **Госдума**, больница, фабрика, школа, магазин

6. Директор, начальник, управляющий, **генерал**, заведующий

7. Новосибирск, **Москва**, Псков, Рязань, Саратов

8. Песенка, куплет, **гимн**, мотивчик, музыкальная пьеска

9. Палка, лопата, забор, **флаг**, фанера

10. Венгрия, Болгария, Турция, **Россия**, Эстония

II. БЛОК «ПРОМЫШЛЕННОСТЬ»

1. Свинец, медь, **сахар**, железо, олово

2. Слесарь, токарь, каменщик, столяр, **инженер**

3. Станок, машина, **бензин**, двигатель, дрель

4. Топор, лопата, мотыга, **бензопила**, молоток

5. Завод, **школа**, комбинат, мастерская, фабрика

6. **Уголь**, нефть, бензин, керосин, солянка

7. Строительство, архитектура, производство, **медицина**, металлургия

8. Молоток, долото, топор, **гвоздь**, клещи

9. Сталь, чугун, алюминий, **стекло**, титан

10. Серебро, **электричество**, железо, золото, медь

III. БЛОК «ШКОЛА»

1. Математика, **прогулка**, литература, физкультура, история

2. Пенал, портфель, тетрадь, **кукла**, ручка

3. Счетные палочки, линейка, микрокалькулятор, фломастер, **ноты**

4. **Авторучка**, блокнот, букварь, учебник, книга

5. Блокнот, тетрадь, **мел**, записная книжка, альбом

6. Учитель, классный руководитель, директор, **милиционер**, завуч

7. Звеньевой, **участковый**, староста, санитар, дежурный

8. Класс, буфет, медкомната, **цех**, спортзал

9. Рассказ, стихотворение, очерк, **задача**, статья

10. Школа, институт, техникум, **театр**, училище

IV. БЛОК «ПРОФЕССИИ»

- 1. Терапевт, детский врач, невропатолог, **шахтер**, хирург
- 2. Каменщик, маляр, кровельщик, **лесник**, стекольщик
- 3. Кассир, официант, буфетчица, повар, **летчик**
- 4. **Водитель**, певец, пианист, гитарист, дирижер
- 5. Телятница, доярка, свинарка, **ткачиха**, птичница
- 6. Пастух, тракторист, комбайнер, **учитель**, агроном
- 7. Полковник, генерал, рядовой, **студент**, сержант
- 8. Писатель, сказочник, **механизатор**, поэт, журналист
- 9. Ветеринар, животновод, **космонавт**, конюх, скотник
- 10. **Ювелир**, телеграфист, телефонист, радист, почтальон

V. БЛОК «ПРОДУКТЫ»

- 1. Молоко, сливки, сыр, **сало**, сметана
- 2. Пироги, хлеб, блины, **вишни**, пончики
- 3. **Пышка**, чай, какао, кисель, компот
- 4. Торт, **хлеб**, эклер, безе, пирожное
- 5. Колбаса, окорок, **каша**, ветчина, сосиска
- 6. Щи, борщ, **котлеты**, окрошка, суп
- 7. Капуста, яблоки, **картофель**, груши, помидоры
- 8. Клюква, черешня, **арбуз**, вишня, смородина
- 9. Пастила, мармелад, шоколад, **колбаса**, конфета
- 10. Лук, чеснок, петрушка, **мясо**, хрен

Коррекция продолжалась упражнениями, направленными на тренинг владения логическими операциями при решении задач на аналогии. Сначала «расчленению» на «тематические гнезда» подвергался вы-

Таблица 3

1.	Огурец (овощ) – гвоздика: сорняк, роса, садик, цветок, земля	Живая природа
2.	Огород (морковь) – сад: забор, грибы, яблоня, колодец, скамейка	Живая природа
3.	Учитель (ученик) – врач: очки, больница, палата, больной, лекарство	Профессия
4.	Цветок (ваза) – птица: клюв, чайка, гнездо, перья, хвост	Живая природа
5.	Перчатка (рука) – сапог: чулки, нога, подошва, кожа, щетка	Веши, быт
6.	Темный (светлый) – мокрый: солнечный, скользкий, сухой, теплый, холодный	Качественные представления
7.	Часы (время) – градусник: стекло, кровать, больной, температура, врач	Медицина
8.	Машина (мотор) – лодка: маяк, парус, река, волна, берег	Промышленность
9.	Стол (скатерть) - пол: мебель, ковер, пыль, доски, гвозди	Веши, быт
10.	Стул (деревянный) - игла: острая, тонкая, блестящая, короткая, стальная	Качественные представления; веши, быт

Аналогично (см. выше) составлялась таблица 4

«Диагностические гнезда»	«Коррекционные гнезда»
Живая природа	Сельское хозяйство (при условии не дублирования гнезда «живая природа»)
Профессии	Промышленность
Веши, быт	Строительство
Качественные представления	Транспорт
Количественные представления	Качества и состояния людей
Промышленность	Экология

шеописанный субтест Э. Ф. Замбацявичюне с соавт. (1984) (См. табл 3)

I. БЛОК «СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО»

1. Свинья (поросенок) - лошадь: конь, скачки, *жеребенок*, овес, хвост
2. Рис (каша) - рожь: пшеница, зерно, просо, гречиха, *хлеб*
3. Курица (яйца) - корова: бык, *молоко*, теленок, лошадь, пастух
4. Лошадь (конюх)- курица: петух, птица, птицефабрика, ферма, *птичница*
5. Утка (селезень) - лошадь: жеребенок, конюх, *конь*, скачки, овес
6. Трава (сено) - пшеница: рожь, *солома*, хлеб, поле, комбайн
7. Весна (посев) - осень: зима, дождь, *уборка*, тучи, удобрения
8. Животные (корм) - земля: вода, воздух, снег, дождь, *удобрения*
9. Земля (агроном) - стадо: волки, козы, *животновод*, животные, овчарки
10. Вода (полив) - лопата: грабли, железо, *вскопка*, дерево, рукоятка

II. БЛОК «ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, СТРОИТЕЛЬСТВО, ТРАНСПОРТ»

1. Потолок (белила)- пол: стены, *краска*, окна, штукатурка, двери
2. Краска (маляр) - кирпич: дом, стена, забор, *каменщик*, стекло
3. Станок (электроэнергия) – мотор: *бензин*, железо, завод, дизель, кабель
4. Гвоздь (молоток) – винт: болт, *отвертка*, алюминий, медь, кнопка
5. Автомобиль (колеса) – танк: *гусеница*, звук, мощность, болото, лес
6. Школа (класс) – завод: фабрика, город, деревня, цех, полигон
7. Стихотворение (поэт) – вертолет: самолет, машина, стрекоза, *конструктор*, небо
8. Машина (шоссе) – пароход: теплоход, *вода*, пар, гудок, движение
9. Газ (горение) – вода: воздух, *тушение*, камень, жидкость, река
10. Кислород (газ) – керосин: бензин, *жидкость*, деталь, станок, запах

III. БЛОК «КАЧЕСТВА И СОСТОЯНИЯ ЛЮДЕЙ»

1. Друг (враг)- сильный: умный, *слабый*, хороший, знакомый, любимый
2. Грустный (веселый) - молчаливый: забывчивый, *говорливый*, счастливый, богатый, смелый

3. Успех (радость) – неудача: промашка, ошибка, *грусть*, счастье, сон

4. Детство (юность) – зрелость: *старость*, мужество, страх, седина, память

5. Отец (дети)- бабушка: мама, тетя, *внуки*, племянники, семья

6. Дядя (племянник) – мать: отец, *сын*, муж, тетя, внук

7. Здоровье (болезнь) – смелость: *трусость*, отвага, событие, служба, веселье

8. Сон (бессонница) - здоровье: таблетки, *болезнь*, спорт, жизнь, скука

9. Девочка (мальчик) - женщина: мать, тетя, *мужчина*, учительница, сестра

10. Смех (слезы) - мужество: *трусость*, сила, забота, удача, доброта

IV. БЛОК «ЭКОЛОГИЯ»

1. Солнце (таяние льда) - осень: *листопад*, зима, ледоход, дождь, тучи
2. Зима (весна)- лето: жара, дождь, осень, июнь, река
3. Зной (холод) – дождь: *снег*, вода, асфальт, зонтик, ручьи
4. Весна (разлив) – осень: *зима*, *ледостав*, ноябрь, ветер, пальто
5. Снег (сугроб) – дождь: туча, ливень, пар, *лужа*, плащ
6. Дерево (листопад) – заяц: кролик, *линька*, морковь, зайчиха, куст
7. Олень (тундра) – кит: рыба, животное, *океан*, плавник, ус
8. Воздух (газ) – вода: река, *жидкость*, пар, кран, ванна
9. Лед (прорубь) – снег: град, дождь, поле, *проталина*, зима
10. Луг (цветы) – поле: *кукуруза*, дорога, тропинка, лес, грибы

V. БЛОК «ОТВЛЕЧЕННЫЕ ПОНЯТИЯ»

1. Бежать (стоять) — плакать: грустить, *смеяться*, удивляться, петь, голосить
2. Прекрасно (безобразно) — интересно: тихо, *скучно*, трусливо, злобно, хорошо
3. Направо (налево) - вверх: назад, *прямо*, *вниз*, в сторону, вперед
4. Плохо (отвратительно) – печально: *трагически*, весело, скоро, нелепо, сразу
5. Красивый (прекрасный) – отличный: симпатичный, *великолепный*, маленький, удобный, невзрачный
6. Детство (весна) – старость: радость, *осень*, дружба, седина, воспоминания
7. Анекдот (смех) – «двойка»: «тройка», *слезы*, тетрадка, линейка, ученик

8. Нападение (защита) - слабость: *сила*, вред, шутка, везение, честность

9. Ночь (темнота) – день: вечер, утро, *свет*, тучи, луна

10. Слеза (плач) – улыбка: *хохот*, шутка, грусть, артист, лицо

Коррекция продолжается упражнениями, направленными на стимуляцию умений и возможности ребенка подводить два понятия под общую категорию (обобщение). Аналогичным образом (см. выше) расчленению на «тематические гнезда» подвергался сначала сам субтест IV (Э. Ф. Замбацьявичюне с соавт. (1984) (См. табл. 5)

I. БЛОК «СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО»

1. Рожь, овес... зерновые культуры

2. Свекла, помидоры... овощи, овощные культуры

3. Агроном, конюх... сельские, деревенские работники; люди, связанные с сельским хозяйством

4. Чернозем, глинозем... земля, почва

5. Земляника, малина... ягоды, ягодные культуры

6. Корова, лошадь... сельскохозяйственные животные

7. Суперфосфат, навоз... удобрения

8. Ферма, сеновал... сельскохозяйственные постройки

9. Арбуз, дыня... бахча, бахчевые культуры

10. Комбайн, трактор... сельскохозяйственные машины

II. БЛОК «ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, СТРОИТЕЛЬСТВО, ТРАНСПОРТ»

1. Золото, серебро... драгоценные металлы

2. Железо, медь... металлы

3. Сверло, рубанок... инструменты, столярные инструменты

4. Троллейбусы, автобусы... городской пассажирский транспорт

5. Слесари, токари ...представители рабочих специальностей

6. Самолеты, вертолеты... воздушный транспорт

7. Корабли, пароходы... водный транспорт

8. Канал, арык... водные пути, созданные человеком

9. Радио, телевидение ...средства связи

10. Утюг, электрочайник... бытовые электрические приборы

III. БЛОК «ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО, АРМИЯ»

Таблица 5

1.	Окунь, карась	Живая природа
2.	Метла, лопата	Вещи, быт
3.	Лето, зима	Временные представления
4.	Огурец, помидор	Живая природа
5.	Сирень, орешник	Живая природа
6.	Шкаф, диван	Вещи, быт
7.	Июнь, июль	Временные представления
8.	День, ночь	Временные представления
9.	Слон, муравей	Живая природа
10.	Дерево, цветок	Живая природа

Далее составлялась таблица 6:

«Диагностические» гнезда	«Коррекционные» гнезда
Живая природа	Сельское хозяйство (при условии не дублирования гнезда «живая природа»)
Вещи, быт	Промышленность, строительство, транспорт
Временные представления	Политика, общество, армия

1. США. Мексика... страны, государства
2. Генерал, полковник... высокие воинские звания, военные
3. Грузин, молдаван... национальности, люди разных национальностей
4. Раненые, беженцы... несчастные жертвы войны
5. Ордена, медали... награды, знаки государственного отличия
6. Иеродьякон, иеромонах... лица духовного звания, священнослужители
7. Указ, постановление... государственные документы, издаваемые Правительством, Федеральным Собранием, Государственной Думой
8. Рубли, доллары... денежные знаки, деньги
9. Министр, Президент... высокопоставленные правительственные чиновники, политики
10. Вашингтон, Лондон... столицы иностранных государств США и Великобритании

Работа с вышеописанными коррекционными программами не рассматривалась нами вне общего контекста развивающей работы с детьми. Понимая нерасторжимость теоретического и практического компонентов учебно-воспитательного процесса, мы широко использовали, в частности, экскурсионную работу, выезжая с детьми в сельскую местность, просили агрономов ТОО «Авангард», «Овощевод», совхоза «Московский» Рязанского района Рязанской области поподробнее рассказать детям об этих производствах. Таким образом, школьники значительно легче подходили к усвоению сельскохозяйственных терминов, введенных нами в коррекционный цикл.

Лучшему усвоению блока «Профессии» способствовали встречи с родителями – представителями разных профессий: те же экскурсии, но уже на промышленные предприятия.

Блок «Политика, общество, армия» лучше усваивался детьми благодаря нашим беседам с ними о текущих новостях, об информации, которую получали они (разумеется, в доступной для них форме) из средств массовой информации и т.д.

Значительную роль в активизации мыслительной деятельности учащихся играло компьютерное обеспечение тренинговых занятий. Оно осуществлялось в самых разнообразных формах: подбор на мониторе картинок, соответствующих обобщающему конструкту; составление тематических презентаций («Угадай явление природы, представителей разных профессий, животное и т.д. - по загадкам»), компьютерные программы, направленные на диагностику и коррекцию интеллектуального развития учащихся.

Результаты и их обсуждение.

Предлагаемая читателю вышеприведенная психо-коррекционная батарея применялась в контексте диссертационных исследований (Егошкин КШ, 2002, Егошкиной Л. И., 2006) наряду с другими психо-коррекционными инструментами (Тигранова Л. И., Зак А. З., Матюгин И. Ю. и др.). Данные психолого-педагогической коррекционной работы с детьми, имеющими задержку психического развития; как и с детьми, относящимися к «группе риска», позволили за небольшие сроки (один учебный год)

— **повысить уровень развития словесно-логического мышления:**

- в первой серии опытов - в 1,07 раз;
- во второй серии опытов - в 1,6 раз;
- в третьей серии опытов - в 1,83 раза;
- в четвертой серии опытов - в 1,26 раз.

— **повысить успеваемость учащихся по основным предметам (русский язык, литература, математика) примерно на 25-30 %.**

ЛИТЕРАТУРА

1. Белополюская Н. Л. Оценка когнитивных и эмоциональных компонентов ближайшего развития у детей с задержкой психического развития. // Вопросы психологии. 1997. № 1.
2. Егошкин Ю. В. Новые пути интеграции проблемных детей в школьный социум. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора психол. наук. М., 2002.
3. Егошкина Л. Л. Создание мультимедийных проектов по литературе как один из путей активизации мыслительной деятельности учащихся. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата педнаук. Рязань, 2006.

4. Зак А.З. Дебют мыслителя. Как проверить и развить интеллект ребенка в 6–10 лет. М: Перспектива, 1992.

5 Тигранова Л.И. Развитие логического мышления детей с нарушениями слуха: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1990.

6. Фридман Л.М., Волков К.Н. Психологическая наука - учителю.- М, 1985.

7. Чупров Л.Ю. и др. Исследование прогностической деятельности детей. / Абакан, гос. пед. ин-т. Абакан, 1990.

ИНТЕГРИРОВАННЫЙ УРОК ПО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМУ ИСКУССТВУ И АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

**(УЧИТЕЛЬ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ЯЛЫШЕВА Е. В.,
УЧИТЕЛЬ ИЗО ШКОЛЫ № 51 РУБЦОВ О. В.)**

ТЕМА: «Поздравительные открытки.

ЦЕЛЬ: формирование навыков и умений групповой работы.

ЗАДАЧИ:

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ: развитие навыков и умений перевода с английского языка на русский язык, диалоговой речи, использовать предложения для составления поздравлений на английском языке к открытке посвященной 8 марта, составлять из образцов композицию, умение определять и выделять композиционный центр в работе, умение правильно соотносить размер надписи к размеру формата и изображения.

РАЗВИВАЮЩАЯ: развитие усидчивости, внимания, памяти, мелкой моторики кисти рук, фонетических и лексических навыков и умений английского языка, согласно заданной ситуации;

КОРРЕКЦИОННАЯ: организация системы мер по воспитанию недостающих знаний с одновременным овладением новым материалом, нейтрализация факторов, способных вызвать новые проблемы; **ВОСПИТЫВАЮЩАЯ:** воспитывать любовь и уважение к женщине.

ОБОРУДОВАНИЕ для учителя: план-конспект урока, мультимедиа, наглядный материал, большой лист тонированной бумаги.

ОБОРУДОВАНИЕ для учащихся: цветная бумага, клей, ножницы, заготовки вырезанных цветов, фломастеры.

ПЛАН УРОКА:

I. Орг. момент.

II. Повторение и закрепление пройденного материала.

III. Составление текста открытки на английском языке.

IV. Самостоятельная работа учащихся в группах.

V. Подведение итогов.

ХОД УРОКА

I. Приветствие учащихся. Проверка готовности рабочих мест. Объявление темы урока. Постановка цели и задач урока.

II. Все задания, связанные с английским языком, выводятся с помощью проектора на экран.

1. ЗАДАНИЕ. Учащимся предлагается перевести на русский язык 3 предложения.

2. ЗАДАНИЕ. На экране появляются несколько поздравительных открыток. По заданию учителя учащиеся выбирают из предложений 1 задания одно для описания увиденного на экране. Ученики озвучивают свой выбор.

III. 3. ЗАДАНИЕ. В этом задании учащиеся должны соотнести название праздника с датой его празднования.

4. ЗАДАНИЕ. Учащиеся отвечают на два вопроса связанных с названием праздников.

5. ЗАДАНИЕ. Ученики слушают, повторяют и запоминают слова для поздравления.

6. ЗАДАНИЕ. В этом задании ребята заполняют пропуски в предложениях словами, предложенными учителем. Получается поздравление женщинам, которое они озвучивают и готовятся написать в их будущей поздравительной открытке.

IV. Когда поздравление на английском языке готово, урок продолжает вести учитель ИЗО. Ребятам предлагается

вспомнить основные законы композиции. Учитель напоминает о правилах выбора отношения высоты букв к их ширине и определение габаритных размеров названия по отношению к размерам всей открытки. Кому-то из учеников предлагается выполнить надпись (название). В задачу ученика входит выбор шрифта, размещение его на плоскости, выбор цвета и т.д. Двое учащихся подписывают поздравление на английском языке. Остальным учащимся предлагается, из принесенных ими заготовок цветов составить красивый букет, стоящий в вазе. Вазу вырезает из цветной бумаги один из учащихся и украшает ее аппликацией. После того, как учащиеся написали название, поздравление, утвердили общую композицию, они вклеивают заготовки, дорисовывают фломастерами листья, бабочек и т.д. В конце урока поздравительная открытка вешивается на классную доску и происходит ее презентация.

VI. Урок заканчивается подведением итогов, и учитель дарит детям мудрую мысль. «Four eyes see more than too.» (Четыре глаза видят лучше, чем два)

English Drawing Lesson

Урок английского языка и рисования.

Greeting Cards

Поздравительные открытки.

Today we are having an English lesson together with a Drawing one» It will be devoted to greeting cards» You will learn to make a postcard with a greeting English.

Сегодня у нас урок английского языка не имеет с уроком рисования» Он будет посвящен поздравительным открыткам. Вы научитесь делать открытки с поздравлением на английском языке»

I. Read and translate the following sentences.

Прочитайте и переведите следующие предложения.

1. Greeting cards are very popular in Russia.

Поздравительные открытки очень популярны в России.

2. They are colored and bright.

Они красочные и яркие.

3. A lot of people send and get postcards on holidays.

Многие люди посылают и получают открытки на праздники.

II. There are many holidays in Russia». В России много праздников.

Look at the names of the holidays and match them with the dates. Посмотрите на названия праздников и соотнесите их с датами.

New Year's Day : March 5

Новый год : 5 марта

Christmas Day : February 23

Рождество : 23 февраля

Country Defendant's Day : May 1

День Защитника Отечества : 1 мая

Women's Day : January 1

Женский день : 1 января

May Day : January 7

Майский день : 7 января

Answer the questions,. Ответьте на вопросы.

I. What holiday did we celebrate two weeks ago?

Какой праздник мы праздновали две недели назад?

2. What holiday will we celebrate tomorrow?

Какой праздник мы будем праздновать завтра?

III. New words for the greeting. Новые слова для поздравления» Look, listen and repeat. Посмотрите, послушайте и повторите.

Let пусть

Shines светит

Brightly ярко

Bloom цветут

Dreams мечты

Come true осуществляются

Spring весенний

IV. Look at the greeting and fill in the gaps using the words»

Посмотрите на поздравление и заполните пропуски? используя данные слова

Let the sun.... brightly: all

Пусть солнце ... ярко: все

Let all... bloom: spring

Пусть все ... цветут: весенние.

Let ... your dreams come true: the flowers

Пусть ... ваши мечты осуществляются : цветы

On this happy ... day: shines

В этот счастливый ... день: светит

Read the greeting and use it in your postcard.

Прочитайте поздравление и используйте его в вашей открытке.

УДК 616.13 – 007.272 + 617.58 – 0024 – 084
ББК 54.102

ХРОНИЧЕСКАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ИШЕМИЯ КОНЕЧНОСТЕЙ

Критерий несостоятельности ангиологии
в объяснении и лечении восходящего некроза
тканей конечности на фоне болей покоя
и необходимости внедрения в здравоохранение РФ
нового вида специализированной стационарной
медицинской помощи

Доктор медицинских наук А. Г. Епифанов
Кандидат медицинских наук Е. А. Епифанова

В статье представлен анализ данных литературы и собственных исследований авторов по проблеме хронической критической ишемии конечностей (ХКИК), которая оказалась непосильной задачей для современной ангиологии, — в связи с неясностью путей поиска достоверных критериев оценки жизнеспособности конечности и научно-обоснованных показаний к реваскуляризирующим операциям. Приводятся доказательства невозможности с позиций современной ангиологии дать определение ХКИК, а следовательно научно обосновать необходимость выполнения реваскуляризирующих операций у больных с болями покоя, язвами и дистальными некрозами тканей конечностей. Приводятся доказательства недостоверности результатов лечения путем реваскуляризирующих операций. Доказано, что в основе развития и прогрессирования хронической ишемии конечностей лежат не процессы артериальной недостаточности, а первичные поочередные изменения в структуре 3-х энергетических тел человека, генерирующих субъективные ощущения с пораженной конечности.

Особо подчеркивается, что первичные поочередные изменения структур 3-х энергетических тел вызывают явления нарастающего пирокинза в органическом теле больного и вторичную генерацию 3-х видов кожной чувствительности, запускающей все виды регуляции в организме больного.

Подчеркивается, что новая концепция патогенеза ХИК и предложенные методы ее профилактики и лечения всесторонне и в течение многих лет проверялись комиссиями МЗ СССР и МЗ РСФСР на основании приказа МЗ СССР № 589 от 17. 06. 1982 г. Приводится решение 1-й Всероссийской научно-практической конференции о необходимости внедрения во всех регионах России нового вида специализированной стационарной медицинской помощи больным с ХКИК.

Ключевые слова: хроническая критическая ишемия конечностей (ХКИК), патогенез, диагностика, лечение

Термин «критическая ишемия конечности» (КИК) был введен Bell и соавт. для принципиального выделения группы больных с болями покоя, язвами и дистальными некрозами тканей конечности [1]. Они предположили, что у данной группы больных имеется такая степень хронической ишемии (КИК), которая в результате существенного улучшения кровообращения на конечности перейдет в субкомпенсированную (II ст. по Фонтейну). Это спасет конечность или ограничится малой ампутацией. Исходя из этих соображений, сосудистые хирурги для профилактики ампутаций пошли по пути разработки технологии операций максимально реваскуляризирующих конечность [2–10, 15, 16, 25, 32] «Однако, клинические исследования проведенные за последние 10 лет в ведущих сосудистых центрах не показали уменьшения числа высоких ампутаций конечности и не установили обратной корреляции между частотой артериальных реконструкций и частотой больших ампутаций» [11].

Главной причиной неудач, по мнению сосудистых хирургов, является то, что больные с болями покоя, язвами и дистальными некрозами тканей конечности очень неоднородны и имеют разные степени выраженности хронической ишемии [17, 26, 39]. По их мнению, отрицательные результаты наблюдаются там, где КИК перешла в необратимую (декомпенсированную) ишемию, где необходима ампутация [12–14, 46].

Для улучшения отбора больных на реконструктивные операции потребовались точные критерии для постановки диагноза КИК. Но, сначала надо было объяснить сущность КИК, т. е. дать ее научное определение. Вот здесь и начались трудности, которые стали непреодолимыми.

Как пишет Е. П. Бурлева, «Определение ХКИК является ключевым вопросом проблемы. Наличие данного состояния диктует хирургу применение принципа максимальной реваскуляризации конечности и отказ от ампутации» [11, 24–27, 31, 51].

В связи с отсутствием определения КИК и точных критериев ее идентификации у конкретного больного над хирургом висит опасность судебного иска из-за врачебной ошибки по выбору вида операции: реконструктивная или ампутация. Как видим, проблема ХКИК остра как для хирурга, так и для

больного и в течение 25 лет с момента ее введения в клинику, она до сих пор не только не решена, а еще больше усложнена, запутана из-за увеличения количества определений по ее объяснению [15, 16, 26, 28, 31, 32, 37, 39, 41].

«Прямого ответа на дилемму ампутация или сложная операция с повышенным риском для жизни и сомнительным исходом до сих пор не найдено» [11].

Вопрос не решается и потому, что Bell и соавт. допустили грубую ошибку, которую из ангиологов никто не исправил, а сомнения были [17, 39].

Нельзя было одним из состояний развития хронической ишемии конечностей (ХИК) характеризовать разнородную группу больных объединенных по 2-м размытым критериям:

1. Обширному спектру субъективных ощущений с конечности, в виде болей покоя в неопределенном интервале времени без учета наличия других субъективных ощущений с конечности.

2. Обширному спектру некротических изменений в области стопы под названием язвы и дистальные некрозы тканей конечности при отсутствии научно обоснованных критериев их идентификации.

Как установлено последними исследованиями [18–23] — субъективное ощущение боли, жжения, жжения, сдавления и др. связано с изменением величин 3-х биоконстант, изменением структуры 3-х энергетических тел, которые не являются частью физического тела человека, а представляют собой стоячие волны, образованные путем сложения множества систем, состоящих из 3-х когерентных квантов поля, векторы сил которых находятся на трех взаимно перпендикулярных плоскостях и направлены в одну точку [21].

Некротические изменения в тканях также имеют сложную природу, особенно, если идет процесс медленного образования сухой гангрены на фоне сильнейшего жгучего болевого синдрома. Это, прежде всего, процесс пирокинеза (обугливания), а точнее невозможность превращения сложных углеводородных цепочек в CO_2 и H_2O из-за блокады утилизации кислорода. В этих условиях белки, фосфолипиды и гликопротеиды, теряя воду, переходят из золеобразного в гелеобразное состояние; гели, теряя атомы водорода, превращают-

ся в структуры углеподобного типа, в виде торфа и бурого угля (некроз древесины). Так как процесс пирокинеза сопровождается жгучей болью, то для его подавления больной увлажняет область некроизменений. Этот процесс лежит в основе старения, а именно медленного горения органического тела человека. Если процесс принимает цепной характер, то тело сгорит очень быстро. При этом одежда человека не горит. Энергия уходит в виде холодного излучения (синий, фиолетовый, ультрафиолетовый и другие спектры света) [21, 23].

При КИК, особенно на фоне невыносимого болевого синдрома, идет быстро восходящий некроз тканей, обусловленный не только процессом пирокинеза, но так же из-за генерации мощной тактильной, температурной, болевой чувствительности, которые запускают защитные реакции в физическом теле организма по отторжению и ограничению мертвых тканей. Это реакция со стороны иммунной системы по образованию аутоантител на аутоантигены. Агрессия со стороны лимфоцитов и нейтрофилов. Нарастает процесс ограничения кровоциркуляции в пораженных тканях из-за ухудшения реологии крови, гиперкоагуляции и сбрасывания артериальной крови по артерио-венозным анастомозам. Накопление цитокинов усиливает повреждение клеток, эндотелия сосудов. Все это ведет к обезвоживанию умирающих тканей конечности и усилению в них процесса пирокинеза, который, распространяясь на вышележащее ткани, ведет к восходящему некрозу. Процесс восходящего некроза, изменяя структуру физического тела на конечности, изменяет условия обмена квантами энергии частей 3-х энергетических тел (тактильного, теплового, болевого), которые занимают пространство физического тела пораженной конечности, что ещё больше усиливает субъективное ощущение больного в виде жгучих, пульсирующих и невыносимых болей покоя. Невыносимое субъективное ощущение боли заставляет больного отказаться от части физического тела, т.е. согласиться на ампутацию [15, 19, 20].

Как видим, у больных при сильных болях покоя в конечности и наличии видимых некротических (язвы и некрозы) реконструктивные операции по восстановлению магистрального кровотока бесперспективны,

т.к. ниже уровня артериол восстановить артериальный кровоток из-за явлений пирокинеза и распада клеточных и тканевых структур невозможно, т.е. поздно. Необходимо прежде всего проводить мероприятия по уменьшению субъективных ощущений с конечности: тактильных, тепловых и болевых, что ведет к подавлению тактильной, температурной, и болевой чувствительности, т.к. прямое подавление чувствительности анестетиками или импульсами тока, как показывает практика недостаточно. Необходимо подавить или резко ослабить процессы пирокинеза на пораженной конечности. На фоне основных мероприятий по борьбе с постоянными субъективными ощущениями в области пораженной конечности и явлениями пирокинеза на уровне целого организма, необходимо одновременно проводить известные мероприятия по улучшению реологии крови на уровне целого организма, а так же подавлять аутоиммунный процесс и использовать все меры профилактики, которые доказали свою безвредность и эффективность (отказ от курения, избегание стрессов, механических повреждений пораженной конечности и др.).

25-летняя практика применения новой медицинской технологии лечения путем воздействия на энергетические тела человека и процессы пирокинеза в организме больного (технология лечения с применением ПМУ «Скафандр Епифанова») доказала, что больных с постоянными болями покоя и дистальными некрозами тканей конечностей надо лечить в условиях специализированного хирургического стационара с применением ПМУ «Скафандр Епифанова» [22].

25-летний опыт работы отделения сосудистой хирургии с применением ПМУ «Скафандр Епифанова» организованного по приказу № 589 от 17. 06. 1982 г. МЗ СССР однозначно доказал, что для этой категории больных надо создавать новый вид специализированной стационарной медицинской помощи, который организован только в условиях муниципального здравоохранения г.Рязани. Несмотря на то, что приказом МЗ СССР №589 предусматривались меры по внедрению этого вида специализированной медицинской помощи, МЗ и СР РФ ничего не делает по выполнению приказа в части его внедрения [22].

Прошедшая в г. Рязани 13–15 октября 2005 г. 1-й Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы профилактики ампутаций конечностей у больных с самопроизвольной гангреной при тяжелых стадиях окклюзионных поражений артерий конечностей в РФ» [23] обсудила эту жгучую медицинскую и социальную проблему для России и приняла следующее Решение:

Участники конференции заслушав и обсудив сообщения о новом виде специализированной стационарной медицинской помощи в РФ — хирургия сосудистая с применением ПМУ «Скафандр Епифанова», новой научной парадигме патогенеза самопроизвольной гангрены при хронических окклюзионных поражениях артерий конечностей выносят следующее решение:

1. Новый вид специализированной стационарной медицинской помощи (хирургия сосудистая с применением ПМУ «Скафандр Епифанова») больным с хроническими поражениями артерий конечностей тяжелых стадий был создан по приказу МЗ СССР №589 от 17. 06. 1982 г. в результате социальной потребности государства по уменьшению инвалидов — калек трудоспособного возраста и в результате неэффективности лечения этой категории больных таким видом специализированной стационарной медицинской помощи как: сосудистая хирургия (несмотря на огромные достижения сосудистой хирургии количество ампутаций в год в РФ от заболеваний сосудов конечностей не уменьшается).

2. Лежащая в основе нового вида специализированной стационарной медицинской помощи разработанная и всесторонне проверенная в течении 25 лет многочисленными комиссиями экспертов МЗ СССР, МЗ РСФСР, МЗ РФ новая медицинская технология лечения с применением ПМУ «Скафандр Епифанова» является высокоэффективной и не дающей ни каких осложнений со стороны организма больного (в отличие от реконструктивных операций: кровотечения, нагноения, послеоперационная летальность и инвалидность).

3. Благодаря острой социальной потребности и проявленной твердости руководства управления здравоохранения г. Рязани, несмотря на неоднократные насильственные попытки в его ликвидации — новый вид специализированной стационарной медицинской помощи удалось со-

хранить только в системе муниципального здравоохранения г. Рязани.

4. Для сохранения нового вида специализированной стационарной медицинской помощи и его внедрения в других регионах России, как было предусмотрено приказом МЗ СССР №589 от 17. 06. 1982г. необходимо согласно требований приказа МЗ РФ №28 от 29. 01. 1999г. ввести в Перечень хирургических подразделений стационаров лечебно-профилактических учреждений — отделение сосудистой хирургии с применением ПМУ «Скафандр Епифанова».

5. Юридически значимым фактом доказательства возникновения и внедрения в клиническую практику РФ нового вида специализированной стационарной медицинской помощи является Карта экспертной оценки отделения сосудистой хирургии с применением ПМУ «Скафандр Епифанова», утвержденная МЗ РФ в 1996 году.

Только на основании этой карты можно проводить аккредитацию и лицензирование отделения сосудистой хирургии с применением ПМУ «Скафандр Епифанова», что отмечено в протоколе №6 от 05. 06. 2001 г. заседания комиссии по лицензированию медицинской деятельности Лицензионной палаты администрации Рязанской области.

6. Врачи и студенты медуниверситетов обязаны знать, что существует новая теоретически и практически научно-обоснованная теория (парадигма) патогенеза восходящего некроза тканей конечностей (самопроизвольная гангрена) у больных с окклюзионными поражениями артерий в основе возникновения и развития которого согласно предложенной концепции лежат процессы, связанные с поочередной генерацией субъективных кожных ощущений (тактильных, температурных, болевых) в 3-х энергетических телах бодрствующего человека и процессы пирокинеза (обугливание) органических молекул физического тела человека.

7. Конференция констатирует, что предложенная научная парадигма патогенеза восходящего некроза при хронических окклюзионных поражениях артерий конечностей привела к разработке и внедрению в клиническую практику высокоэффективной медицинской технологии лечения сосудистых больных с применением ПМУ «Скафандр Епифанова».

8. На конференции отмечено, полувековой клинический опыт показал, что сосудистая хирургия при огромных своих дости-

жениях не сможет решить проблему профилактики ампутаций при хронических окклюзионных поражениях артерий конечностей путем оперативного восстановления магистрального и коллатерального кровотока даже на фоне интенсивной медикаментозной терапии.

9. Рекомендовать МЗ РФ включить в учебные программы медуниверситетов и кафедр последипломного образования врачей материалы по новой научной парадигме патогенеза сосудистых поражений конечностей и новому виду специализированной стационарной медицинской помощи : хирургия сосудистая с применением ПМУ «Скафандр Епифанова».

10. В целях подготовки кадров по новому виду специализированной стационарной медицинской помощи МЗ РФ организовывать на базе отделения сосудистой хирургии с применением ПМУ «Скафандр Епифанова» МУЗ РГКБ № 10 Российский научно-методический центр.

11. Продолжить научно-исследовательские работы в области профилактики ампутаций конечностей при хронических окклюзионных поражениях артерий и профилактики прогрессирования хронической венозной недостаточности на основе предложенной научной парадигмы.

12. Создать общественную организацию Всероссийская Ассоциация сторонников метода Епифанова.

13. Материалы и решение конференции необходимо довести до сведения МЗ РФ, начальников управлений здравоохранения городов и регионов всей РФ, ректоров медуниверситетов и практикующих врачей поликлиник и стационаров терапевтического, неврологического и хирургического профилей

Надо особо отметить, что при отсутствии определения КИК и достоверных критериев ее идентификации все результаты ее лечения путем реваскуляризирующих операций не достоверны и не могут служить доказательством эффективности этих операций .

«При мультицентровом проспективном исследовании 517 пациентов с КИК было констатировано, что пациенты для медикаментозного и хирургического лечения подбираются по разным критериям. При этом показана малая разница сохранения конечности от ампутаций в группах с шунтирующей операцией и первичной фармакоте-

рапией. При ретроспективном сравнении результатов сосудистой хирургии в специализированном госпитале и популяции пациентов за 12 лет был сделан вывод, что сохранение конечности как критерий лечения ХКИ может быть использован только при изучении популяции. В специализированных центрах анализ искажен вследствие отбора пациентов» [11]. Этим сказано все.

А теперь остановимся на том, почему сосудистые хирурги не могут дать научное определение КИК, и почему нельзя найти критерии для идентификации этого состояния. Bell и соавт. неправильно оценили классификацию ишемии нижних конечностей Фонтейна (1954 г.) и не поняли ее смысла. Фонтейн выделял 4 степени ишемии нижних конечностей по наличию субъективных ощущений (I, II, III) и повреждению тканей (IV).

1. асимптомная
2. симптомы при нагрузке
3. симптомы в покое
4. трофические язвы и гангрена
- 4а. ограниченная гангрена
- 4б. распространенная гангрена.

Прежде чем, ввести термин КИК для характеристики больных, Bell и соавт. должны были дать определение и критерии для идентификации этого особого состояния хронической ишемии конечностей (ХИК) у каждого больного. Но даже при наличии определения и приемлемых критериев идентификации КИК, можно ли использовать эти критерии для идентификации жизнеспособности конечности? Ответа на этот вопрос до сих пор нет [11, 42–50].

Имеет место, что у больных с постоянными болями покоя, язвами и дистальными некрозами, врачи, не понимая сути КИК (определения нет, достоверных критериев нет) необоснованно, для получения прямых показаний к обширной, опасной для жизни реваскуляризирующей операции, ставят диагноз КИК. Но вопрос постановки диагноза КИК для показаний к реваскуляризирующей операции оказался сложнее. Для постановки диагноза КИК сосудистые хирурги используют критерий наличия окклюзии магистральной артерии. Но сам факт, наличия окклюзии магистральной артерии к появлению болей покоя и некрозов не имеет никакого отношения, т.к. окклюзия артерии встречается при I–II ст. ишемии по Фонтейну, когда болей покоя и некрозов нет.

Когда сосудистые хирурги убедились, что окклюзия магистральной артерии не является показанием к реваскуляризирующей операции, тогда предложили новый критерий: «постоянная боль в покое, требующая обезболивания в течение 2-х недель и более, трофическая язва или гангрена пальцев или стопы, возникшие на фоне хронической артериальной недостаточности нижних конечностей» [16].

Что такое хроническая артериальная недостаточность нижних конечностей — неизвестно. Определения нет, нет и критериев для идентификации этого состояния. По мнению Г. К. Золоева «Ключевым звеном артериальной недостаточности является снижение объемной скорости кровотока, как следствие перфузионного давления дистальнее уровня окклюзии (или каскада гемодинамически значимых препятствий)» [15].

Для подтверждения артериальной недостаточности [16], достаточно установить, что лодыжечное давление ≤ 50 мм рт. ст., пальцевое давление ≤ 30 –50 мм рт. ст. и транскутанное напряжение кислорода на стопе ≤ 30 мм рт.ст. Эти показатели не определяют объем артериального притока крови на стопу, а следовательно в качестве критериев непригодны [11, 17, 40, 41, 43–45].

Как известно, хроническая ишемия нижних конечностей развивается медленно, что позволило Фонтейну выделить четыре степени ишемии. Годами длится и артериальная недостаточность нижних конечностей. С возрастом уменьшается количество артерий и капилляров на единицу объема тканей, следовательно, уменьшается артериальный приток, но боли покоя и некрозы на конечностях не возникают у большого количества больных. Значит, в основе прогрессирования хронической ишемии нижних конечностей лежат другие процессы, не связанные с уровнем артериального притока в ткани конечности.

Как известно, по мере нарастания ишемических расстройств с конечности идет четкая последовательность смены субъективных ощущений (тактильные, тепловые, болевые), а со стороны органического тела идет атрофия конечности и изменения в тканях на молекулярном, субклеточном, клеточном, органном и организменном уровнях [18–23].

При наличии КИК у этой категории больных консервативная терапия по мнению со-

судистых хирургов не эффективна, а реваскуляризирующая операция может перевести КИК в субкомпенсированную или компенсированную ишемию конечности (I и II ст. по Фонтейну) [11, 25]. Это серьезное заблуждение. Известно, что под термином «ишемия» тканей органа патофизиологи понимают нарушение кровообращения в тканях за счет уменьшения объема артериального притока крови в единицу времени в единицу объема тканей органа [35], а клиницисты под ишемией органа или части тела понимают возникновение в проекции этого органа неприятных субъективных ощущений (ощущение сдавливания, жжения, боли и т. д.).

Под термином ишемия нижних конечностей Фонтейн понимал появление или отсутствие разнообразных субъективных кожных ощущений в пораженной конечности в зависимости от состояния физического тела больного, — тело движется (ходьба) или тело находится в покое (стоит, лежит, сидит).

IV ст. ишемии — была введена для обозначения больных у которых на фоне сильных субъективных ощущений боли, жжения и т.д. появлялись явные некротические изменения: язвы, некрозы тканей стопы. В этой классификации не говорится об объеме артериального притока крови в орган в проекции которого генерируются субъективные ощущения.

Не говорится, как меняется объем артериального притока крови в зависимости от степени ишемии.

По Фонтейну, хроническая ишемия тканей конечности делится на компенсированную (постоянных устойчивых болей при ходьбе нет, асимптомная), субкомпенсированную (постоянные боли при ходьбе) и декомпенсированную (постоянные боли в покое). IVст. — это декомпенсированная ишемия на фоне видимых некротических изменений тканей конечности.. По логике критическая ишемия должна быть в интервале между субкомпенсированной (когда к болям при ходьбе присоединяются постоянные терпимые боли в ногах в покое) и декомпенсированной ишемией (когда появляются постоянные длительные, сильные боли в покое). При длительной декомпенсированной ишемии, на ее фоне появляются видимые некротические ткани.

У больных сахарным диабетом некротические изменения на стопах могут возникнуть в интервале между субкомпенсирован-

ной и декомпенсированной ишемией, т.е. в момент критической ишемии, когда реваскуляризирующую операцию делать нельзя. Болей в покое нет.

Как следует из многолетних наших наблюдений больных с ХИК, установить временной период от начала до конца КИК практически невозможно.

Можно только по форме и амплитуде реограмм установить приблизительно, когда у больного возникло уменьшение пульсового кровенаполнения тканей конечности.

Но, достоверной положительной корреляции между характером субъективных ощущений с конечности и формой и амплитудой реограмм не отмечается.

Как видим, у больных с болями покоя, язвами и дистальными некрозами тканей конечности объем артериального притока крови в стопу в качестве критерия никто не предлагает, т. к. считают, что объем артериального притока крови в пораженную конечность при наличии этого состояния у больного не играет никакой роли. Но в то же время в качестве альтернативы ампутации предлагают реваскуляризирующую операцию, смысл которой только в увеличении объема артериального притока крови. Об этом противоречии в ангиологии ни слова.

На основании изложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Термин, введенный Bell и соавт. в 1982г., для выделения группы больных с болями покоя, язвами и дистальными некрозами тканей конечности ошибочный и не соответствует данной группе больных.

2. Определение КИК дать невозможно из-за многообразия смыслового содержа-

ния, а следовательно и невозможно подобрать критерии для его идентификации.

3. Реваскуляризирующие операции у больных с болями покоя, язвами и дистальными некрозами тканей конечности не имеют научно-обоснованных показаний к выполнению и к тому же опасны для их жизни.

4. Выполнение реваскуляризирующих операций у больных с постоянными болями покоя, язвами и дистальными некрозами тканей ведет к неэффективному использованию ограниченных средств и нанесению вреда больному и медицинскому учреждению.

5. В связи с бесперспективностью реваскуляризирующих операций у данной группы больных для их лечения необходима разработка новых медицинских технологий.

6. При разработке новых медицинских технологий лечения данной группы больных необходимо опираться на знание патогенеза восходящего некроза тканей конечности и субъективных ощущений с пораженной конечности.

7. В г. Рязани в системе муниципального здравоохранения в течении 25 лет успешно применяется новый вид специализированной стационарной медицинской помощи данной категории больных, основанный на применении ПМУ «Скафандр Епифанова».

8. Для внедрения нового вида специализированной стационарной медицинской помощи в РФ необходимо выполнение Решения 1-й Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы профилактики ампутаций конечностей у больных с самопроизвольной гангреной при тяжелых стадиях окклюзионных поражений артерий конечностей в РФ».

ЛИТЕРАТУРА

1. Bell P.R.F., Charleworth D., De Palma R.G., Eastcott H.H. The definition of critical ischemia of a limb. Working party of the intern. vaskul. simp. Brit. J. surg. 1982; 69: 2: 2.
2. Mahler F. European consensus concerning chronic critical ischemia of the lower extremities. Vasa. 1990; 19: 2: 97—99.
3. Baffour R., Danywick R., Burdon T. An angiographic study of ischemia as a determinant neovascularization in arteriovenous reversal. Surg. Gynec. Obstet. 1988; 166: 1: 28—32.
4. Дудкин Б. П., Крейндин Ю. З., Кротовский А. Г., Воронцов В. В. Классификация поражений коллатеральной сети бедренно-подколенного сегмента для выбора хирургической тактики. Хирургия. 1987; 1: 67—70.
5. Tunis S.R., Bass E.B., Steinberg E.P. The use of angioplasty, bypass surgery and amputation in the management of peripheral vascular disease. N. Engl. J. Med. 1991; 325: 4: 556—562.
6. Donaldson M.C., Mannick J.A., Whittemore A.D. Femoro-distal bypass with in situ greater saphenous vein: long-term results using the Mills valvulotome. Ann. Surg. 1999; 213: 457—465.

7. Cheshire N.J.W., Wolfe J.H.N., Noone M.A., Davies L., Drummond M. The economics of femorocrural reconstruction for critical leg with and without autologous vein. *J. Vasc. Surg.* 1992; 15: 2; 167—175.
8. Wolf G.L., Wilson S.E. Cross A.P., Deupree R.H., Stason W.B. Surgery or balloon angioplasty for peripheral vascular disease: a randomized clinical trial. *J. Vasc. Intervent. Radiol.* 1993; 4: 639—648.
9. Matsi P.G. Percutaneous transluminal angioplasty in clinical limb ischemia. *Ann. Chir. Gynaecol.* 1995; 84: 4: 359—362.
10. Jacobs M.J. Gangrene de lavant-pied et pontage souscrural: amputation simultanée. *J. Mal. Vas.* 1996; Suppl. A.: 171—173.
11. Бурлева Е. П., Смирнов О. А. Размышления по поводу хронической критической ишемии конечностей // *Ангиология и сосудистая хирургия.* — 1999. — Т. 5, № 1. — С. 17—21.
12. Bell P.R.F. Femoro-distal grafts — can the results be improved? *Eur. J. Surg.* 1991; 5; 607—609.
13. Сухарев И. И., Гуш А. А. Применение вазопростана в лечении облитерирующего атеросклероза артерий нижних конечностей. *Клин. Хирургия.* 1994. 7: 22—24.
14. Jonson B.L., Glicman M.H., Bandyc D.F., Esses G.E. Failure of foot salvage in patients with end-stage renal disease after surgical revascularization. *J. Vasc. Surg.* 1995; 22: 3: 280—286.
15. Золотов Г. К. Облитерирующие заболевания артерий. Хирургическое лечение и реабилитация больных с утратой конечности. — М.: ОАО «Издательство «Медицина», 2004. — 432 с.: ил.
16. Российский Консенсус «Диагностика и лечение пациентов с критической ишемией нижних конечностей». — М., 2002. — 40 с.
17. Rieger H. Further thoughts on critical limb ischemia. *J. Critical ischemia.* 1995; 4: 2: 34, 35.
18. Епифанов А. Г. Системно-энергетическая концепция самоорганизации живых систем как предпосылка возникновения новой научной парадигмы хронических окклюзионных поражений артерий конечностей. В кн.: *Актуальные вопросы профилактики ампутаций конечности по поводу самопроизвольной гангрены при тяжелых стадиях окклюзионных поражений артерий конечностей.* — Рязань, 2005 — С. 18—24.
19. Епифанов А. Г. Современные взгляды на этиологию и патогенез облитерирующего тромбангиита (самопроизвольной гангрены). Новая научная парадигма патогенеза облитерирующего тромбангиита (самопроизвольной гангрены) и других поражений сосудов конечностей. В кн.: *Актуальные вопросы профилактики ампутаций конечности по поводу самопроизвольной гангрены при тяжелых стадиях окклюзионных поражений артерий конечностей.* Рязань, 2005 с. 25—39.
20. Епифанов А. Г. Новая научная парадигма патогенеза облитерирующего тромбангиита (самопроизвольной гангрены) и других поражений сосудов конечностей. // *Актуальные вопросы профилактики ампутаций конечности по поводу самопроизвольной гангрены при тяжелых стадиях окклюзионных поражений артерий конечностей.* — Рязань, 2005 — С. 40—44.
21. Епифанов А. Г. Природа облитерирующего эндартериита (новое в патогенезе и лечении). Рязань, 2003 — 132 с.: ил.
22. Епифанов А. Г. Социально-медицинские предпосылки возникновения и становления в России в конце XX века нового вида специализированной стационарной медицинской помощи — «хирургия сосудистая с применением ПМУ «Скафандр Епифанова». // *Актуальные вопросы профилактики ампутаций конечности по поводу самопроизвольной гангрены при тяжелых стадиях окклюзионных поражений артерий конечностей.* — Рязань, 2005 — С. 7—17.
23. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции 13—15 октября 2005 г. Актуальные вопросы профилактики ампутаций конечности по поводу самопроизвольной гангрены при тяжелых стадиях окклюзионных поражений артерий конечностей. — Рязань, 2005 — 188 с.
24. Ратнер Г. Л., Слуцкер Г. Е. Системный анализ и вопросы тактики у больных облитерирующим атеросклерозом нижних конечностей // *Ангиология и сосудистая хирургия.* — 1995. — № 3. — С. 107—111.
25. Ратнер Г. Л., Слуцкер Г. Е., Вачев А. Н. Хроническая ишемия нижних конечностей при атеросклерозе. Обоснование лечебной тактики // *Ангиология и сосудистая хирургия.* — 1999. — Т. 5. — № 1. — С. 13—16.
26. Wolfe J.H.N., Wyatt M.G. Critical and Subcritical Ischemia // *Europ. J. Vasc. Endovasc. Surg.* — 1997. — Vol. 13, N 6. — P. 578—582.
27. TASC Working Group Trans-Atlantic Inter-Society, Consensus Management of Peripheral Arterial Disease // *International Angiology.* — 2000. — Vol. 19, N 1. Suppl. 1. — P. 1—304.

28. *Vayssariat M., Gouny P., Cheynel C. et al. Haemodynamics of Patients with Severe Lower Limb Arterial Disease: The Critical Aspect of Critical Ischemia // Europ. J. Vasc. Endovasc. Surg. — 1997. — Vol. 14, N 4. — P. 284—289.*
29. Российский Консенсус «Профилактика послеоперационных венозных тромбоэмболических осложнений». — М., 2000. — 20 с.
30. Российский Консенсус «Рекомендуемые стандарты для оценки результатов лечения пациентов с хронической ишемией нижних конечностей». — М., 2001. — 29 с.
31. Савельев В. С., Кошкин В. М., Каралкин А. В., Тарковский А. А. Критическая ишемия нижних конечностей: определение понятия и гемодинамическая характеристика // *Ангиология и сосудистая хирургия.* — 1996. — № 3. — С. 84—90.
32. Савельев В. С., Кошкин В. М. Критическая ишемия нижних конечностей. — М.: Медицина, 1997. — 160 с.
33. Золотов Г. К., Дудко А. П., Литвиновский С. В., Ивагин Н. П. Подмышечно-бедренное шунтирование и последующая реабилитация при критической ишемии единственной нижней конечности // *Ангиология и сосудистая хирургия.* — 2000. — Т. 6. — № 3. — С. 85—86.
34. Покровский А. В., Дан В. Н., Чупин А. В., Хоровец А. Г. Артериализация венозной системы стопы в лечении критической ишемии нижней конечности при окклюзии дистального артериального русла. *Ангиология и сосудистая хирургия.* 1996; 4: 73—93.
35. Руководство по общей патологии человека: Учебное пособие / Под ред. Н. К. Хитрова, Д. С. Саркисова, М. А. Пальцева. — М.: Медицина, 1999. — 782 с.: ил.
36. Лемнев В. Л., Свинтрадзе Р. Г., Казаков Э. С., Кошелев Ю. М. Пути снижения уровня ампутации при декомпенсированной ишемии нижних конечностей. *Хирургия.* 1989; 3: 20—24.
37. Critical limb ischemia: management and outcome. Report of a national survey. The Vascular Surgical Society of Great Britain and Ireland. *Eur. J. Vasc. Endovasc. Surg.* 1995; 10: 1: 108—113.
38. *Panayiotopoulos J. P., Tyrell M. R., Owen S. E., Reidy J. F., Taylor P. R.* Outcome and cost analysis after femorocrural and femoropedal grafting for critical limb ischemia. *Br. J. Surg.* 1997; 84: 2: 207—212.
39. *Schoop W.* What is critical limb ischemia? *Crit. Ischemia.* 1995; 3: 4: 99.
40. *Fiessinger J. N.* Burger's disease and critical limb ischemia. *Crit. Ischemia.* 1995; 3: 4: 128.
41. *Thompson M. M., Sayers R. D., Varty K., Reid A., London N. J., Bell P. R. F.* Chronic critical leg ischemia must be redefined. *Eur. J. Vasc. Surg.* 1993; 17: 4: 420—426.
42. Гусак В. К., Яловецкий Д. М., Пшеничный В. Н., Иваненко А. А., Булавинцев А. В., Ильющенко С. В., Перевозник А. А., Педенко Э. П. Возможности неинвазивной диагностики в прогнозировании эффекта реконструктивной операции у больных с тяжелой ишемией конечностей. *Груд. и сердечно-сосуд. хирургия.* 1993; 2: 19—21.
43. *Jacobs M. J., Ubbink D. T., Kitslaar P. J., Tordoir J. H., Staaf D. W., Renemar R. S.* Assessment of the microcirculation provides additional information in critical limb ischemia. *Eur. J. Vasc. Surg.* 1992; 6: 2: 135—141.
44. *Melillo E., Iabichella L., Berchioli R., Ferrari M., Catapano G., Dell'Omo G., Pedrinelli R.* Transcutaneous oxygen and carbon dioxide during treatment of critical limb ischemia with iloprost, a prostacyclin derivative. *Int. J. Microcirc. Clin. Exp.* 1995; 15: 2: 60—64.
45. *Scheffer A., Rieger H.* Topographical evaluation of skin perfusion patterns in peripheral arterial occlusive disease by means of computer-assisted fluorescein perfusography. *Eur. J. Vasc. Endovasc. Surg.* 1995; 10: 1: 60—68.
46. *Sorensen St., Schoeder T.* When revascularization is not possible. *Crit. Ischemia.* 1995; 4: 3: 89—92.
47. Каримов Э. А., Юнусов М. Ю., Трынкин А. В., Мускумов А. А., Аюби И. Применение плазмафереза в комплексном лечении больных, страдающих критической ишемией нижних конечностей. *Мед. Ж. Узбекистана.* 1991; 11: 26—36.
48. *Holworth J.* District hospital management and outcome of critical lower limb ischemia: comparison with national figures. *Eur. J. Vasc. Endovasc. Surg.* 1997; 13: 2: 159—165.
49. *Giuffrida G. F., Longhi F., De Monti M., Boneschi M., Miani S., Giordanengo F.* Ischemia critica agli arti inferiori: patogenesi, clinica e terapia. Risultati della nostra esperienza su 337 casi. *Minerva Cardioangiol.* 1993; 41: 6: 239—247.
50. *Issaksson L., Lundgren F.* Vein bypass surgery to the foot in patients with diabetes and critical ischemia. *Br. J. Surg.* 1994; 81: 4: 517—520.
51. *Faggrell B.* Critical limb ischemia: comments on consensus document. *J. Intern. Med.* 1992; 231; 3: 195—198.

УДК 389
ББК 30.10

**КАРДОЗО ФЕРНАНДЕС М. Л.
ТРАДИЦИОННАЯ
МЕТРОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА:
СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ. –
М.: ПРОМЕТЕЙ, 2006. – 380 С., 76 ил.**

Кандидат философских наук Л. М. Злотников

Рецензируемая книга представляет собой первое монографическое исследование сущности, генезиса и социокультурного значения традиционной метрологической культуры. Она состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, альбома на 76 листах.

Во введении уточняются понятия: метрологическая культура, традиционная метрология, историческая метрология и др. Дается обзор литературы на русском, английском, немецком и французском языках, определяется круг обсуждаемых проблем.

В первой главе анализируются условия и закономерности развития традиционной метрологической культуры. Из природных условий особо выделяется квантованность космоса, среды обитания, социума и самого человека как объекта квантовой медицины. Анализ социальных условий приводит к выводу: «Благодаря развитию социальных отношений в соответствии с принципом симбиоза человечество в ходе социогенеза создало систему сбора, распределения и трансляции измерительной информации как условие развития метрологической культуры и главный показатель уровня этого развития» (С.32). При рассмотрении закономерностей развития внимание фокусируется на доминировании отношений сотрудничества в сфере метрологической культуры, интенсивность и масштабы которого неуклонно возрастали на всех стадиях развития человека разумного вплоть до уровня современной мировой метрологической службы.

Во второй главе рассматриваются главные стадии прогресса традиционной метрологии: метрология палеолита, метрология энеолита, греко-римская метрология, метрология Византии и Древней Руси.

В третьей главе показано значение традиционной метрологии для формирования и развития социальной памяти и всей системы форм духовной культуры, для прогресса науки и техники, для развития товарно-денежных отношений и формирования мирового рынка, для становления традиций инженерного образования и воспитания.

Библиография содержит точные данные 330 источников: 289 на русском и 41 на иностранных языках.

Книгу можно приобрести по почте наложенным платежом по цене 300 рублей за 1 экземпляр, заказав ее по адресу: 390037, г. Рязань, ул. Советской Армии, дом 2, кв.12, Злотникову Леониду Макаровичу.

УДК 004.358

ББК 32.97

Философия

БЕССМЕРТИЕ И ДУША ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ НАУКИ

Доктор философских наук В. А. Игнатьев

Исследуется возможность земного бессмертия, связываемого с неограниченно долгим сохранением и воспроизведением души как информационно-виртуальной реальности. Выявляемые сложности проблемы кодирования и передачи клоном или ЭВМ информации об индивидуальных особенностях души (креативной составляющей сознания) приводят к вопросу: «Нужна ли бессмертническая парадигма?»

Ключевые слова: душа, паттерн-коды, информационно-виртуальная реальность, бессмертническая парадигма.

О существление земного бессмертия людей, претворяющего в жизнь давние сказочные мечтания о молодильных яблоках и живой воде, привлекает внимание всё большего числа исследователей. Для реализации задач земного, практически осуществимого бессмертия научными средствами нужны усилия учёных-естественников, медиков и представителей гуманитарного знания. Чтобы разобраться в обилии высказываемых ими идей и предложений, от практически реализуемых до фантастически-утопических, требуется учитывать результаты историко-философских исследований и новые данные науки по проблематике жизни, смерти и бессмертия. **Цель данной работы** – анализ возможности земного бессмертия и воскрешения людей, связанных с неограниченно долгим сохранением и воспроизведением души человека научными средствами.

1. ДУША КАК ИНФОРМАЦИОННО-ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ.

Для суждений о возможности воспроизведения научно-техническими средства-

ми души надо разобраться, какой комплекс компонентов (элементов и их отношений) объединяется в этом понятии и предстаёт перед учёными как предмет исследования. Необходимость прояснения этой ситуации ведёт нас к вопросам о логике и методологии идентификации содержательных компонентов «души» с научными представлениями о них. Ещё в Древнем мире постулировались связь души с мозгом, как, впрочем, с дыханием, с кровью и т.д. Много позже, уже во второй половине XIX века, были получены научные данные о роли коры полушарий в мышлении, в интеллектуальной деятельности человека.

Нынешние успехи протеоники, работ по клонированию, расшифровке генома человека, использованию нанотехнологий, обнаружение «гена смерти» и «фермента бессмертия», регенерирующей роли стволовых клеток позволяют считать практически разрешимыми задачи неограниченного воспроизведения телесного, соматического облика людей после их кончины. Однако остаётся открытым вопрос о возможности воспроизведения субъективных особенностей и твор-

ческого своеобразия личности, – её духовного мира, или «души». Что представляет душа для науки и её направлений, таких, как нейрофизиология, кибернетика и информатика, способных пролить свет на возможность сохранения и неограниченно долгого воспроизведения мозговых процессов, обеспечивающих особенности сознания и других проявлений психики, характеризующих внутренний мир личности, её «душу»?

Существенным прорывом в изучении связи процессов головного мозга с чувственными образами и понятиями, фрагментами мыслительных и речевых процессов, явилась разработка методик вживления электродов и их использование при обследовании и лечении больных с нарушениями работы мозга. Вживлённые электроды позволяли, соблюдая этические нормы, осуществлять речевые контакты с больными и длительное время изучать работу ансамблей нейронов, объединяющихся во временные образования, – функциональные системы П. К. Анохина [1]. Отечественные и зарубежные учёные выявили ряд особенностей связи физиологических процессов, позволяющих ставить и разрабатывать проблему выделения мозговых коррелятов мыслительных и речевых процессов, как прообразов, или ступеней в раскрытии кодов психических процессов.

При стимуляции микроучастков с вживлёнными электродами в работах Н. П. Бехтеревой и сотрудников в 1960–1980-х годов [2, 3] удалось выявить импульсную активность нейронов, проявлявшуюся в физиологических процессах. Для выделения некоторых совокупностей импульсной активности ансамбля нейронов, образующих корреляты слов (их акустических параметров, или содержательной, семантической стороны) был использован термин паттерн, который впервые предложил Уолтер (Walter, 1953) для обозначений перестроек характера импульсации нейронов [4]. Термин «паттерн» стал употребляться также в значении паттерн-код и паттерн-эталон. В середине 1960-х годов выявлялись корреляции паттерн-кодов с акустическими различиями слов. Позже, в конце 1960-х – в 1970-е годы, стали исследоваться соотношения физиологических процессов с содержанием речевых и мыслительных процессов. Исследования этого периода позволили поставить проблему мозговых кодов психической де-

ятельности и перейти к её практическому исследованию.

Усилия отечественных ученых с 1970-х годов были направлены на исследование связи психики (психического), как идеального, с материальными, физиологическими процессами и выделением из них относительно устойчивых ансамблей, как коррелятов, или – кодов, психических процессов. Было выяснено, что в работе головного мозга кодировка акустической и семантико-смысловой составляющей слов и их связи в элементарно простых предложениях передаются разными паттерн-кодами. Они образуются при действии сигналов-раздражений на ансамбли нейронов. Происходящие в них изменения физико-химических процессов вызывают электроимпульсы, взаимодействия и сочетания которых составляют корреляты (коды) раздражителей (например, предъявляемых слов).

В теоретико-философском экскурсе нет необходимости воспроизводить значимые для специалистов этапы и детали разработки методов и выявляемых с их помощью особенностей импульсной активности сложных, иерархически организуемых ансамблей в популяциях нейронов. Для проводимого нами анализа интересно отметить отношение к перспективе выявления кодов мыслительной (или, по принятой у физиологов терминологии – интеллектуально-мнестической) деятельности. Обнаружение образуемых при действии раздражителей (предъявляемых слов) относительно устойчивых сочетаний электроимпульсов, которые составляют корреляты, или коды, психических процессов, вызвало оптимистические ожидания дальнейших успехов.

На смену прежнему скептическому взгляду на возможность расшифровки кодов психических процессов пришла уверенность в возможности подключить математику и информатику в анализ соотношений импульсов в составе паттерн-кодов, и надежда на возможность расшифровки мыслительной (интеллектуально-мнестической) деятельности. В 1977 г. авторы одной из работ отмечали, что «... в ближайшие годы при интенсификации исследований проблемы мозгового кодирования могут быть получены данные достаточной полноты, в том числе и для создания соответствующих математических моделей... Некоторые математические модели уже могут строить-

ся на достаточно твердой почве, они могут быть адекватны проблеме и могут служить восполнению недостающих нейрофизиологических сведений, по ходу развития исследования проверяясь ими и направляя их...» [2. С. 144].

В успешном познании сокровенных тайн кодирования интеллектуально-мнестических процессов, ведущих к разгадке организации «души», многое зависит от ориентиров исследования, сознательно или неосознанно выбираемых учёными. Работы отечественных медиков и биологов достаточно убедительно показывают продуктивность диалектико-материалистических ориентиров в познании своеобразия психических процессов, их идеальной содержательной компоненты, образуемой материальными физиологическими процессами. Основные исследовательские задачи и поиски их решения определялись методологической установкой, принимающей, «что материя — мозг и идеальное — мысль соотносятся друг с другом через посредство функциональных (физиолого-биохимических) перестроек этой материи» [3. С. 4].

Обстоятельный анализ различных методологических оснований изучения психики, связи психического и физиологического, исследования мозговых коррелятов элементарных процедур мышления провёл в ряде работ Д. И. Дубровский. Обобщающий обзор многолетних исследований обсуждаемой проблематики он провёл в монографии 1980 г. [5]. В первой части монографии дана критика разновидностей «научного материализма» в психофизиологической проблеме, показана несостоятельность физикалистского подхода к проблеме «Сознание и мозг». Во второй части книги Д. И. Дубровского обосновывается правомерность информационного подхода в изучении процессов сознания и работы головного мозга, а также их соотношения. Эти исследования отечественных учёных опирались на диалектико-материалистические установки в понимании информации, её связи с отражением.

Методологические ориентиры материалистической диалектики отечественных исследователей, использование стихийной диалектики и естественноисторического материализма рядом зарубежных учёных во многом определили позитивные результаты первых шагов по расшифровке кодов

психических процессов. Пионерские работы по выявлению связи физиологических и психических процессов через коды — относительно устойчивые корреляты электроимпульсов ансамблей нейронов — дали новые стимулы исследованиям модельного воспроизведения психических процессов. Они вели к попыткам создания интеллектуальных электронно-вычислительных машин (ЭВМ), с помощью которых моделировали проявления психики. Такие устройства, моделирующие психические процессы, получили известность благодаря популярному названию «искусственный интеллект» (ИИ). Исследования ИИ ведутся уже многие годы, выявляя сложность проблематики моделирования психики человека. Работы по созданию ИИ, связанные с первыми шагами по выявлению возможностей кодирования психических процессов, производят впечатление заметных успехов. Академик В. М. Глушков отметил, что «...не представляет особого труда наделить соответствующие системы программ формами проявления эмоций и другими индивидуальными «чертами характера», проявляющимися в формируемых ЭВМ сообщениях» [6. С. 144].

В работах по созданию ИИ удалось моделировать ряд проявлений психики и решения интеллектуальных задач, типа «думающих» ЭВМ, например, компактного устройства, играющего в шахматы и даже способного обыграть чемпиона мира Г. Каспарова. Однако для технического воплощения ИИ не имеет значения индивидуальное своеобразие внутреннего мира, или души, отдельной личности. В ЭВМ, моделирующих психические функции, посредством эвристического программирования с использованием принципов обучения и самоорганизации, воспроизводятся общие для всех людей черты мыслительной (интеллектуально-мнестической) деятельности человека. Используемый при этом подход В. М. Глушкова [6. С. 147] охарактеризовал как феноменологический.

Другой подход ориентирован на моделирование головного мозга. Он связан с созданием программ ЭВМ, «имитирующих» реакции отдельных нейронов или их взаимодействий по принципам работы мозга. Здесь оценки перспектив оказались очень осторожными из-за различий в принципах системной организации ЭВМ и нейронов головного мозга. Общий вывод В. М. Глушкова,

признанного специалиста по информатике, прозвучал с той долей скептицизма, которая позволяет считать рассматриваемую нами проблему кодирования личностных особенностей «Я», или души, не решаемой в обозримом будущем, или же вообще неразрешимой на пути расшифровки кодов мозговых процессов по принципам работы головного мозга.

Оптимизм, вызванный первыми успехами выявления кодов слов и их сочетаний в элементарных предложениях, играл заметную роль стимула работ, имеющих значение для медицинской практики и для уяснения ряда аспектов проблемы соотношения материального и идеального, физиологического и психического. Однако и в настоящее время оказываются весьма неоднозначными мнения о возможности посредством моделирования объяснить, а на основе раскрытых кодов воспроизводить, психические процессы. В статье Л. А. Щепина [7. С. 230-236] о воспроизведении психических нарушений звучит оптимизм относительно возможности построения моделей сложных психических ситуаций при использовании понятия «фактура», центрального в модели сознания. Оно означает структурированное электрополе, создаваемое группами электрических зарядов, или импульсов нервных волокон белого вещества мозга. Более того, автор полагает, что выделение «структурированного электрического поля» позволит объяснить не только «нормальные», но и мистические явления и объекты [7]. Однако, в том же сборнике 2007 года в публикации Е. Е. Вознякевич [8] звучит обоснованное сомнение в возможности технически воплотить в искусственном интеллекте (ИИ) целеполагание и приемлемый для человека выбор решений в ситуациях, не всегда формализуемых.

Используя результаты работ по философским аспектам информатики и проблеме ИИ можно попытаться охарактеризовать научно-кибернетическое представление о душе. В свете кибернетических идей «душа» и явления духовной жизни могут быть представлены как *нематериальное, духовно-информационное выражение значений, закодированных и передаваемых материальными знаками и знаковыми системами*. Они, в качестве информационных систем, обеспечивают связь, а через неё – жизнеспособность и деятельность отдельных людей, различных сообществ и общества в целом. С позиций

информационных представлений **«душа» человека, – креативный, творческий компонент сознания, равный виртуальной реальности программ индивидуальной жизнедеятельности и субъективного духовного мира личности**. Особенности «души» каждого человека могут быть представлены в кодированной информации, получаемой при жизни индивида, когда будут решены проблемы шифровки и расшифровки индивидуальных творческих особенностей личности.

2. ВОЗМОЖНО ЛИ НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ «ДУШИ», УСЛОВИЙ И ПРИЁМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕЁ ЗЕМНОГО БЕССМЕРТИЯ?

Понимание души как информационно-виртуальной реальности открывает возможность не только содержательной характеристики сложнейшего комплекса психики человека, но и позволяющую поставить перед научным познанием реальные задачи сохранения и воспроизведения «души» в работах по осуществлению реального, земного бессмертия людей. Заметное, а, возможно, ведущее место в этих исследованиях будет принадлежать получению, хранению и использованию кодированной информации, составляющей содержательную сторону «души» человека. Она может быть передана («пересажена») в нейронные структуры головного мозга клона человека, когда удастся решить сложнейшие задачи выявления алгоритмов кодирования и декодирования предметов, ситуаций и связи понятий в формах мышления, общих для разных людей и учитывающих их своеобразное проявление у клонируемых индивидов.

Можно разделять оптимизм представлений о возможности расшифровки нейродинамических кодов психической деятельности человека. Но обнаруженные сложности передачи в клетки головного мозга информации об индивидуально своеобразном внутреннем мире другого человека могут стать серьёзным препятствием, надолго отодвигающим перспективу осуществления земного бессмертия человека. В частности – из-за индивидуальности нейродинамических кодов субъективных особенностей сознания (или – души) каждого отдельного человека, отмечавшихся в ранее названных работах (Бехтеревой и соавторов). Паттерн-коды отдельных людей, будучи расшифрованы, не вызывают, при их предъявлении

другим людям, появления у них идентичных реакций и образов. Например, предъявляемые коды образов щуки, или берёзы, полученные у одних испытуемых, могут вызывать у других людей образы каких угодно иных предметов. Если при жизни индивида запись информации о значимых моментах его жизни не проводилась, то индивидуальные компоненты креативности сознания, составляющие душу умершего, могут оказаться неповторимыми и поэтому не воспроизводимыми в мозговых клетках клона или носителях памяти электронно – вычислительных устройств.

С преодолением имеющихся трудностей, связанных с передачей и хранением кодированной информации о становлении, жизненном пути и творчестве каждого человека, окажется возможным создание электронного мозга Я-личности, которую предполагается воспроизводить после смерти. В ближайшем будущем это – реальный путь обеспечения бессмертия людей, возможный при сохранении и воспроизведении души как комплекса структур кодированной информации, функционирующей в процессах жизнедеятельности в качестве информационно-виртуальной реальности. Правда, пока остаётся открытой проблема идентичности человека-оригинала, «Я» или «душа» которого переводится в микрочипы, и его электронного аналога, в который эти микрочипы вмонтированы и которому его создатели смогут придать облик клонируемого оригинала.

Разработка метатеоретических и практических аспектов осуществления земного бессмертия ведёт исследователей дальше, к обсуждению проблемы «земного», научно осуществляемого воскрешения людей. В частности, И. В. Вишев, многие годы плодотворно работающий по проблематике практического бессмертия, стал обосновывать возможность реального воскрешения человека [9]. В связи с этими выступлениями представляется интересным обсудить мнение крупного специалиста о возможности реального воскрешения человека.

3. ВОЗМОЖНО ЛИ ПРАКТИЧЕСКОЕ, «ЗЕМНОЕ», ВОСКРЕШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО «ДУШИ»?

Уточним содержание понятия «реальное воскрешение», которое стал использовать И. В. Вишев. О каком воскрешении идёт речь? Реальное бытие, как известно,

может быть объективным, материальным и нематериальным, духовным. Поэтому используемое И. В. Вишевым [9] понятие «реальное воскрешение», делает воскрешение, действительно, возможным, причём безо всяких научных средств – в воспоминаниях родных, сослуживцев, в разного рода утопиях, в образах писателей, художников, прославляющих (или критикующих) некогда жившего человека и т. д. Признавая осуществимость реального, практического бессмертия (хотя бы для отдельных людей в отдалённом будущем), мы не можем разделить предположения о возможности земного воскрешения людей. Хотелось бы высказать сомнения по поводу надежд, возлагаемых на достижения науки, которые должны обеспечить реальное, «земное», воскрешение человека.

1). **Клонирование** тела человека не будет воскрешением, поскольку при телесной идентичности Я-оригинала и его клона у Я-копии в новых условиях жизни будет формироваться иной духовный мир уже другой личности. Для клона овечки Долли было достаточно внешне походить на маму и обладать некоторой массой, пригодной для получения товарной баранины. Анатомо-физиологические особенности клона были интересны в плане проверки его жизнеспособности. Результаты практического клонирования заставляют очень осторожно относиться к ожиданиям практического эффекта от научного эксперимента. Естественным представляется мораторий на расширение экспериментов с клонированием и перенесением опытов на людей. Для предполагаемого земного воскрешения людей удачное воспроизведение телесного подобия и даже анатомо-физиологической идентичности клонированной Я-копии и донора-оригинала не будет иметь практического значения, поскольку социально значимые духовные особенности людей определяются не ими.

2). **Воздействия на «гены смерти», «фермент бессмертия» и любые другие молекулярные воздействия** могут обеспечить лишь статистически достоверные результаты. Они полезны и займут подобающее место в продлении жизни и осуществлении практического бессмертия. Допуская возможность сохранения отдельных неспециализированных клеток умерших людей и последующее их клонирование, мы

должны осознавать ограниченность, и даже невозможность, сохранения или воспроизводства условий формирования внутреннего духовного мира умершего человека. Для этого потребовалось бы повторить его индивидуальную жизнь в конкретных условиях, которые исчезли безвозвратно, или располагать записанной на носителе подробной информацией о формировании личности и творческих успехах каждого человека. Таких **банков информации о жизненном пути каждого из живших и живущих на Земле миллиардов людей, нет до настоящего дня**, их создание не предвидится и в обозримом будущем. Поэтому разговоры о реальном (= земном) воскрешении ныне живущих и ранее живших людей – не более, чем беспочвенная фантазия.

3). **Расчёт на технологии «загрузки»** предполагает накопление обширной информации об эпизодах жизни и духовном взрослении личности. Понадобится непрерывная запись информации о каждом значимом шаге в жизни каждого человека с момента его рождения. Вряд ли это будет практически осуществимо из-за ограниченности земных ресурсов для ожидаемых в не столь отдалённом будущем 10–12 млрд. людей, которые, конечно, захотят, чтобы их когда-либо воскресили. Существующая практика похорон и сейчас допускает вскрытия трупов, срезы и хранение образцов тканей. Однако возможности воскрешения на основе сохранённых клеток умерших людей, каждый из которых был личностью, будут нулевыми, как показано в пп. 1 и 2. Клонированием можно получить лишь «живое тело», идентичное умершему. Трудности передачи ему информации о внутреннем мире умершего (или его «души», = виртуальной реальности программ жизнедеятельности и духовного мира) могут оказаться принципиально неразрешимыми.

4). **Создание электронного аналога мозга личности.** Для электронного заместителя человека возможно всё, о чём есть сведения в информационных блоках. Надо полагать, что электронный мозг очень скоро сам станет отбирать и записывать интересную для представляемой им Я-личности информацию, т.е. станет самообучаемым. Непрерывное снабжение энергией, как внешний фактор необходимости своей свободы, электронный мозг, по-видимому, сумеет, или попытается, стабилизировать.

При этом условии Я-личность, будучи бессмертной, сможет достичь всего, чего пожелает, приближаясь в этом отношении к всемогущему Богу. Только к этому уровню осуществления бессмертия можно с рядом оговорок отнести возможность «воскрешения», имея в виду восстановление информации о внутреннем мире Я-личности при случайном её стирании из-за неполадок с источником энергоснабжения. Но это будет обычная операция страховки и восстановления утраченной (стёртой из-за неполадок в работе) информации. Слово «воскрешение» может в подобных ситуациях лишь оттенить масштаб восстановления и активации информации, почему-либо утраченной электронной моделью мозга, но сохранённой в запасах памяти.

4. НУЖНЫ ЛИ ПРАКТИЧЕСКОЕ БЕССМЕРТИЕ И БЕССМЕРТНИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА?

Мечты, научные и вненаучные поиски продления жизни вплоть до практического, на тысячи лет, бессмертия не снимают вопроса о том, нужно ли земное бессмертие человеку? Вопрос совсем не бессмысленный и не лишний, если учесть сомнения в благотельности земного бессмертия, высказываемые в художественной, публицистической литературе, в научных трудах.

Английский писатель Дж. Свифт (1667–1745) в своём знаменитом, известном каждому с детства, произведении «Путешествие Гулливера» [10] с присущим ему блеском едкой сатиры показал, насколько обычные представления о бессмертии, как безусловном благе, расходятся с реальным положением бессмертных – струльдбругов, появляющихся среди обычных смертных жителей королевства Лаггнэгг. По достижении 80 лет, подверженные всем болезням и недугам стариков, подавленные перспективой вечного жалкого существования, струльдбруги подвергаются гражданской смерти: они лишаются гражданских прав, получая лишь средства для скромного существования.

В 90 лет у струльдбругов выпадают зубы, они уже не различают вкус пищи, чтение перестаёт их занимать, они перестают понимать даже соотечественников. Болезни продолжают, не исчезая и не усиливаясь. Самым сильным чувством становится зависть, в наибольшей степени – к грехам молодости и возможности смерти, как вечному по-

кою обычных смертных. Вдохновит ли такая картина по-прежнему желать бессмертия, при котором неявно предполагается вечное здоровье и творческая активность? Лаггнеццев, среди которых появлялись и жили струльдбруги, пример бессмертия не вдохновлял, и желания бессмертия не вызывал.

Реальные шаги к научно осуществляемому бессмертию сделают актуальным коварный вопрос: «Не уготована ли будущим бессмертным участь свифтовских струльдбругов, завидовавших грехам молодости и возможности смерти у обычных, «земных» жителей Лапуты и королевства Лаггнегг?». В сатире Дж. Свифта можно увидеть постановку важнейшего вопроса: «Как стабилизировать жизненные процессы бессмертных, чтобы сохранить их работоспособность и творческие потенции»? Бессмертие имеет смысл для человека здорового и способного, по меньшей мере, к нормальным проявлениям своей духовности.

Бессмертие становится бессмысленным для людей со значительными нарушениями психики. А. С. Пушкин (1799–1837) с ужасом представлял возможность смерти социальной, вызванной сумасшествием: «Не дай мне бог сойти с ума. // Нет, легче посох и сума; ... Да вот беда: сойди с ума, // И страшен будешь, как чума...» [11. С. 164]. Так стоит ли желать бессмертия? Вспомним неприкаянного Агасфера, лишённого покоя могилы и обречённого на скитания вплоть до второго пришествия Христа, который мог снять заклятие. Стремясь к бессмертию, не придут ли люди к добровольной «обречённости на бессмертие»? Решение проблем бессмертия должно, следовательно, включать возможность приостановки развития и возрастных изменений на определённом уровне здорового и творчески активного человека в его лучшие годы свершений и «звёздные» часы удач, – «акме» древних греков.

Для прогнозирования перспектив земного бессмертия человека и научно осуществляемого сохранения его духовного мира, или «души», остаётся много сложных задач, связанных с выявлением как общих, так и специфических особенностей кодирования психических процессов отдельной личности. Пока сделаны первые шаги в выяснении азбуки – коррелятов слов-раздражителей и их связи в элементарных предложениях. Но нельзя игнорировать ранее выявленные и, возможно, принципиальные,

ограничения в практически бесконечном воспроизведении и хранении информации, полученной прижизненно. Это, во-первых, уже отмечавшаяся индивидуальность паттерн-кодов каждого отдельного человека. Кодирование индивидуальных особенностей психики остаётся совокупностью проблем с неизвестными возможностями их решения. Если окажется, что индивидуальность паттерн-кодов является универсальной особенностью, и она присуща каждой личности, то надежды на сохранение «души» с помощью ЭВМ окажутся призрачными мечтами.

Не менее серьёзным препятствием на пути к практическому бессмертию представляется такая особенность, как алогичность суждений и действий «логике вопреки», присущая многим, а, быть может, всем людям. Примеры тому повсюду: неблагодарность, оговоры, предательство, не говоря о житейских проявлениях грубости, хамства и т. д. Эта сторона остаётся подчас не выявленной и неясной по природе и даже по потенциальной возможности самому индивиду, совершающему недостойный поступок. Добавим сюда противодействие новых сил и тенденций старым, изжившим себя порядкам. В плане проблемы сохранения индивидуального облика души способность к алогичным суждениям и поступкам оказывается принципиально не формализуемой, т.е. не выразимой на языке формальной логики. Поэтому алогичные суждения («логика алогизмов»), как и диалектические представления типа «и – и» «да – нет», не воспроизводятся современными ЭВМ.

К группе не формализуемых, а потому не выявляемых логикой языков ЭВМ, относится и древнейшая в обществе проблема свободы воли. Этические регулятивы, исходящие из постулата свободы воли, современными логическими средствами не могут быть формализуемы. Они, как и основывающиеся на них алгоритмы жизнедеятельности, не могут быть воспроизведены с помощью современных ЭВМ. Это значит, что существенная часть нашего «Я», или души человека, не может быть закодирована и передана носителям памяти при смене телесного субстрата, или проще – при замене тела человека на более долговечный субстрат. Диалектичность и алогичность мыслей, представлений и поступков человека могут оказаться принципиальным препятствием к осуществлению меч-

ты о практическом, земном бессмертии.

Пока отмеченные препятствия на пути к земному бессмертию не будут преодолены научными средствами, человек, конечно, не откажется от поисков путей продления своей жизни, хотя бы до естественных, биологических пределов возможного существования своей телесной организации. Но каковы эти пределы и каким образом можно продлить активную жизнедеятельность материально-телесной организации человека? Среди многочисленных суждений на эту тему выделяется идея о достаточности для человека естественного природного долголетия в пределах 90–120 лет, которую высказал и обосновывал наш соотечественник И. И. Мечников (1845–1916), известный биолог, физиолог и основатель геронтологии, лауреат Нобелевской премии. Он разработал концепцию **ортобиоза** – организации жизненных отправлений, которые связывались с представлениями о роли науки в постижении смысла и цели жизни. И. И. Мечников [12] предложил ряд весьма существенных для человека оптимистических взглядов на жизнь, её смысл и завершение, которые многим, как он полагал, не открываются, особенно в молодости

Основатель геронтологии высказал, в частности, оригинальные суждения о том, что при благоприятных естественных и социальных условиях человек может пройти полный цикл процессов жизнедеятельности от 90 до 100 – 120 лет и уйти из жизни с сознанием завершённости дел и инстинктивным желанием умереть. При завершении полного цикла жизни появляется **инстинкт смерти. Он делает уход из жизни** столь же **желанным и естественным**, как потребность во сне и отдыхе. Возможна смерть от внешних причин (болезней, недостаточности жизненных условий) и от дискомфорта – нарушения естественных циклов жизни, особенно в периоды неустойчивости, перемен в общественном строе. Они отравляют жизнь и толкают некоторых людей на самоубийство. Практическая организация гигиенических процедур людей и рационализация общественной жизни позволят продлить индивидуальную жизнь до её естественного угасания.

Выдающийся учёный пришёл к убеждению, что наибольшее счастье состоит в полном прохождении круга нормальной жизни, и эта цель может быть достигнута жизнью

скромной и умеренной. Такая ориентация должна вести к устранению роскоши, укорачивающей жизнь. Оптимистична и мысль о том, что естественная смерть, по всей вероятности, сопровождается в высшей степени приятным ощущением. Эта мысль, полагал учёный, должна иметь благотворное влияние на человечество, преодолевая страх и ужас случайной кончины. Поэтому надо следовать идеалу ортобиоза: создавать условия для прохождения полного жизненного цикла, сопровождаемого появлением удовлетворённости жизнью в зрелые годы и завершаемого инстинктом естественного и, возможно, приятного ухода из жизни.

Если предположение И. И. Мечникова о пробуждении инстинкта смерти при угасании жизни, достигающей предела, подтвердится, то дальнейшие работы по практическому бессмертию будут представлять лишь теоретический интерес и окажутся значимыми для ювенологии и геронтологии. В этом случае бессмертническая парадигма оказывается ненужной, и люди могут направлять усилия интеллекта, колоссальные ресурсы и средства на создание условий для прохождения полного круга жизнедеятельности личности. Более значимой окажется программа обеспечения в ближайшие десятилетия долгой, до 90–120 лет жизни сотен миллионов людей. Такие программы могут разрабатывать и реализовывать отдельные страны и объединения разных государств. При этом, что немаловажно, не потребуется значительных капиталовложений на обеспечение практического бессмертия для миллиардов жителей земли.

С иных позиций надежду на бессмертие, которое не потребует вообще никаких материальных затрат, дают работы Р. Моуди [13], позволяющие заключить, что со смертью людей их души испытывают блаженное ощущение освобождения от тела. Как бы, однако, ни складывались различные возможности и перспективы реального, земного, телесно-духовного бессмертия, есть надежда на преодоление нынешних кризисов в обществе и на космическое бессмертие человечества. Такое оптимистическое предвидение К. Э. Циолковский (1857–1935) противопоставлял идее «тепловой смерти» Солнечной системы, обоснованно полагая, что человечество сумеет накопить и использовать ресурсы для расселения на иные планеты других, молодых Солнечных систем [14].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анохин, П. К. Теория функциональной системы как предпосылка к построению биологической кибернетики // Биологические аспекты кибернетики. – М., 1962; Он же: Биология и нейрофизиология условного рефлекса. – М., 1968; Он же: Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. – М.: Наука, 1971. Он же: Философские аспекты теории функциональной системы. – М., 1978.
2. Бехтерева, Н. П., Бундзен, П. В., Гоголицын, Ю. Л. Мозговые коды психической деятельности. – Л., 1977.
3. Бехтерева, Н. П., Гоголицын, Ю. Л., Кропотов, Ю. Д., Медведев, С. В. Нейрофизиологические механизмы мышления: Отражение мыслительной деятельности в импульсной активности нейронов. – Л., 1985.
4. Walter W.G. The living brain. – London, 1953. (Название работы можно перевести: Живой мозг; или: Живая ЭВМ – В. И.). Выходные данные работы Уолтера приводятся по работе: Бехтерева, Н. П., Гоголицын, Ю. Л., Кропотов, Ю. Д., Медведев, С. В. Нейрофизиологические механизмы мышления: Отражение мыслительной деятельности в импульсной активности нейронов. – Л.: Наука, 1985.
5. Дубровский, Д. И. Информация, сознание, мозг. – М., 1980.
6. Глушков, В. М. Кибернетика и искусственный интеллект (Кибернетика и диалектика. – М., 1978) // Кибернетика, вычислительная техника, информатика. Избранные труды: в 3 т. Т.2 – ЭВМ – техническая база кибернетики. – Киев, 1990.
7. Щепин, Л. А. Моделирование психических нарушений // Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Спец. вып. Проблемы информатики: философия, науковедение, образование. – СПб., 2007
8. Вознякевич, Е. Е. «Этика для искусственного интеллекта» или свобода целеполагания как принцип организации информации // Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Спец. вып. Проблемы информатики: философия, науковедение, образование. – СПб., 2007.
9. Вишев, И. В. Проблема практического бессмертия и реального воскрешения // Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. Т. 4. – М., 2005; Он же: Проблема реального воскрешения человека: мировоззренческий и естественнонаучный аспекты // Вестник Российского философского общества. – М., 2005. – № 2; Он же: Достижение практического бессмертия человека и его реального воскрешения – двуединая задача // Вестник Российского философского общества. – М., 2007. – № 2.
10. Свифт, Дж. Путешествия Гулливера. Ч. 3. – М., 1991.
11. Пушкин, А. С. Не дай мне бог сойти с ума ... Полн. собр. соч.: в 6 т. Т.2. – М., 1949.
12. Мечников, И. И. Этюды о природе человека. – М., 1903.; Он же: Этюды оптимизма. – М., 1988 (1905); То же. 1-е изд. – М., 1907; (Idem. Essais optimistes. P., 1907); Он же: Сорок лет искания рационального мировоззрения. – М., 1913.
13. Мууди, (Муди) Реймонд. Жизнь после жизни. Размышления о жизни после жизни. – М., 1991 (или: То же // СПб., 1992; То же // Киев, 1994; Можно использовать любое из многочисленных переизданий разных лет); Он же: Предисловие // Джеймс, Р. Льюис. Энциклопедия представлений о жизни. – Ростов-на-Дону, 1996; Он же: Снова о жизни после жизни. Дальнейшие размышления о феномене смерти. – М., 1998; Он же при участии Пери, П. Возвращение назад. Снова о жизни до жизни и встречах после смерти. – М., 1997; Он же и Пери, П. (в соавторстве). Всё о встречах после смерти. Как встретиться с умершими близкими. – М., 1998.
14. Циолковский, К. Э. Исследование мировых пространств реактивными приборами: Невозможное сегодня станет возможным завтра // Вечное солнце. Русская социальная утопия и научная фантастика (вторая половина XIX – начала XX века). – М., 1979; Он же: Монизм Вселенной; Космическая философия // Русский космизм. Антология философской мысли. – М., 1993.

УДК 316.485.26 + 323.28 + 956.92 + 956.94 + 956.04

ББК 63.3(5Изр – 6Пал) + 66.041.33

Политическая философия, политология, социология, этика.

ТЕРРОРИЗМ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Доктор философских наук

Б. Н. Кашников

История терроризма на Святой Земле представляет собой классический образчик типичного пути развития террора, который вырастает из вооруженного конфликта переселенцев и аборигенов. В основе терроризма в Палестине лежит идеология Модерна, занесенная еврейскими переселенцами, и их же богатый опыт террора, почерпнутый в России. Но террор является, как правило, обоюдоострым оружием. Арабы быстро усваивают практику террора. Результатом является своеобразный террористический тупик. Каждая сторона отвечает на террор еще большим террором. Появляются новые, все более изощренные формы террористической борьбы. Становится очевидным, что в ситуациях подобного рода, разрешение кризиса возможно лишь в случае обоюдного отказа сторон от терроризма.

Ключевые слова:

Терроризм, террор, Палестина, вооруженный конфликт, политический кризис, евреи, арабы, шестидневная война, «Моссад», «Черный Сентябрь», Ясир Арафат, Ливан, террористы-смертники.

Современный терроризм в Палестине не возник на пустом месте, и не является продуктом злой воли арабов или евреев. Он постепенно разрастался в рамках типичного конфликта аборигенов – переселенцев и постоянно менял свои формы. Первые еврейские переселенцы начали прибывать на свою историческую прародину около 1880 года. Это движение и соответствующая ей идеология получили название «Сионизм»¹. Сионизм был одной из идеологий модерна и подобно всем идеологиям модерна (либерализм, консерватизм, коммунизм и т. д.) нес в себе заметные родимые черты Великой французской революции, в том числе, терроризм². Но сущность сионизма не сводится лишь к светской идеологии. Она восходит также к иудейской эсхатологии. Истоки еврейского терроризма можно проследить вплоть до террориз-

ма зелотов. В конце концов, сам Бог, обещал подвергнуть жесточайшему террору всех противников избранного народа³. Но самое главное, вряд ли можно было найти иное средство, кроме террора, которое позволило бы быстро освободить для новых поселенцев огромные пространства плотно заселенной арабами земель Палестины. Брегман совершенно откровенно заявляет: «Хотя, еврейское руководство и не принимало откровенного решения по изгнанию палестинцев, тем не менее, существовало молчаливое согласие на этот счет»⁴.

Но в течении первого и второго «алия» или волны иммиграции в Палестину (1880-1913), терроризм еще не мог быть поставлен евреями на повестку дня по двум причинам. Во-первых, евреи составляли меньшинство населения (около 55 тысяч). Попробуй они прибегнуть к насилию тогда,

они были бы немедленно сметены арабским большинством. Во-вторых, Оттоманская империя, которой принадлежала тогда Палестина, была государством автократическим и жестоким. Турки не замедлили бы прибегнуть к своему излюбленному средству решения всех политических проблем – геноциду, дай им только малейший повод. Но ситуация существенно изменилась после падения турецкой державы и перехода Палестины под протекторат Великобритании. Британское правление оказалось на редкость благоприятным для еврейской иммиграции⁵. В период между двумя мировыми войнами еврейское население увеличилось почти на полмиллиона. К 1947 году в Палестине проживало уже 608,230 евреев и 1,364,330 арабов.

Британское господство оказалось благоприятным и для расцвета еврейского терроризма. Первые тайные террористические группы возникли около 1930 года. Одна из них называлась «Иргун Цвай Леуми», или просто «Иргун» и возглавлял ее ни кто иной, как Менахим Бегин, будущий премьер министр Израиля. Другая организация – «Лохамаи Херут Израэл», или просто «Лехи», или «Стерн Гэнг». Эти две организации представляли собой классические европейские террористические организации, успешно пересекавшие на почву Ближнего Востока. Надо заметить, что большинство участников этих организации были выходцами из России, а их тактика и организационная структура были целиком и полностью заимствованы у русских террористических организаций (которые, к слову сказать, также в своем большинстве состояли из этнических евреев). Как иргунисты, так и стернисты использовали тактику индивидуального террора против представителей Британской администрации en masse. Террор был также обращен и против арабского населения. Один из наиболее известных актов еврейского терроризма имел место 22 июля 1946 года, когда взлетело на воздух южное крыло отеля «Царь Давид» в Иерусалиме, который использовался в качестве штаб-квартиры Британской администрацией. При этом 91 человек погиб и 45 было ранено.

В конце концов, британцы были вынуждены уступить двойному нажиму: со стороны еврейских террористов в Палестине и со стороны международных организаций. 29 ноября 1947 года Генеральная Ассам-

блея ООН приняла решение о разделении Палестины на Еврейскую и Арабскую части с образованием национальных государств в каждой из них. Вполне естественно, что арабы, с мнением которых никто не считался, не могли принять этот план. Они наивно полагали, что имеют исторические права на все земли своих предков. Еврейскую колонизацию они понимали не иначе, как новый крестовый поход.

Гражданская война разразилась практически мгновенно и почти столь же мгновенно она переросла в войну новоиспеченного (но хорошо вооруженного) еврейского государства против всех соседних арабских государств, которые практически не имели ни вооружения, ни опыта боевых действий. Генеральный штаб израильской армии принял тогда известный план под названием «Далет», в соответствии с которым арабское население изгонялось со своих земель⁶. Арабы ответили насилием на насилие. Так, 31 декабря 1947 года, в ответ на убийство шести своих братьев последователями организации «Иргун», арабы напали на нефтеперерабатывающий завод в Хайфе, убив при этом тридцать девять евреев. Евреи выиграли свою первую войну и не только утвердили за собой выделенные им земли, но значительно расширили свои владения за счет земель палестинцев. Остатки палестинских земель перешли под власть Египта (сектор Газа) и Иордании (Западный берег реки Иордан).

Война повлекла за собой создание лагерей палестинских беженцев в секторе Газа, на Западном берегу реки Иордан и во всех соседних арабских государствах. Непосредственным результатом войны следует также считать чувство унижения и мести, которые сплотили многих изгнанных арабов. Эти чувства привели к созданию многочисленных групп федаинов, которые начали совершать бесконтрольные набеги на территорию еврейского государства.

Этот ранний арабский терроризм имел совершенно иную природу по сравнению с рациональным терроризмом еврейских переселенцев. Арабский терроризм был терроризмом эмоциональным и вытекал непосредственно из чувств страха, унижения, мести и отчаяния. Но мало помалу федаины приобретали организацию и вырабатывали идеологию. Постепенно возникло что-то вроде порочного круга террора. Арабы

безуспешно пытались применить террористическую практику еврейских переселенцев. Они хотели запугать еврейских переселенцев и вынудить их покинуть Палестину или, по крайней мере, вынудить Израиль вернуться к международно-признанным границам. Средства террора, которые были применены для этого, включали в себя артиллерийский обстрел израильской территории и партизанскую борьбу. В промежутке между войнами 1848 и 1967 годов, подобные действия арабов повлекли за собой гибель около 1300 представителей еврейского населения.

Израиль не замедлил с ответом. В начале 1953 года, Ариэль Шарон сформировал специальный отряд 101. Бойцы этого отряда не носили опознавательных знаков и были вооружены иначе, чем остальная израильская армия. Цель их действий заключалась в создании ситуации безнаказанности, так, что предпринимаемые отрядом террористические действия могли быть выданы за «акты мести гражданского населения». Первая крупная операция отряда имела место 14 октября 1953 года и заключалась в тотальном уничтожении целой иорданской деревни в районе Кабии. Шестьдесят шесть человек были убиты, главным образом женщины и дети. Семьдесят пять были ранены⁷. Но порочный круг террора так и не удалось разомкнуть. Бергман отмечает: «Израильская доктрина ответных действий не способствовала ни предотвращению вторжений, ни установлению общественной безопасности. В действительности, она привела к прямо противоположному результату, поскольку массированные и непропорциональные ответы израильского руководства на малейшие провокации со стороны арабов, создавали впечатление большой и непрекращающейся войны между израильскими войсками и феодалами»⁸.

В июне 1967 года Израиль предпринял превентивный удар против Египта, Иордании и Сирии, а также против организаций феодалов, поддерживаемых этими странами⁹. В этой войне Израиль завоевал Синай, Западный берег и Голанские высоты. По окончании этой Шестидневной войны, Израиль подчинил себе территорию в три раза превосходящую, ту, что первоначально была в его распоряжении. Три четверти миллиона враждебных палестинцев оказались теперь в управлении Израиля. Война 1967 года и последующие войны вплоть до

1972 года радикально изменили ситуацию с террором на Святой Земле. Начиная с этого времени разношерстные палестинские организации сопротивления сплотились в несколько основных групп, среди которых основную роль играла Организация освобождения Палестины.

ООП была создана в мае 1964 года лидером организации аль-Фата, Ясиром Арафатом¹⁰. Именно Фата и стала ядром вооруженного сопротивления. После 1967 года ООП выбрала для себя террористическую тактику нападения на израильские объекты за пределами Ближнего Востока с целью привлечь внимание мировой общественности. Другой целью была провокация Израиля на ответные действия, что могло бы способствовать развязыванию новой большой войны с участием арабских государств и конечному освобождению Палестины. Феодалы Арафата прибегли к стратегии широкого международного террора, включая похищения или взрывы авиалайнеров. Наиболее воинственной из арабских террористических организаций того времени был «Черный сентябрь». Он заявил о себе 28 ноября 1971 года, когда иорданский премьер-министр Ваффи Телль был убит в Каире. В мае 1972 года «Черный сентябрь» совершил нападение на авиалайнер компании Сабена. 5 сентября 1972 года группа из восьми террористов Черного сентября напала на израильский олимпийский отряд в Мюнхене. 1 марта 1973 года семь террористов Черного сентября захватили Саудовское посольство в Хартуме. На Кипре «Черный сентябрь» организовал убийство израильского бизнесмена, совершил покушение на израильского посла и предпринял атаку на авиалайнер компании Акроя. Целый поток бомб, содержащихся в письмах, был направлен по израильским и американским адресам. С октября 1972 по октябрь 1973 «Моссад»¹¹ и «Черный сентябрь» терроризировали друг друга по всей Европе. Одновременно Израиль предпринял репрессии по отношению партизан на оккупированных землях¹². В результате успеха Массад и неудач в партизанской войне на оккупированных территориях Арафат решил распустить Черный сентябрь и прибегнуть к тактике вторжений со стороны Южного Ливана. В 1982 году, после одной из таких вторжений Израиль ответил в своей обычной манере – массированным вторжением на территорию иностранно-

го государства, которое служило базой для террористов. В течение двух месяцев израильская армия громила базы ООП в Южном Ливане. Эта операция в значительной степени подорвала возможности ООП.

Но именно в этой войне имел место и весьма показательный случай государственного терроризма со стороны Израиля. В сентябре 1982 года фалангисты Южного Ливана, которые сотрудничали с Израилем, хладнокровно расправились с населением двух лагерей беженцев: Сабра и Шатила. По разным оценкам тогда было убито от одной до двух тысяч человек. В этой войне и в значительной степени в ответ на это убийство, родился так называемый жертвенный терроризм. Первая из подобных атак была предпринята против израильских военных казарм 11 ноября 1982 года. Тогда погибли 47 солдат и 27 пропали без вести. 23 октября 1983 года грузовик с взрывчаткой въехал на территорию американских и французских войск, которые были направлены для медиации конфликта. Тогда погибло более 300 человек. Мученики принадлежали к различным религиозным (Хезболла, Исламский Джихад, Хамас) и светским партиям, включая коммунистическую партию Ливана.

В 1985 году на оккупированных землях Западного берега и сектора Газа начала разворачиваться первая Интифада. Интифаду никто не планировал. Она разразилась внезапно и была выражением унижения и отчаяния арабского населения. Ее целью было восстановление утраченной национальной гордости и идентичности палестинской молодежи. Но интифада имела и свой террористический компонент. Целый ряд террористических организаций быстро приспособил свою тактику к возможностям интифады. Было учтено и решительное осуждение со стороны мирового общественного мнения практики международного терроризма. В результате расцвел терроризм внутренний, направленный главным образом против еврейского населения.

Террористы этой новой волны решительно отвергали обвинения в том, что они ведут несправедливую и неизбирательную войну. Они указывали на то обстоятельство, что согласно израильским законам каждый гражданин является солдатом и потому на гражданское население Израиля не может распространяться правило гражданского иммунитета¹³.

Интифада и в особенности ее мученический терроризм не только шокировала, но и расколола израильское общество. Но и Палестинское руководство постепенно пришло к выводу о нереальности своих планов по уничтожению Израиля. В 1988 году лидер ООП Ясир Арафат вынужден был официально отказаться от практики терроризма, и заявил о своем признании Израиля.

В 1993 году Израиль начал переговоры с Палестинским руководством о статусе оккупированных территорий сектора Газа и Западного берега. Это немедленно подвигло еврейских радикалов на решительные действия и привело к актам террора уже с израильской стороны. Так, 25 февраля 1994 года, израильский экстремист Барух Голдштейн открыл огонь по исламским паломникам и убил 29 из них, прежде чем выстрелил в себя¹⁴. Его задача заключалась в провокации ответного террора, который не замедлил последовать. 6 апреля радикальная исламская группировка Хамас взорвала автобус в южном Израиле и обстреляла группу израильских солдат на автобусной остановке. 13 апреля Хамас взорвал еще один автобус в Хабере. В ходе этих трех атак были убиты 14 и ранены 80 человек.

Тем не менее, в мае 1994 года израильско-палестинские переговоры привели к подписанию нового соглашения, которое предполагало создание палестинской автономии и вывод израильской армии из сектора Газа и Западного берега. Но и провозглашенная автономия не могла удержать арабских радикалов. В январе 1995 года террорист-смертник убил 21 израильтянина. Становилось ясным, что Арафат просто не в состоянии контролировать ситуацию и удерживать арабских экстремистов объединенных вокруг Исламского Джихада и Хамас. Сама природа исламского терроризма начала медленно меняться после 1993 года.

Вторая интифада началась в октябре 2000 года. Она привела к очередному изменению практикуемых форм террористической борьбы со стороны наиболее радикальных кругов. Освобождение Палестины уже более не рассматривается в качестве главной задачи. Цели радикалов стали куда более амбициозными. Речь идет теперь о создании всемирной исламской Уммы, что касается уничтожения Израиля, то это лишь одна из задач второго звена.

Террористические атаки вновь направляются из Южного Ливана и дополняются атаками террористов-смертников из самой Палестины. Но характер и смысл этих атак существенно изменился по сравнению с первой интифадой. Экономический упадок и тотальная коррупция палестинской администрации привели к рождению палестинского общества, которое Хосрохавар весьма точно назвал, «шизоидным обществом». Вторая интифада все в большей степени ознаменовывалась пессимистическим мировосприятием, как следствием уверенности, что нация не может быть создана. В этих условиях мученическая смерть, которая одновременно гарантировала место в Раю и уничтожала часть израильского общества,

давала искомое решение. Именно это политическое движение привело к появлению новой формы радикального мученичества в среде палестинской молодежи (шебаб), как впрочем, и в других секторах населения, которое не было еще охвачено ранее»¹⁵.

Радикализация и отчаяние представляют собой теперь два взаимодополняющих фактора, которые толкают палестинскую молодежь на путь терроризма и смерти. В период между 1993 и 2000 годом палестинцы осуществили 42 акта жертвенного терроризма. Между тем как между январем 2001 и 5 апреля 2002 года этих актов было совершено уже 64. Как видим, терроризм на Святой Земле меняет форму, но не похоже, чтобы он сходил со сцены.

ССЫЛКИ И ЗАМЕЧАНИЯ

1. 10 ноября 1975 Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла резолюцию определяющую сионизм как «форму расизма и расовой дискриминации».

2. По мнению Робеспьера «Террор является следствием общего принципа Демократии, применяемого к наиболее насущным потребностям Родины».

3. «Я найду ужас на всех, кто перед тобой окажется, и в смятение приведу всякий народ, к которому ты отправишься; и поверну к тебе всех врагов твоих спиной». (Исход 23:27).

4. Ahron Bregman, *Israel's Wars, 1947-1993* (Florence, KY: Routledge, 2000) 13.

5. 2 ноября 1917 года в письме лорду Ротшильду лорд Баллфор уведомлял сионистов, что предложение о создании независимого израильского государства в Палестине является приемлемым. Это обещание «национального дома» для евреев в Палестине превратилось в международное обязательство, когда Лига Наций 24 июля 1922 года ассигновала палестинский мандат для Британии.

6. Bregman, *op. cit.*, 11

7. Mitchell, Thomas G. *Native vs. Settler : Ethnic Conflict in Israel/Palestine, Northern Ireland & South Africa*. (Westport, CT, USA: Greenwood Publishing Group, Incorporated, 2000) 131.

8. Bregman, *op. cit.*, 33.

9. Справедливости ради стоит отметить, что война была вынужденной для Израиля. В отличие от Египта и других арабских государств, Израиль должен был объявить полную мобилизацию всех резервистов перед лицом неизбежного удара и не мог позволить себе бесконечно откладывать начало операции, не теряя при этом шансы на успех.

10. В ноябре 1974 года, в своем послании Генеральной Ассамблее ООН, Арафат прояснил свое понимание терроризма: «Единственное описание подобных актов это то, что они могут быть названы актами варварства... Тем не менее, сионистские расисты и колониалисты имеют наглость называть нашу справедливую борьбу террором. Может ли быть более откровенное искажение истины чем это?»

11. Секретная служба Израиля.

12. Mitchell, *op. cit.*, 52-53.

13. Даже переходя на гражданскую службу, израильтянин, как отмечает начальник штаба Ядин, остается «солдатом в одиннадцатимесячном отпуске». Другими словами, армия Израиля – это народ Израиля в форме, а народ Израиля – это армия Израиля без формы.

14. Bard, Mitchell Geoffrey. *Complete Idiot's Guide to the Middle East Conflict*. (Indianapolis, IN, USA: Alpha Books, 1999) 379.

15. Farhad Khosrokhavar. *Suicide Bombers. Allah's New Martyrs* (London. Ann Arbor, MI: Pluto Press, 2005) 112

УДК 947.084
ББК 63.3(2)614 – 210.6
Отечественная история, аграрная история

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА: ПЛАНЫ И РЕАЛИИ 1929–1930 ГОДОВ

Доктор исторических наук Е. А. Кирьянова

В статье рассматриваются вопросы осуществления аграрных преобразований в Центральном регионе России в начальный период коллективизации – 1929-1930 годы. Анализируются методы и пути осуществления деревенской политики партийными, государственными и советскими структурами. Выделена специфика этого процесса в Московской области, охарактеризована динамика социальных перемен.

Ключевые слова: Сельское хозяйство, деревня, крестьянство, коллективизация, кооперация, сельскохозяйственная артель, налоговая политика, «год великого перелома».

Во второй половине 1920-х годов важнейшей задачей экономического развития СССР стало превращение страны из аграрной в индустриальную, обеспечение ее экономической независимости и укрепление обороноспособности. Неотложной потребностью была модернизация экономики, а главным ее направлением стало преобразование аграрного сектора. Считается, что состоявшийся в декабре 1927 года XV съезд ВКП(б) провозгласил «курс на коллективизацию». Однако такая трактовка его решений соответствует скорее последующей практике, а не их подлинному содержанию. В действительности же на съезде речь шла о развитии всех форм кооперации, о том, что перспективная задача постепенного перехода к коллективной обработке земли будет осуществляться «на основе новой техники (электрификации и т. д.)», а не наоборот: к механизации на основе коллективизации. Ни сроков, ни тем более единственных форм и способов кооперирования крестьянских хозяйств съезд не устанавливал.

Точно так же решение съезда о переходе к политике наступления на кулачество имело в виду последовательное ограничение эксплуататорских возможностей и устремлений кулацких хозяйств, их активное вытеснение экономическими методами, а не методами разорения или принудительной ликвидации. Задачи наступления на капиталистические элементы и в городе и в деревне формулировались с большой осторожностью. В целом XV партсъезд никак не может быть назван «съездом коллективизации сельского хозяйства».

В 1920-х годах был действительно заметным подъем крестьянского хозяйства, свидетельствуя о благотворных результатах национализации земли, освобождения крестьян от помещичьего гнета и эксплуатации со стороны крупного капитала, а также об эффективности новой экономической политики. За три-четыре года крестьяне восстанавливали сельское хозяйство после сильнейшей разрухи. Однако в 1925-1929 годах производство зерна колебалось на уровне чуть

выше довоенного. Рост производства технических культур продолжался, но был умеренным и неустойчивым. Хорошими темпами увеличивалось поголовье скота – с 1925 по 1928 год примерно на 5 % в год. Словом, мелкое крестьянское хозяйство отнюдь не исчерпало возможностей для развития. Но, конечно, они были ограниченными с точки зрения потребностей страны, вступившей на путь индустриализации. Кризисы хлебозаготовок в конце 1927 и в конце 1928 годов возникли как результат рыночных колебаний, а не как отражение кризиса сельскохозяйственного производства, а тем более социального кризиса в деревне. Конечно, сокращение государственных заготовок хлеба создавало угрозу планам промышленного строительства, осложняло экономическое положение, обостряло социальные конфликты и в городе, и в деревне. Обстановка в 1927-1928 годах серьезно осложнилась и требовала взвешенного подхода. Но этого как раз и не произошло. Перевод сельского хозяйства на путь крупного обобществленного производства стал рассматриваться как средство решения хлебной проблемы в самые короткие сроки и одновременно ликвидации кулачества как главного врага Советской власти.

Выбор пути совершился в конце 1929 года и нашел свое выражение, прежде всего в осуждении группы Бухарина как якобы правооппортунистической и в отстранении ее от участия в политическом руководстве. В то же самое время был фактически отброшен и первый пятилетний план: продуманные и взаимосвязанные задания стали произвольно пересматриваться в сторону увеличения без учета реальных условий и возможностей. Начиналась безумная и бездумная гонка «за темпом».

Начавшееся весной 1928 года форсирование организации колхозов с течением времени становилось все более откровенным и сильным. Летом 1929 года был провозглашен лозунг «сплошной коллективизации» крестьянских хозяйств целых округов (первым среди них стал Хоперский округ Нижневолжского края). Осуществленная в последующие годы аграрная модернизация коренным образом изменила облик советской (российской) деревни: в короткий срок произошел переход от единоличного крестьянского хозяйства в коллективное. Объектом данного исследования является рас-

смотрение процесса этого перехода в самом «сердце» страны – в Московском регионе, включавшем на рубеже 1920-1930-х годов территорию современных Московской, Калужской, Рязанской, Тульской и Тверской областей.

Коллективные хозяйства существовали в изучаемом регионе с первых послереволюционных лет¹. В большинстве своем это были середнячко-бедняцкие микроскопические хозяйства. Так, в Рязанской губернии из общего числа крестьян, входивших в колхозы, бедняков было 12 %, середняков – 86 %, зажиточных крестьян – 12 %², а в среднем на один колхоз приходилось 10 едоков. В Калужской губернии на одно коллективное хозяйство приходилось 6 семей (июнь 1928 года), а в целом они обрабатывали 0,23 % земельных угодий губернии³. В целом к середине 1928 года на территории пяти изучаемых губерний было (по неполным данным) чуть более 730 коллективных хозяйств⁴.

Весной 1928 года Наркомзем РСФСР и Колхозцентр РСФСР составили проект пятилетнего плана коллективизации крестьянских хозяйств, согласно которому к концу пятилетки, т.е. к 1933 году, предполагалось вовлечь в колхозы 1,1 млн. хозяйств (4%). Летом 1928 года Союз союзов сельскохозяйственной кооперации эту цифру увеличил до 3 млн. хозяйств (12%). А в утвержденном весной 1929 года пятилетнем плане предусматривалась коллективизация уже 4 – 4,5 млн. хозяйств, т.е. 16 – 18% общего числа крестьянских хозяйств⁵.

Факт того, что в течение года проект плана коллективизации менялся несколько раз и его окончательный вариант в четыре раза превысил первоначальный, Н. А. Ивницкий объясняет тем, что, во-первых, темпы коллективизации на практике оказались более быстрыми, чем вначале предполагалось: к июню 1929 года в колхозах было уже более миллиона крестьянских хозяйств или примерно столько, сколько первоначально планировалось на конец пятилетки. Во-вторых, – и это главное – Сталин надеялся ускоренным строительством колхозов и совхозов быстрее решить зерновую проблему, которая особенно обострилась в 1928-1929 годах⁶.

Что же касается губернского уровня, как свидетельствуют архивные документы, конкретных планов коллективизации не было разработано вплоть до 1929 года. На со-

брании актива Московской партийной организации (лето 1928 года) звучали мысли о том, что «Московская губерния должна превратиться в Советскую Данию, производить много овощей, корнеплодов, молока, а на деле мы не покрываем пока что даже ее собственные потребности»⁷. Из выступлений местных партийных работников видно, что они так и не смогли определиться, что же для них важнее: «поддерживать индивидуальное крестьянское хозяйство» или «развивать колхозное и совхозное строительство». Итогом обсуждения данной проблемы стал вывод о том, что необходимо сочетать обе эти линии, хотя партработники отмечали, что «индивидуальное крестьянское хозяйство в значительно большей мере может развиваться без нашей помощи»⁸. Таким образом, приоритеты партийно-советского руководства были достаточно очевидны.

Вплоть до начала 1929 года в изучаемых губерниях не только не приступали вплотную к проблеме осуществления коллективизации, но и не разрабатывали конкретных планов. В то же время шла активная подготовка общественного мнения – через Советы и конференции бедноты, печать. Выясняя реальную картину жизни и быта уже действующих колхозов, партийно-советские работники приходили к выводу о необходимости кропотливой подготовки крестьян к обобществлению их хозяйств, а также потребности вкладывать значительные материальные ресурсы в развитие крупного коллективного хозяйства.

В июне 1929 года секретарь Московского областного комитета партии К. Я. Бауман призвал коллективизировать 25 % крестьянских хозяйств области в течение 5 лет. К тому моменту Московская область занимала 21 место в стране по темпам коллективизации – 1,8 % крестьянских дворов были объединены в колхозы⁹. В то же время, можно утверждать, что четкого плана осуществления коллективизации и к лету 1929 года выработано не было. Несмотря на заявление Баумана о 25 % коллективизированных хозяйств, в пятилетнем плане развития народного хозяйства Московской области, разработанном в августе 1929 года, намечалось к концу первой пятилетки охватить коллективизацией «не менее 20 % всех крестьянских хозяйств»¹⁰.

С лета 1929 года, несмотря на отсутствие четких планов коллективизации, работа в

этом направлении стала ускоряться. Еще в мае 1929 года был запланирован перевод целых деревень в колхозы. Например, в Калужском, Мало-Ярославском и Сухиническом уездах бывшей Калужской губернии было запланировано провести сплошную коллективизацию в 3 деревнях каждого уезда, в Мятлевском уезде – в 2 деревнях¹¹. Именно в этих районах предполагалось усиленное кредитование и машиноснабжение, а также обеспечение их организационной и агрономической помощью. В начале лета 1929 года XIII Губернский съезд Советов Тульской губернии принял решение о сплошной коллективизации Воловского района¹².

Руководители Тверского округа на собрании городских коммунистов, работающих в деревенских органах, настаивали на том, что «не может быть никаких разговоров, чтобы сколько-нибудь отстать от среднего темпа по СССР. Мы должны превысить эти темпы». Они считали, что нельзя ссылаться на отличие условий Тверского округа от Украины или Северного Кавказа: «Это дезорганизация паникеров, мы должны бороться с этим злом и с теми, которые пытаются доказать, что у нас и леса имеются, и болота имеются, и каналы и т. д... Мы должны бороться с этим, а также и с тем, что у нас не хватит тракторов, не хватит машин»¹³.

Накануне сплошной коллективизации экономические меры воздействия на крестьянство и, прежде всего на его зажиточную часть (рост налогообложения) стали дополняться политическими (лишение избирательных прав), а затем и административно-репрессивными. Все эти меры были направлены на то, чтобы подтолкнуть крестьянство на «столбовую дорожку» коллективизации. Деятельность партийных, советских и хозяйственных организаций и учреждений деревни, политическая работа среди крестьянства все в большей мере подчинялись задаче создания колхозов. Изо дня в день усиливалась пропаганда в печати. Возрастала, хотя и в недостаточной мере, материально-техническая и организационная помощь колхозам.

Руководство Московской области считало существующий уровень коллективизации явно недостаточным, не соответствующим статусу столичного региона. Поэтому осенью 1929 года в округах были разработаны перспективные планы коллективизации,

превышающие летние установки этого же года¹⁴. Пройдет немного времени, и после ноябрьского (1929 года) пленума ЦК ВКП(б) эти цифры будут серьезно изменены в сторону увеличения.

В условиях нарастания темпов и масштабов коллективизации для партийных, советских и хозяйственных руководителей были совершенно очевидны недостатки этих процессов в деревне. Так, Тверское окружное совещание заведующих райЗУ отмечало преобладание мелких колхозов, отсутствие на местах единого плана коллективизации и систематичности, кампанейские методы работы, недостаточный завоз в колхозы тракторов и сложных машин, недостаточное кредитование и т. д.¹⁵ Подобные же проблемы имели место и в других округах Московской области¹⁶.

В целом на конец 1929 года в Московской области было 1709 колхозов, в них было объединено более 26 тыс. хозяйств, 132 тыс. человек, более 57 тыс. гектаров посевных площадей. В среднем на один колхоз приходилось чуть более 15 хозяйств, 77 человек и 33 гектара посева¹⁷. Среди членов колхозов Московской области 59,4% не имели рабочего скота в индивидуальном владении; около 40% – не имели коров. По уставным формам колхозы Московской области распределялись следующим образом: коммун – 107 (6,3 %), артелей – 699 (40,9 %), товариществ по совместной обработке земли – 903 (52,8 %). Таким образом, можно констатировать, что колхозы Московской области к концу 1929 года были мелкими, экономически слабыми, среди них преобладали товарищества по совместной обработке земли.

Подводя итоги 1928/29 хозяйственного года, в октябре 1929 года московское областное руководство вынуждено было констатировать, что прирост коллективизации явно незначительный – с июня по октябрь прирост составил всего 0,2 %. На 1 октября 1929 года в Московской области было коллективизировано 2 % крестьянских хозяйств¹⁸. И даже в осеннюю посевную кампанию 1929 года, несмотря на пристальное внимание к этой проблеме, достичь поставленных целей не удалось.

7 ноября 1929 года в газете «Правда» была опубликована статья И. В. Сталина «Год великого перелома». Руководитель партии и государства высказывал мнение о том,

что в 1929 году произошел «коренной перелом в развитии нашего земледелия и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию...»¹⁹ В ситуации, когда в целом по стране удельный вес коллективизированных хозяйств составлял 7,6%²⁰, И.В. Сталин убежденно провозгласил: «Крестьяне пошли в колхозы, пошли целыми деревнями, волостями, районами». Именно колхозы были объявлены «столбовой дорогой» социалистического развития деревни. Основой коренного перелома, по мнению Сталина, являлось то, что «в колхозы пошел середняк»²¹.

В целом статья ориентировала на всемерное ускорение темпов коллективизации и оказала непосредственное влияние на ход и решения ноябрьского пленума ЦК ВКП(б). В основном докладе, с которым на пленуме выступил Г.Н. Каминский, Московская область была названа среди тех областей, где слабее всего развито колхозное движение. Характеризуя перспективы процесса коллективизации в целом, Каминский заявлял: «Движение получает такой разгон, влияние колхозов при такой насыщенности ими целых районов и даже округов на индивидуальные хозяйства так возрастает, что переход на коллективные рельсы остальной массы крестьян явится вопросом месяцев, а не лет»²².

В целом сталинская характеристика «Великого перелома» не была подведением итогов года минувшего – 1928/29, а отражала основное содержание года наступающего – 1929/30.

После ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) фактически был взят курс на сплошную коллективизацию. Директивными органами были утверждены следующие районы сплошной коллективизации в Московской области:

- Московский округ – Шаховской, Звенигородский, Кунцевский районы;
- Рязанский округ – Рязжский и Александрово-Невский районы;
- Орехово-Зуевский округ – Куровской район;
- Тульский округ – Воловский район;
- Серпуховской округ – Каширский район;
- Тверской округ – Лихославльский район²³.

Всего, таким образом, были определе-

ны девять районов Московской области, в которых предполагалось коллективизировать 100 % бедняцко-середняцких хозяйств. В соответствии с разработанными в декабре 1929 года планами в целом по области предполагалось к концу 1930 года коллективизировать 50 % крестьянских хозяйств, а по посевной площади – 42,6 %²⁴. С точки зрения областного партийного руководства, «такой размах коллективизации должен обеспечить в ближайшие два года коллективизацию вчерне всего сельского хозяйства Московской области»²⁵. (Выделено мною – Е. К.). В районах сплошной коллективизации организовывались районные объединения колхозов (райколхозсоюзы). Областной и окружные колхозсоюзы должны были непосредственно руководить самими колхозами, утверждать планы, финансировать и снабжать колхозы.

Основные направления политики преобразования деревни были обозначены в постановлении ЦК «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 года. Содержание этого постановления хорошо известно. Много раз перерабатывавшийся и утративший какую-либо конкретику Примерный устав сельскохозяйственной артели был опубликован 6 февраля 1930 года, но он не решал многие коренные вопросы колхозного строительства. Не прошло и месяца, как возникла необходимость пересмотреть этот Устав.

К концу января 1930 года уровень коллективизации сельского хозяйства Московской области составлял 14,1 %. В то же время к 20 февраля этот показатель достиг 73,6 %. Рост, таким образом, составлял более чем в 5 раз за 20 дней. Среди этого количества учтенных хозяйств были и фиктивные, «бумажные» колхозы (например, в Лихославльском районе Тверского округа было до 80 % «бумажных колхозов»²⁶), и хозяйства, созданные в результате административного нажима.

Областные органы и организации зачастую не могли предложить округам конкретной помощи. Рязанский окружной отдел ОГПУ в спецсводке о ходе сплошной коллективизации в округе отмечал, что «в ОкрЗУ и Окрколхозсоюзе царит полная неразбериха, последний даже не знает точно, какие функции он должен нести (Москва в этот вопрос ясности не внесла)»²⁷. Област-

ные инстанции присылали противоречивые и неясные директивы. Даже в таком достаточно мелком вопросе, как определение потребностей в формалине, цифра менялась 7 (!) раз. В ответ на обращение работников Рязанского окружного земотдела в Московский областной земельный отдел по вопросам, связанным с колхозным строительством (о технике землеустройства, о территориальности колхоза и т. д.), в Москве «никаких указаний по этим вопросам дано не было, говорили: «Работайте так, как считаете лучше»²⁸.

С мест поступали сообщения о том, что «сплошная коллективизация как окружные организации, так и районные, застала врасплох»²⁹. Бежецкий окружком ВКП(б) сообщал, что «движение по пути коллективизации большое, мы не успеваем охватить в обслуживании этого движения техническими силами, которых в округе очень мало»³⁰.

В Тверском округе в разработанных в начале ноября 1929 года планах весенней посевной кампании предполагалось к началу весеннего сева коллективизировать 8 % крестьянских хозяйств. Затем план повысили – до 12 %. Но уже к 15 ноября уровень коллективизации Тверского округа составлял 4,4 %, а к 15 декабря – 9 %³¹. Фактически зимой в округе был организован «массовый поход в деревню за коллективизацию», который не прошел бесследно – к 1 февраля 1930 года в колхозах было уже 46,7 % хозяйств округа, а к 10 февраля – 68,5 %³². Уже к 1 февраля большинство районов объявляет себя вполне способными закончить сплошную коллективизацию к 1 мая 1930 года. 7 февраля 1930 года такое решение принимает Тверской окружком ВКП(б). Но уже тогда земельные органы констатировали, что «все другие мероприятия, как то: организация бедноты и батрачества, составление производственных планов, организация труда и зарплаты и т. д.» значительно отставали³³. В погоне за процентом коллективизации на это просто не хватало сил, времени, средств, а зачастую и знаний.

В Тульском округе к 9 февраля были полностью (на 100 %) коллективизированы 3 района – Воловской, Оболенский, Чернавский. Близки к ним были по показателям Тепло-Огаревский (91 %), Дубенский (83 %), Веневский (84 %). За период с 20 января по 1 февраля число колхозов в Тульском округе возросло с 690 до 1187³⁴.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы убедительно показывают, что областное руководство с самого начала имело четкое представление о положении в имеющихся и вновь создаваемых колхозах. В январе 1930 года в решении коллегии Московской областной рабоче-крестьянской инспекции было записано: «Успешное развитие коллективизации упирается в отсутствие четкого и своевременного руководства колхозным строительством на местах; организация труда в колхозах является проблемой, подлежащей неотложному изучению. Страховые и обменные семенные фонды на местах почти не созданы... Ремонт сельскохозяйственных машин и тракторов не налажен... Финансирование весенней посевной кампании и мобилизация собственных крестьянских накоплений не упорядочены и недостаточны... На местах ощущается острый недостаток не только в высококвалифицированных специалистах, но и таких технических работниках, как счетоводы, секретари, статистики, делопроизводители и т. д. Аппарат областной и окружных земорганов мало приспособлен к четкой работе по принципу личной ответственности каждого руководителя и исполнителя за порученную ему работу...»³⁵ Таким образом, проблемы колхозного строительства были достаточно очевидны, но руководство Московской области не пошло по пути решения имеющихся проблем, был избран путь форсирования темпов колхозного строительства.

В сложном положении оказались отправленные в деревню двадцатипяти тысячники. Районные руководители прямо указывали, что «добрую половину этих работников нельзя использовать на руководящей работе, потому что они не опытные и не могут ориентироваться в деревне и в колхозах при всей этой сложной обстановке. На вопросы, которые сыплются со стороны крестьян о том, что им надо делать, эти работники при всем желании не могут ответить»³⁶. Об этом же думали и сами городские работники, оказавшиеся в деревне в разгар коллективизации. Из Малоярославецкого района двадцатипяти тысячник Чернов писал в марте 1930 года: «Вам покажется, что я пал духом, но нам, как добровольцам колхозного строительства, меньше всего приходится думать о себе, раз мы приехали строить благополучие будущего»³⁷.

18 февраля 1930 года Московский комитет партии принимает решение о том, что «в процессе весенней посевной кампании сплошная коллективизация (области) будет закончена»³⁸. Это послужило сигналом к еще большему подхлестыванию темпов коллективизации. Серпуховской округ выносит решение закончить коллективизацию к 1 марта; Рязанский округ – к 15 марта; целый ряд других округов решают завершить коллективизацию в пределах 1-15 марта 1930 года. В Тверском округе была мобилизована комсомольская организация для завершения коллективизации в течение 48 часов³⁹. Нажим сверху, угроза попасть в число «правых уклонистов» из-за недостаточно решительных действий, вся обстановка того времени толкали местных работников на усиление административных мер.

Трагично складывалась ситуация в Бежецком округе. В первых числах февраля газета «Рабочая Москва» занесла Бежецкий округ на черную доску, так как там был низкий уровень коллективизации. Вскоре после появления заметки в печати в Бежецке было созвано специальное совещание, посвященное вопросу посевной кампании и коллективизации. Районы получили директиву, смысл которой сводился к тому, что «лицом в грязь не падать» и «нажать». В итоге, «что ни день процент коллективизированных хозяйств скакал вверх», причем в некоторые дни было повышение до 10%⁴⁰. Передовиком был Сандовский район. Окружное руководство призывало всех равняться на него, а также взяло курс на сплошную коллективизацию к 1931 году. Но никто критически не отнесся к блестящим результатам, никто не пытался проанализировать столь «успешный» рост. В то же время, погоня за количественным охватом колхозов сопровождалась грубейшими перегибами абсолютно во всех других вопросах (подготовка к севу, раскулачивание и т. д.). Окружком работал с районами методом директив, причем мало кого интересовало, насколько реально можно их выполнить. Например, все РИКи получили контрольные цифры лишенцев (лишенных избирательных прав) – «хоть не хощь, а 500 или 1000 человек представь»⁴¹. Установка окружных органов для райисполкомов звучала так: «работать по-боевому и от тех, кто впереди, не отставать». Кашинским

райисполкомом был издан приказ о коллективизации всего района в 24 часа. Следом за ним такой же приказ издает Весьегонский райисполком, причем осуществление этого приказа проводилось ночью⁴². Сонковский райисполком 15 февраля издал «боевой приказ» о проведении коллективизации и других мероприятий. До сельсоветов это решение дошло 17-18 февраля, а в приказе предполагалось закончить сбор семенного фонда к 20 февраля. Таким образом, на выполнение решения у местных работников было 2-3 дня. Заканчивался приказ так: «Не выполнению задания – оправданий нет. Не выполнивших предавать суду в 24 часа»⁴³.

Местные работники, подталкиваемые сверху Наркомземом, Колхозцентром и непосредственно первыми лицами государства, форсировали темпы коллективизации, а поскольку для этого не было ни предпосылок, ни желания крестьян вступать в колхозы, то к ним применялись угрозы, насилие, а нередко и репрессии.

Часто работа по коллективизации ограничивалась устройством собраний и принятием резолюции о вступлении в колхоз, причем вступившими в колхоз «автоматически» считались и те, кто не присутствовал на собрании. Такие случаи были в Калужском и Рязанском округах⁴⁴. Крестьянам не разрешали выходить с собрания и, таким образом, «брали измором». Часто главным аргументом тех, кто осуществлял коллективизацию, были угрозы: «Кто не пойдет в коллектив, тот контрреволюционер. Тем гражданам песок, пни корчевать, в Сибирь, в тундру, на Соловки»⁴⁵.

Во всех округах Московской области широко практиковались самочинные аресты бедняков и середняков, не желающих вступать в колхоз или выступавших против коллективизации на собраниях⁴⁶.

К крестьянам, не желавшим вступать в колхозы, применяли меры экономического воздействия – прекращали отпуск товаров из магазинов, закрывали торговые точки⁴⁷.

В целом поток заявлений и жалоб на администрирование, насилие и жестокости при осуществлении коллективизации, направляемых руководству страны, усилился⁴⁸. Информационные сводки о политическом положении в деревне, коллективизации и раскулачивании еженедельно посылались И.В. Сталину, В.М. Молотову, Л.М. Ка-

гановичу, другим членам Политбюро и руководителям центральных ведомств (Наркомзема, Колхозцентра)⁴⁹. Так что катастрофическое положение в деревне не было тайной для высшего партийного и советского руководства. Однако Сталин и его ближайшее окружение пренебрегали поступающими с мест сигналами. Они продолжали форсировать коллективизацию.

Серьезные перегибы имели место при обобществлении скота, инвентаря и другого имущества вступавших в колхозы крестьян. Обобществление скота проходило зачастую без всякой организационной подготовки. Наряду с рабочим скотом и инвентарем обобществлялся не только молочный скот, но и мелкий, и даже домашняя птица. Часто обобществленный скот сводили на непригодные дворы, где скот содержался в плохих условиях⁵⁰.

Таким образом, в результате интенсивной работы местных органов и организаций по коллективизации к началу марта в целом по области было коллективизировано 73 % хозяйств. По этому показателю область занимала 6-ое место в РСФСР, пропустив вперед такие регионы как ЦЧО, Северо-Кавказский край и др. В близких по природно-климатическим и историческим условиям развития регионах (Иваново-Вознесенская область и Нижегородский край) уровень коллективизации был значительно ниже – 30,8 % и 50,4 % соответственно⁵¹.

Во второй половине февраля недовольство крестьян проводимой аграрной политикой в различных районах страны приняло угрожающие размеры. Только тогда ЦК ВКП(б) был вынужден принять меры по исправлению положения. На места были посланы члены Политбюро и ЦК ВКП(б)⁵². 20 февраля 1930 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах», в котором осуждалась спешка в коллективизации и раскулачивании. По решению Политбюро был срочно отредактирован и опубликован 2 марта в «Правде» примерный Устав сельхозартели. Устав вносил ясность по ряду принципиальных вопросов организации колхозов, в том числе по вопросу об обобществлении средств производства⁵³.

Одновременно в «Правде» была опубликована статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов». Вместо объективного объ-

яснения причин ошибок Сталин всю вину взвалил на местных работников. Но прямого указания ЦК на необходимость борьбы с перегибами в колхозном строительстве не было. Как пишет современный итальянский историк А. Грациози, «Сталин представал перед селом воплощением «добротного царя» былых времен»⁵⁴.

10 и 14 марта 1930 года Политбюро приняло постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении». Постановление от 10 марта было секретным и публикации не подлежало. В констатирующей части постановления говорилось, что за короткий срок партия добилась «величайших успехов в деле коллективизации» – коллективизировано свыше 50% крестьянских хозяйств, т.е. более чем вдвое перевыполнен пятилетний план⁵⁵. ЦК считал важнейшей задачей «закрепление достигнутых успехов» для «дальнейшего успешного развертывания и укрепления коллективизации». Однако эта задача может быть выполнена «лишь при решительной, беспощадной борьбе с искривлениями политики партии в колхозном движении». В постановлении среди областей, в которых «искривление политики партии приняло значительные размеры», была названа и Московская область⁵⁶.

В постановляющей части ЦК обязывал парторганизации под личную ответственность секретарей районных, окружных и краевых комитетов «исправить на деле допущенные ошибки и устранить противоречия с уставом артели по линии обобществления птицы, коров, мелкого скота, приусадебной земли и т. д., то есть вернуть все это колхозникам в единоличное пользование, если этого требуют сами колхозники» (Подчеркнуто мною. – Е.К.);

«Немедленно прекратить в какой бы то ни было форме насильственную коллективизацию. Решительно бороться с применением каких бы то ни было репрессий по отношению к крестьянам, не идущим пока что в колхоз»;

«Немедленно проверить списки раскулаченных и исправить допущенные ошибки в отношении середняков, бывших красных партизан и членов семей красноармейцев и краснофлотцев (рядовых и командных)»;

«Немедля проверить списки лишенных избирательных прав и исправить ошибки в

отношении середняков, учителей и других трудящихся»;

«Решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемом общественно-добровольным желанием населения»;

«Сосредоточить все внимание на хозяйственном улучшении колхозов, на организации полевых работ..., обеспечить соответствующими хозяйственными и партийно-политическими мероприятиями закрепление достигнутых успехов коллективизации»⁵⁷.

Как видно, выражения были использованы достаточно резкие, но местным работникам в большинстве случаев было не ясно, что необходимо делать: исправлять допущенные ошибки или «закреплять достигнутые успехи коллективизации»?

Через несколько дней текст постановления был отредактирован Сталиным и опубликован в печати как постановление от 14 марта 1930 года.

После опубликования статьи Сталина и постановления ЦК от 14 марта колхозы, созданные насильственным путем, стали разваливаться, а крестьяне – выходить из них. Правда, выходы крестьян из колхозов наблюдались и раньше⁵⁸. Теперь же, после выхода статьи Сталина, по оценке А. Грациози, «крестьяне толпами покидали колхозы, неся экземпляры «Правды», словно иконы, восхваляя Сталина и браня местных коммунистов»⁵⁹. На собраниях крестьяне прямо обвиняли местные власти в том, что они неправильно излагают линию партии: «Вот т. Сталин написал правильно, а вы насильно загоняете в колхоз!»⁶⁰ В отдельных районах Московской области выход из колхозов составлял от 50% до 90% крестьян.

В итоге массового оттока крестьян уровень коллективизации в Московском регионе составлял на 1 апреля 1930 года 12,3%, на 1 мая – 7,3%. В отдельных округах уровень коллективизации был еще ниже, например, в Тверском округе к концу мая 1930 года – 4,6%⁶¹. Наибольший процент выходов из колхозов отмечался в тех районах, где коллективизация шла «максимально быстрым темпом».

Создавшаяся ситуация внесла растерянность и сумятицу в действия местных партийных, советских и хозяйственных работников: «в деревне полная паника»⁶². В Калужском округе отмечалось, что из

округа руководство районами было «скверное, шлют массу бумаги, а точных указаний нет. Живой инструктаж слаб, райработники растерялись и без указания не знают, что делать... Из округа отвечают на запрос: «Вы нам надоели со своими вопросами»⁶³. Упала роль сельских советов, члены которых во многих случаях сами активно выходили из колхозов или, в лучшем случае, держались нейтрально⁶⁴. В Серпуховском округе местные работники прекратили выезды на село, заявляя, что «не знают, что теперь делать». Отмечались совершенно упаднические настроения: «Все теперь пропало, и нам колхозов не построить»⁶⁵. Секретарь райкома партии Коробовского района Игонин указывал на V пленуме МК в феврале 1931 года, что с апреля 1930 до января 1931 года «настроение было такое – что лучше не работать, чтобы не попасть в перегибчики»⁶⁶.

Тогда же, в середине марта, была принята первая попытка разобраться в сути произошедшего и выяснить причины создавшегося положения. Лейтмотивом в оценке причин перегибов со стороны районных и окружных партийных организаций был лозунг: «Мы признаем свои ошибки». Хотя в некоторых случаях звучал вопрос: «А где же был ЦК партии?»⁶⁷.

В апреле 1930 года тональность обсуждаемых перегибов и ошибок меняется. 2 апреля 1930 года ЦК ВКП(б) обратился к партийным организациям с закрытым письмом «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии». В этом документе сдержаннее говорилось об успехах коллективизации и давалась более объективная оценка положения дел в деревне. Среди партийных органов, допустивших серьезные ошибки, в письме был назван Московский областной комитет партии: «Даже областком Московской обл., не относящейся к основному зерновому району, взял такой же курс (сплошная коллективизация к весенней посевной кампании. – Е.К.) вопреки решению ЦК от 6 января»⁶⁸.

18 апреля 1930 года К. Я. Бауман направил в ЦК заявление, в котором он признавал свои ошибки, допущенные в ходе коллективизации Московской области, и просил освободить его от обязанностей секретаря МК ВКП(б). Политбюро ЦК ВКП(б) в этот же день постановило удовлетворить просьбу

Баумана, перевести его на работу в ЦК в качестве одного из секретарей. На пост первого секретаря Московской областной организации был рекомендован Л.М. Каганович с сохранением за ним поста секретаря ЦК ВКП(б)⁶⁹.

На состоявшемся 22 апреля 1930 года Пленуме МК и МКК ВКП(б) Бауман говорил о своих ошибках, которые он видел в принятии решения о завершении сплошной коллективизации к весне 1930 года, зажиме мелкой городской буржуазии и мелкой торговли под лозунгом ликвидации кулачества как класса. Кроме того, в своих выступлениях весны 1930 года Бауман начал сравнивать отливы из колхозов с отливами в революционном движении, что также было осуждено, так как «современный период строительства есть период величайшего подъема революции», а «основной причиной отливов из колхозов являются наши извращения и перегибы»⁷⁰.

Постепенно к областным руководителям приходило осознание, что «коллективизация пошла по приказу и командованию в отношении середняка», в ходе коллективизации была «погоня за вздутыми цифрами», «в связи со 100 % коллективизацией мы нарушили севооборот»⁷¹. Руководители Орехово-Зуевского округа признавали: «Когда ставился этот вопрос (о коллективизации. – Е. К.), мы даже не имели основных установок. Мы имели несколько примерных уставов, с которыми малограмотный парень путался»⁷².

Достигнутый к лету 1930 года уровень коллективизации в 7 % сохранялся с небольшими колебаниями вплоть до конца 1930 года: в декабре он составлял 7,9 %, а на 1 января 1931 года – 8,4 %. В то же время ситуация по отдельным районам области могла существенно отличаться. Так, были районы с достаточно высоким уровнем коллективизации – до 30-32 % и были районы, где уровень коллективизации упал ниже 2,5 %⁷³.

На протяжении осени стабильное положение уровня коллективизации неоднократно фиксировали партийные и советские руководители области, отмечая, что «размер коллективизации со времени окончания весеннего сева находится в состоянии застоя»⁷⁴. Еще в мае 1930 года были приняты специальные решения об исправлении перегибов в колхозном движении Московской

области. Но в сентябре бюро МК констатировало, что не все в этом направлении сделано: «до сих пор не рассмотрено еще до 6 000 жалоб на неправильное лишение избирательных прав и около 1000 заявлений на неправильное раскулачивание»⁷⁵.

Уже в октябре 1930 года бюро МК ВКП(б) приняло постановление «О колхозном строительстве в Московской области», в котором вновь ставилась задача «добиться на основе добровольного вовлечения в колхозы в течение предстоящего года, по крайней мере, утроения числа крестьянских хозяйств, объединенных в колхозы»⁷⁶. В конце года было усилено давление на районные колхозсоюзы, которые «фактически не выполняли своей основной работы по организации колхозов и руководству колхозным движением», занимаясь «выполнением очередных сельскохозяйственных – посевная, прополка, уборка, хлебозаготовки и т. д.»⁷⁷. Таким образом, вновь ставилась задача осуществления коллективизации, при этом ничего не говорилось о методах этой работы.

Таким образом, в конце 1929 – 1930 году в Московском регионе, как и в целом по стране осуществлялась сплошная коллективизация сельского хозяйства. Основными приемами ее осуществления во второй половине 1929 года были меры экономического характера: налоговая политика, усиление хлебозаготовок. С конца 1929 до весны 1930 года наряду с этими мерами для осуществления «коренного перелома» в московской деревне широко использовались насилие и принуждение. В результате по уровню коллективизации Московская область переместилась с 21 места по СССР (лето 1929 года) на 6 место (начало марта 1930 года). После марта 1930 года началось падение уровня коллективизации. Большинство «липовых», «бумажных» колхозов в этот период распалось. К концу 1930 года

уровень коллективизации приблизительно не равнялся показателям начала года. Таким образом, итоговый прирост оказался совершенно незначительным. Но именно этот показатель коллективизации, судя по всему, отражал реальную картину – в колхозах остались те, по преимуществу бедняки и середняки, которые вступали в колхозы с желанием и в основном добровольно. В колхозах они надеялись улучшить свое материальное положение, а для некоторых из них это был единственный шанс выжить. Именно они зачастую были инициаторами колхозного строительства и организаторами колхозного производства. Но, к сожалению, не эта тенденция стала главной в аграрной политике в регионе и в целом по стране в 1930 году.

Трудности социалистического преобразования деревни были усугублены перегибами и ошибками, которые допускались на всех этапах выработки и осуществления политики в деревне, на всех «этажах» власти, начиная с высшего руководства ВКП(б) и Советского государства и до самых низов. Московские руководители областного и окружного уровней также в значительной степени ответственны за безудержное «головокружение». Администрирование, насилие, произвол, повсеместное игнорирование принципов добровольности стали преобладающими при организации колхозов в январе-феврале 1930 года. Тем более отрезвляющим было падение уровня коллективизации весной и в начале лета. Провозглашение принципа добровольности при создании колхозов, указания на необходимость преодоления ошибок и перегибов привели местных руководителей в состояние растерянности, с которым они не смогли справиться и во второй половине 1930 года, несмотря на все усилия.

ССЫЛКИ И ЗАМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Фулин Ю. В. Коллективные сельские хозяйства Рязанской губернии в первые годы Советской власти (1917–1927 г.) // Победа колхозного строя на Рязанской земле. Рязань, 1976. С. 26–27.

² Российский государственный архив социально-политической истории (Далее – РГАСПИ). Ф.631. Оп.5. Д.4. Л.140.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д.157. Л.10.

⁴ Составлено по: РГАСПИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 4. Л.140; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 157. Л. 10; Центр новейшей истории Тульской области (Далее – ЦНИТО). Ф. 1. Оп. 5. Д. 45. Л. 10; Государствен-

ный архив Рязанской области (Далее – ГАРО). Ф. Р–2069. Оп. 1. Д. 17. Л. 24; Государственный архив Тверской области (Далее – ГАТВО). Ф. Р–1109. Оп. 5. Д. 5. Л. 114.

⁵ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. С. 10.

⁶ Там же.

⁷ Центральный архив общественных движений Москвы (Далее – ЦАОДМ). Ф. 3. Оп. 9. Д. 71. Л. 10.

⁸ Там же. Л. 19.

⁹ Merridale C. Moscow Politics and the Rise of Stalin. New York. 1990. P. 73, 271.

¹⁰ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 44. Д. 1416. Л. 117.

¹¹ Государственный архив документации новейшей истории Калужской области (Далее – ГАДНИКО). Ф. П–1. Оп. 12. Д. 26. Л. 296.

¹² Государственный архив Тульской области (Далее – ГАТО). Ф. Р–95. Оп. 1. Д. 3433. Л. 12.

¹³ Тверской центр документации новейшей истории (Далее – ТЦДНИ). Ф. 12. Оп. 1. Д. 144. Л. 6.

¹⁴ Государственный архив Калужской области (Далее – ГАКО). Ф. Р–202. Оп. 1. Д. 4. Л. 41, ГАТВО. Ф. Р–1109. Оп. 5. Д. 5. Л. 114.

¹⁵ ГАТВО. Ф. Р–1469. Оп. 1. Д. 47. Л. 17.

¹⁶ ГАДНИКО. Ф. П–3. Оп. 1. Д. 29а. Л. 3.

¹⁷ Российский государственный архив экономики (Далее – РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 3. Д. 4985. Л. 1.

¹⁸ Сельское хозяйство Московской области в 1937 году. Вып. I. М., 1937. С. 7. В книге Н. А. Ивницкого «Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов)» (М., 1994) приводятся другие данные об уровне коллективизации в Московской области – 3,3% на 1 октября 1929 года (С. 15). Различия в показателях объясняются тем, что в первом случае даны данные по Московской области в границах конца 1929 года, а во втором случае – данные в границах начала 1929 года.

¹⁹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: В 5 т. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. Т. 1–5. М., 1999–2004. (Далее – ТСД). Т. 1. С. 741.

²⁰ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. С. 15.

²¹ ТСД. Т. 1. С. 742.

²² ТСД. Т. 1. С. 748.

²³ ГАТО. Ф. Р–1060. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.

²⁴ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 11. Д. 770. Л. 24.

²⁵ Там же.

²⁶ ТЦДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 445. Л. 48.

²⁷ Рязанская деревня в 1929–1930 гг. Хроника головокружения. С. 129.

²⁸ Там же.

²⁹ ГАРО. Ф. Р–5. Оп. 1. Д. 147. Л. 144.

³⁰ ГАДНИКО. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 38. Л. 16.

³¹ ГАТВО. Ф. Р–1469. Оп. 1. Д. 79. Л. 158.

³² ГАТВО. Ф. Р–1469. Оп. 1. Д. 79. Л. 158 об.

³³ Там же.

³⁴ ГАТО. Ф. Р–95. Оп. 1. Д. 3486. Л. 81; ЦНИТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70. Л. 38.

³⁵ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 44. Д. 1657. Л. 1.

³⁶ ЦНИТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 260. Л. 12.

³⁷ ГАДНИКО. Ф. П–3. Оп. 4. Д. 17. Л. 195.

³⁸ ЦАОДМ. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 18. Л. 105.

³⁹ ЦАОДМ. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 18. Л. 105–106.

⁴⁰ ГАКО. Ф. Р–202. Оп. 3. Д. 9. Л. 12.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Л. 13.

⁴³ ГАКО. Ф. 202. Оп. 3. Д. 39. Л. 13.

⁴⁴ ГАДНИКО. Ф. П–3. Оп. 4. Д. 17. Л. 179, ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 24.

⁴⁵ ТЦДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 304. Л. 8. См. также: ГАКО. Ф. Р–202. Оп. 3. Д. 6. Л. 161; ГАТО. Ф. Р–95.

- Оп. 1. Д. 3486. Л. 91; Трагедия советской деревни. Т.2. С.322; ЦНИТО. Ф.2. Оп.2. Д.291. Л.54-57.
- ⁴⁶ ГАТВО. Ф.Р-1109. Оп.5. Д.5. Л.270об; Рязанская деревня в 1929-1930 гг. С.169-170.
- ⁴⁷ ГАТО. Ф. Р-95. Оп. 1. Д.3486.Л.91 об; ГАТВО. Ф.Р-1109. Оп.2. Д.56. Л.30.
- ⁴⁸ ГАТВО. Ф. Р-1109. Оп. 2. Д.56. Л.1-1об.
- ⁴⁹ Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание. С.83.
- ⁵⁰ ГАТВО. Ф. Р-1469. Оп. 1. Д.79. Л.158об. Об этом же см.: ГАДНИКО. Ф.П-3. Оп.2. Д.25. Л.138-141, 152-153.
- ⁵¹ ТСД. Т. 2. С. 289.
- ⁵² Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание. С.83-85.
- ⁵³ Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства (1927-1935 гг.). М., 1957. С.282-284.
- ⁵⁴ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933. М., 2001. С. 54.
- ⁵⁵ ТСД. Т.2. С. 303.
- ⁵⁶ Там же. С. 303-304.
- ⁵⁷ Там же. С. 304-305.
- ⁵⁸ ГАКО. Ф.Р-202. Оп. 1. Д. 30.
- ⁵⁹ Грациози А. Указ. соч. С. 54.
- ⁶⁰ ЦНИТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 353. Л. 25-27.
- ⁶¹ ГАТВО. Ф. Р-1109. Оп. 5. Д. 5. Л. 407, 494, 631.
- ⁶² ЦАОДМ. Ф. 1674. Оп.1. Д.19. Л. 35.
- ⁶³ ГАДНИКО. Ф. П-3. Оп.2. Д. 25. Л. 155.
- ⁶⁴ ГАДНИКО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 25. Л. 10 г; ЦАОДМ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 3. Л. 34-39..
- ⁶⁵ ТСД. Т. 2. С. 329.
- ⁶⁶ ЦАОДМ. Ф.3. Оп. 13. Д.3. Л.60.
- ⁶⁷ ГАДНИКО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 5; ТЦДНИ. Ф. 12. Оп.1. Д. 51. Л. 37-38; ЦАОДМ. Ф. 1674. Оп. 1. Д.18. Л. 2-3, 39.
- ⁶⁸ ТСД. Т. 2. С. 367.
- ⁶⁹ Там же. С. 385-387.
- ⁷⁰ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп.12. Д.42. Л. 1, 6, 8.
- ⁷¹ ЦАОДМ. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 18. Л. 104, 107, 113; Ф. 1592. Оп. 1. Д. 36. Л. 3-9.
- ⁷² ЦАОДМ. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 19. Л. 40.
- ⁷³ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 3. Д. 4986. Л.24-27.
- ⁷⁴ ЦАОДМ. Ф.3. Оп. 11. Д. 900. Л. 61; Там же. Ф. 1674. Оп. 1. Д. 20. Л. 26; РГАСПИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 61. Л. 32.
- ⁷⁵ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 11. Д. 900. Л. 66.
- ⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 61. Л. 32.
- ⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 44. Л. 87-89.

УДК 321.01 + 321.6/.8

ББК 60.027.2 + 60.561.31 + 67.0

Социальная философия, философия права

ПРАВОВОЙ БЕСПРЕДЕЛ И ПРЕДЕЛЬНОЕ БЕСПРАВИЕ

Доктор философских наук
М. И. Кошелев

В статье делается попытка создания теории социального экстремума – крайней точки социального бытия, состояния крайнего напряжения социальных сил. Правовой беспредел – частное проявление этого состояния. Взятое из уголовного жаргона словечко становится теоретическим понятием высокой эвристической ценности. С его помощью вскрыта закономерность, в соответствии с которой при впадении общества в социально-экстремальную ситуацию происходит редуцирование от высших к низшим формам социальных контактов, к более ранним формам поведения. Состояние правового беспредела характеризует прежде всего политарные общества (в том числе бывший СССР), но также и современное общество «зачаточного парламентаризма».

Ключевые слова

Социальный экстремум, правовой беспредел, насилие, неополитаризм, власть, свобода, anomia, право, трансдисциплинарность.

1. Введение. Постановка проблемы.

Похоже, миновал бурный период нашей отечественной истории, который был одновременно и периодом разрушения старых концептуальных догм, и периодом обновления всего общественного сознания как в идеологической сфере, так и на уровне социальной психологии. Процесс обновления принес в социальные науки большое количество новых понятий, осмысление которых еще и сейчас представляет собой одну из самых важных научных задач. Социальное обновление есть одновременно процесс преобразования всего понятийного аппарата, при помощи которого это обновление осмысливается. Гибель советского строя заставила по-новому посмотреть на механизмы общественного развития, на весь его ход и движущие силы.

Одним из понятий, при помощи которых общественная наука попыталась охватить, объять главные проявления новизны в социальных процессах, было понятие правового беспредела. Поначалу воспринятое в штыки научным сообществом, брезгливо отвергшим это словечко из блатного лексикона, оно затем проникло во все слои современного дискурса – от художественной речи до высоких сфер социальной философии. В процессе довелось принять участие и мне, поскольку одним из первых я попытался использовать это понятие не в метафорическом или разоблачительно-публицистическом, а в строго научном смысле [1].

Категория «беспредел» (и подчиненное ему понятие «правовой беспредел») стала своего рода маркированным понятием постперестроечного периода отечественной истории, своего рода лейблом этой эпо-

хи, в наши дни настолько расхожим, что без его использования не обходится ни бытовой разговор на рынке, ни парламентские дебаты [2, С.130]. Тем не менее, теоретическое значение этой категории постоянно подвергалось переистолкованию и в силу этого зачастую теряло свою научную строгость. При его использовании нередко отмечалось, что понятие «правовой беспредел» так же, как и собственно «беспредел», было относимо исключительно к описаниям переходных состояний нашего общественного развития и, собственно говоря, оказывалось связанным субстанционально лишь с эпохой нестабильности, экономических катастроф, безвластия в государстве и панических настроений в обществе. Такая взаимосвязь, конечно, имела место в действительности: еще и в наши дни состояние беспредела в обществе связывается с периодом слабости государственной власти, господством разросшегося до гигантских размеров криминала, параличом правовых структур и господством экзистенциального ужаса в широких слоях общества.

Почва для такого понимания беспредела, безусловно, была: еще и сейчас все такого рода общественные явления не стали достоянием исторической памяти. Тем не менее легко обнаружить также и следующее логическое звено таких рассуждений – представление о том, что эпоха социального беспредела миновала, стабилизация в экономической и политической сферах уводят в тень – вплоть до полного уничтожения – все социальные явления, связанные с понятием «беспредел». Если принять такую точку зрения, можно было бы не без удовольствия задвинуть подальше книжки о беспределе и исключить это понятие из социально-философского лексикона нашей современности. Если с беспределом покончено, перед обществом открываются новые горизонты, требующие очередного обновления всей социально-политической и философско-идеологической лексики.

Но так ли это? Можно ли принять такую позицию по отношению к понятиям «правовой беспредел» и собственно «беспредел» – беспредел «как таковой»? На этот вопрос я и попытаюсь ответить в своей статье, отчетливо осознавая, что реальный ответ на вопросы о столь глубоких социальных трансформациях требует не статьи, а многостраничного фолианта, и, быть может, не одного.

2. Правовой беспредел и социальный экстремум – итоги рассмотрения.

Прежде чем отвечать на поставленный вопрос, придется сделать небольшой обзор тех теоретических выкладок, которые позволили взглянуть, так сказать, философски на понятие «правовой беспредел» и связанное с ним понятие социального экстремума [3]. Напомню, что проблемы дефиниций сами по себе не столь важны для решения теоретических проблем как содержательный анализ соответствующих явлений действительности. Однако при введении новых концептуальных единиц велика опасность разноголосицы в их понимании и потому лучше с самого начала избежать кривотолков в их определении.

Если о понятии «беспредел» выше уже кое-что писалось, то понятие «социальный экстремум» мною было всего лишь упомянуто. Термин «социальный экстремум» – не столь уж и новый: ряд дисциплин использует его в математическом смысле – в смысле крайнего значения, которого достигает та или иная величина. Вот почему следует с определенностью подчеркнуть: социальный экстремум – характеристика социального состояния, при котором сохраняется в течение исторически значимого времени крайнее напряжение социальных сил. Существование социальной системы в условиях социального экстремума придает социуму особое качество, более конкретные характеристики которого выясняются в процессе применения трансдисциплинарной методологии, (но могут, впрочем, поддаваться исследованию и с применением вполне апробированных в истории мысли традиционных методов).

Еще один аспект ситуации социального экстремума – субъективная его сторона. Объективные обстоятельства и условия возникновения и существования социального экстремума лишь тогда реализуются, когда вся совокупность субъективных факторов приходит в соответствие с объективными обстоятельствами. Ситуация социального экстремума, как уже подчеркивалось, предполагает полное приятие обществом экстремальных явлений как реалий и данности; при поиске выхода из ситуации беспредела в этих условиях никто и не заикается о том, что «беспредельные» обстоятельства требуют экстраординарных методов их устранения. Общество заранее готово при-

мириться с беспределом.

Ключевое понятие «беспредел» (логически видовое по отношению к понятию «социальный экстремум»), взятое в обозначенном выше словоупотреблении, сразу же ориентирует на использование главных понятий, с которыми оно содержательно связано: воля, свобода, произвол, насилие... Ясно, что каждое из этих понятий может быть использовано не только в обыденном и научном, не только в категориальном и некатегориальном смыслах, но также и в фиксированном и не фиксированном дисциплинарном контексте.

О беспределе речь идет тогда, когда мы имеем дело с феноменом сверхнасилия, насилия в крайних формах его проявления, при котором жизнь и смерть любого индивида независимо от меры вины или заслуг перед государством, государственным аппаратом и его главой находится во власти правителя и государства и, таким образом, легитимизирован абсолютный правовой произвол. Именно эти идеи, достаточно далекие от общепринятости и тривиальности, я пытаюсь развивать применительно к социуму как таковому, подчеркивая, что моменты такого состояния свойственны не только политарному обществу, которое выступает в качестве «чистого» случая такого социального устройства, но и всем другим общественным структурам, переживающими либо моменты стагнации, либо, напротив, коренного преобразования.

Правовой беспредел есть состояние безмерного, не имеющего пределов насилия, осуществляемого одним индивидом или группой людей по отношению к части общества или ко всем людям с применением крайних форм насильственных действий в условиях аномии, разложения морального сознания общества, ослабления аппарата государственной власти и правовой регуляции поведения.

Подводя здесь окончательный итог, остановимся на часто возникающем недоумении или, вернее, на недоумении, высказываемом при первом поверхностном взгляде на проблему социального экстремума. Это недоумение вербализуется, артикулируется в форме вопроса: зачем нужно понятие «социальный экстремум», если существуют такие традиционные понятия, как понятие «социальный кризис» и «экстремальная ситуация»? Знакомство не про-

сто с объяснением значения слова, а, собственно, с основами изложенной здесь в первоначальном виде теории социального экстремума рассеивает сомнения, связанные с первоначальным ощущением некой искусственности непривычного термина, которое, впрочем, за последние годы значительно ослабло, потеряв, так сказать, «преlestь новизны».

Из многочисленных характеристик социального экстремума, которые раскрываются, приобретаются, приписываются, присваиваются ему в процессе применения трансдисциплинарной методологии исследования, вытекает с определенностью различие – в первую очередь темпоральное – социального кризиса и социального экстремума. Оно состоит в том, что кризис – всегда так или иначе переходное состояние (от чего-то к чему-то) и, следовательно, даже затянувшийся кризис – явление временное. Социальный экстремум включает в себя представления о критическом, кризисном, но к ним не сводится: социальный экстремум может реализоваться перманентно в условиях целой эпохи или даже сохраняясь при всех сменах цепочек событий и эпох. Теоретически новым и непривычным здесь тогда оказывается не термин, а само явление, которое нуждается в номинации, подчеркивающей его оригинальность, нередуцируемость к чему-то известному.

Нельзя не задуматься в связи с этим над возможностью повторения в России печального опыта держав с «авторитарной традицией», которые, будучи брошены в «пучину свободы», оставлены наедине со своим авторитарным прошлым и в условиях хаотической демократизации непременно соскальзывают или возвращаются в пучину тоталитаризма. Нельзя не пожалеть об этом, но нельзя и отмахнуться от того факта, что мрачный призраки фашизма не растаял под лучами итогов Нюрнбергского процесса.

Фашистский подход к политике одновременно и популистский – в том, что апеллирует к активности «народа» как целого против проникновения угнетателей или врагов – и, в то же время, элитаристский – в том, что он толкует народную волю как воплощенную в избранной группе или, чаще, в одной единственной личности лидера, власть которого нисходит на нижестоящих. Фашизм стремится организовать широкое массовое движение с целью захвата государственной

власти. Он жестко подчиняет все сферы общества своему идеологическому видению органического сообщества, обычно через тоталитарное состояние. И как социальное движение, и как политический режим фашизм использует массовые организации в качестве системы объединения и контроля, а также применяет организованное насилие для подавления оппозиции, хотя шкала форм насилия варьирует широко.

Таким образом, итоги теоретического анализа понятий «правовой беспредел» и «социальный экстремум» приводят нас к выводу: эпохи перемен – наиболее яркие периоды человеческой истории, в которых социальный экстремум и беспредел выявляют свою сущность непосредственно. Однако дальнейшие размышления на эту тему заставляют снять ограничения с рассмотрения этих категорий и оставаться при их анализе лишь в рамках переходных социальных состояний. Если исторически рассмотреть социальное бытие, становится понятно, что ни одна из ступеней общественной эволюции не свободна как от тех или иных элементов социального экстремума и правового беспредела, так и от их сущностных проявлений в самых широких сферах общественной жизни. Поэтому оказывается важным эволюционное рассмотрение в первую очередь ситуаций правового беспредела.

3. Эволюция общества и ситуация правового беспредела.

В рамках данного текста я могу ограничиться лишь кратким упоминанием основных ступеней эволюции социального экстремума и ситуаций правового беспредела... Можем ли мы сказать, что ушедшая эпоха, время, прошедшее с момента уничтожения советского строя и крушения СССР, исчерпывают уроки, которые общество может извлечь как из ситуаций правового беспредела, так и из состояний социального экстремума? Я думаю, что нет, и попытаюсь это доказать. Материалом для доказательства, естественно, будет служить близкая нам историческая эпоха. Что представляет собой современное российское общество, рассмотренное в контексте всемирной истории? Нынешняя Россия – государство и общество, прочно обосновавшееся на верхних этажах мировой зависимой периферии [4].

Одна из причин такого положения дел кроется, конечно, в самой диалектике раз-

ума, которую Гегель называл «хитростью разума». Другая причина – легкая «победа» экстремумов и беспредела объясняется также и готовностью людей к подчинению, рабскими привычками, традициями несвободы.

В продолжении анализа правового беспредела теперь уже не в статическом, а в динамическом аспекте, вводится понятие «ситуация правового беспредела». В таком случае динамика правового беспредела рассматривается как функциональная смена ситуаций правового беспредела, а процесс существования общества в состоянии социального экстремума рисуется как совокупность ситуаций правового беспредела.

Ситуация правового беспредела характеризуется рядом типологических признаков. Если состояние социального экстремума может быть представлено и как состояние успокоенности, социальной летаргии, и как состояние дискомфорта от потери ориентиров, то беспредел – это всегда состояние растерянности и тревоги со стороны государства, состояние автаркии со стороны субъектов мафиозно-криминальных «хозяев жизни» и состояние летаргии со стороны широких масс населения, со стороны народа.

Уже давно в структуру правовых категорий вошло понятие правового произвола. Правовой произвол и правовой беспредел – категории хотя и связанного, но разного порядка. Невозможно свести понятие правового беспредела к понятию правового произвола. У этих понятий различный философский статус. Статус философских категорий – особая проблема, которой в последнее время уделялось внимание в работах, посвященных, главным образом, статусу тех или других научных понятий, параметрам научного знания и другим понятиям, пограничным философской науке и так называемым наукоучениям или социологии науки. Тем не менее, на материалах этих исследований можно сделать некоторые выводы, касающиеся возможности определения понятия правового беспредела. У этого понятия выделяется определенный категориальный смысл, который не улавливается другими категориями.

Правовой беспредел – это нечто инициированное не просто властью. В понятии правового беспредела содержится указание на разложение самой власти. Право-

вой произвол – это закономерное насилие в обход закона в отношении масс, принадлежащих гражданскому обществу. Правовой беспредел – это такое состояние внутреннего разложения морального сознания, при котором понятие «произвол» может быть отнесено не только к субъекту, к страдательной стороне отношений между властью и гражданским обществом, это состояние разброда, шатания и неопределенности в пределах самого аппарата власти. Из этого вытекает особая форма правового произвола, но к правовому произволу правовой беспредел не сводится. Правовой беспредел осуществляется и в отношении объекта, и в отношении субъекта социального действия.

Это лишь один пример практически значимого применения выраженных ранее идей относительно социальных экстремумов и правового беспредела. Закономерно возникает в связи с этим вопрос о том, каков на самом деле путь выхода из состояния социального экстремума и правового беспредела. Головоломная трудность этого вопроса не останавливает исследователей лишь в силу острой актуальности и чрезвычайной социальной его значимости.

4. Теория государственного бандитизма перед лицом социальных трансформаций. Терроризм и террор.

Сказанное позволяет более четко обозначить функциональные изменения не только в государственном устройстве, но и в теоретическом осмыслении происшедших социальных трансформаций. В последнее время у нас все чаще вспоминают историко-социологическую концепцию, согласно которой «в основании любого государства лежит монополия на легитимное насилие и одновременно на налогообложение в пределах определенной территории» [5, С. 648–650]. В частности, В. В. Волков пишет о том, что «... использование насилия закреплено за одной организованной группой, которая способна устранить любые конкурирующие источники насилия внутри данной территории. Более того, установление контроля над применением насилия на определенной территории есть формирование политического сообщества» [6]. В самом деле. В эпоху, когда ставилась под вопрос легитимность любой структуры, претендующей на власть, то, что обозначалось понятием «государство», действительно выступало

лишь как одна из криминальных группировок наряду с другими, столь же мощно использующими механизмы социального насилия, с целью обеспечить контроль над частью так называемого «дикого» рынка. В это время государство на деле не могло осуществить в полном масштабе свою роль по обеспечению закона и правопорядка и действительно выступало в качестве чуть ли не равноправной силы в борьбе за власть наряду с криминальными структурами. Последующая история была историей постепенного укрепления того, что получило метафорическое обозначение «властной вертикали». Эта категориальная пара – силы правового беспредела и силы обеспечения устойчивости властной вертикали – казалось бы, в итоге устраняют столкновения на рынке и за его пределами, приходя к разрешению противоречия на почве окончательной победы сил «властной вертикали». «Государство-бандит», условно говоря, трансформируется в государство в собственном смысле слова, то есть в машину, аппарат подавления эксплуатируемых с целью обеспечения экономических интересов господствующего класса. Такого рода социальная трансформация – безусловный социальный факт. С ним не поспоришь. Однако рассуждения о государстве-бандите рано относить к историческому прошлому. Легитимизация государственного бандитизма еще не превращает «государство-бандита» в «нормальное» государство. Более того, исподволь возникает подозрение: а не сохранилась ли система беспредельного насилия над человеческой свободой в условиях господства властной вертикали?

Картина политических аспектов социального экстремума была бы ущербной, если бы не были затронуты хотя бы вскользь проблемы современного терроризма. Терроризм – систематическое применение или угроза применения насилия в отношении государства, общественных организаций и отдельных лиц для достижения политических целей.

Таково обычное, если угодно, стандартное определение терроризма, в принципе возражений не вызывающее [7, С. 5]. Наше время – время социального экстремума и правового беспредела – добавило в цепочку понятий, связанных с террором, понятие «государственный терроризм» – неправо-вое насилие, осуществляемое государством

с ослабленной системой политической власти и при условии правового беспредела. От государственного терроризма следует отличать политический терроризм, который, в свою очередь теоретически преступно смешивать с терроризмом вообще. Политический терроризм осуществляется, главным образом, средствами индивидуального террора, тогда как обычный терроризм направлен на достижение не всегда политических целей путем запугивания или угрозы применения силы вплоть до физического уничтожения ни в чем не повинных лиц. Таковы операции по захвату заложников с целью получения выкупа. От такого терроризма следует отличать физическое устранение – убийство видных политических деятелей, глав государства и проч. Путаница здесь происходит небескорыстная: оба этих вида терроризма не равнозначны. Ведь еще в Древней Греции обсуждался вопрос о возможности (праве) убийства тирана.

5. Реформа, революция, насилие и правовой беспредел.

Традиционному марксизму и его главным разновидностям, в том числе троцкизму и маоизму как социальной теории и политической практике не чуждо использование понятий, близких вводимому понятию «социальный экстремум». Нетрудно заметить, что представлениям о социальном экстремуме близко понятие «социальная революция». Революция и революционная ситуация также представляют собой моменты крайнего напряжения в социальном развитии, с ними также связано представление об экстремальных точках социального бытия. В марксистской социальной теории, по существу, только эти моменты социальных конфликтов и получали наибольшую разработку, все остальные считались менее значимыми по сравнению с революционным процессом, который а priori рассматривался как эссенциальный для самого существования общества, тогда как все другие представлялись тогда внешними, феноменальными. Независимо от того, верно это или нет, марксистская теория оказалась безоружной, когда другого рода напряженности и конфликты властно завладели обществом, что и повлекло за собой необходимость гораздо более подробной разработки самых общих представлений о явлениях социальной напряженности. Теорию социального экстремума можно считать одним из таких

ответов. Ведь отсутствие общетеоретической разработанности, понятийных структур в сфере, которая составила значительную сторону социальной действительности, в конечном итоге оставляет практика, деятеля, без четких ориентиров, заставляет двигаться вслепую.

Совершенно очевидно, что оправдание насилия на основе расхожей фразы: «цель оправдывает средства» – неприемлемо. Такое оправдание ведет только к инструменталистской перспективе, на самом деле создающей трудности и к выдвиганию единственной ценности – инструментальному успеху действий, о цели которых вообще вопрос не ставится.

Все злые дела нашего времени творились именно во имя и на основе этой максимы – пытки, терроризм, поголовное уничтожение тех или иных человеческих общностей, концлагеря и т. д.

Перед лицом угрозы провала в адский цикл насилия, которого не избежать, даже преисполнившись лучшими намерениями, надо, наконец, сделать этический выбор в пользу радикального ненасилия. Отказ от использования насилия должен касаться не только отношений с другими людьми, но также и с природой. Именно это, впрочем, легко усмотреть во всех учениях о ненасилии (например, из самых известных – в учении Ганди), когда они связывают политическую установку с аскетическим поведением или с умеренностью в повседневном существовании; когда ненасильственные действия соответствуют диетическим (вегетарианский режим) и экологическим предписаниям. В самом деле, трудно вообразить ненасильственную установку в отношениях с другими, при том, что осуществляется эксплуатация и разнузданное разграбление природных ресурсов во всем остальном. Остается понять, что по ту сторону всех мирных деклараций осуществляется расхищение естественных богатств, и неравенство при обмене реализует насилие в виде экономической эксплуатации, которое ничем не лучше открытого насилия. Апелляция к радикальному согласию относительно ненасилия – утопия наихудшего толка.

Однако и уже сказанного достаточно для того, чтобы выдвинуть общую гипотезу относительно социальной природы правового беспредела. С моей точки зрения, правовой беспредел – результат редукции разви-

того понятия о справедливости к представлению о справедливости в рамках доправового общества, когда государство либо отсутствует, либо теряет возможность обеспечить правовую санкцию при неясности правовой диспозиции. Предложенное понимание правового беспредела, как мне представляется, открывает путь к дальнейшему исследованию его социально-экономической природы, а тем самым к разработке непосредственных мер по устранению из общественной жизни этих проявлений архаических социальных отношений.

Социально-экономическая природа экстремума может быть проанализирована при условии наибольшей наглядности результатов анализа, прежде всего, на примере общества, в котором общество впервые встретилось с социальным экстремумом, то есть на примере политарного общества. Экономической основой политаризма и, вместе с тем, его сущность являются особого рода социально-экономические отношения, при которых собственность в качестве государственной оказывается в то же время коллективной частной собственностью и предопределяет особого рода социальную структуру, в которой роль господствующего класса играет государственный аппарат. Говоря точнее, государственный аппарат и есть господствующий, эксплуататорский класс.

Частная собственность может быть персональной и групповой. Такова, например, акционерная собственность при капитализме. Однако особого рода явление, до недавнего времени не привлекавшее внимание, что, кстати говоря, делало теоретически неразрешимой проблему так называемого «азиатского способа производства», – это общеклассовая частная собственность. В этом случае средствами производства (и работниками) могут владеть все члены господствующего класса, только вместе взятые, но ни один из них в отдельности. Общеклассовая частная собственность всегда приобретает форму государственной. Это с неизбежностью обуславливает совпадение класса эксплуататоров, если не со всем составом государственного аппарата, то во всяком случае с его ядром. Такой способ производства Ю. И. Семенов и называет политарным (от греч. *πόλις*, *πολίτεια* – государство) или просто политаризмом. Политаризм существовал и существует в ряде разновидностей, из которых главные – первый

в истории человечества антагонистический способ производства, существовавший в эпоху Древнего Востока, а затем и в последующие периоды истории Востока вплоть до XIX в., – его первоначально Ю. И. Семенов называл аграрно-политарным, а в дальнейшем – палеополитарным, или древнеполитарным. Второй – промышленно-политарный, существующий и в наши дни. Хотя все политарные способы производства имеют между собой много общего, наше внимание здесь будет обращено к особенностям этого последнего – промышленно-политарного или индустриально-политарного способа производства.

Так как политаристы владели средствами производства и производителями материальных благ только сообща, то все они вместе взятые входили в особую иерархически организованную систему распределения прибавочного продукта – политосистему. Глава этой системы, а тем самым и государственного аппарата, был верховным распорядителем общеклассовой частной собственности и, соответственно, прибавочного продукта. Этого человека, роль которого была огромна, можно было бы назвать политархом [8]. Соответственно с этим возглавляемая политархом ячейка общеклассовой частной собственности – политархия. Она же одновременно была и социально-историческим организмом, и государством.

Любой политарный способ производства, предполагал собственность политаристов не только на средства производства – прежде всего на землю, – но и на личность непосредственных производителей. А это означает существование права класса политаристов на жизнь и смерть всех своих подданных. Поэтому для всех политарных обществ характерно существование практики постоянного систематического террора государства против всех своих подданных. Этот террор мог проявляться в разных формах, но он всегда существовал. Особенно жестким и массовым был террор в эпохи становления политаризма.

В соответствии с логикой исторического развития современный так называемый «социалистический лагерь» был именно мировой системой политаризма индустриальной эпохи, неополитаризма. Однако сама эта логика – существование и господство на доброй половине земного шара неополитаризма.

таризма в течение исторически значимого промежутка времени – нуждается в осмыслении и объяснении. В книге о беспределе эта проблема затрагивается мною попутно, лишь в той мере, в какой существует нужда в рассмотрении соответствующих структур социального экстремума и правового беспредела. Основная причина неополитаризма состоит в том, что часть мира, освободившаяся от колониальной и полуколониальной зависимости, от политического подчинения странам экономически развитого Запада, встав на путь прогресса, неминуемо должна была стремиться к достижению экономической мощи, сравнимой с мощью индустриальных стран «первого» мира. Модернизация Востока, включая Россию, протекала в условиях необходимости любой ценой поднять продуктивность общественного производства при объективной невозможности обеспечить рост производительности труда иначе, чем за счет усиления эксплуатации, повышения интенсивности труда и внеэкономического принуждения к нему. Новые – неополитарные – производственные отношения стали мощным рычагом увеличения массы совокупного общественного продукта.

В этих условиях совершенно понятно, что социальный экстремум, который мыслится как нечто чрезвычайное и необычное для социального организма, имеет тенденцию стабилизироваться: то, что так недавно было исключением, становится правилом и нормой как для политариев, так и для политаристов.

Вот почему возникает потребность переосмыслить такие традиционные социологические понятия, как «социальная стабильность», «социальная мобильность», «аномия».

Социальная теория предполагает как нечто само собой разумеющееся выявление исторической картины складывания той реальности, которая порождает социальные экстремумы и, как их частное проявление, социальный беспредел. Соответствующая этой реальности историческая цепочка понятий должна в идеале образовывать концептуальную среду для последующего исследования социального экстремума и правового беспредела. Создание такой связанной последовательности понятий способствовало бы в дальнейшем тому, чтобы выявить и проанализировать сово-

купность реальных конкретно-исторических условий возникновения и функционирования правового беспредела. Однако такая цепь или сеть категорий не может быть предзадана исследованию: она в подобных случаях всегда не исходный пункт, а результат. Притом такая сеть (матрица, решетка), разумеется, никогда не может быть полной: задача построения исчерпывающей категориальной решетки выполняема лишь в пространственной, временной и логической бесконечности.

Однако на пути к обозначаемым этими дефинициями сущностям неизбежно возникает одно теоретическое препятствие, которое не идет ни в какое сравнение с предшествующими теоретическими трудностями исследования: конкретное исследование социальных экстремумов и правового беспредела невозможно без теоретической оценки социального строя и социальных структур, под воздействием которых правовой беспредел формируется и которые предстают как условия реального бытия этого экстремального общественно-го явления.

6. Правовой беспредел в условиях зачаточного парламентаризма.

Неополитарное общество порождает серию своеобразных идеологических иллюзий, своего рода «дериваций» в смысле В. Парето, среди которых не последнее место занимает иллюзия тождества общества и государства. Иллюзия «государства рабочих и крестьян» с падением системы неополитаризма разрушается, подобно серии других иллюзий. Возникает, однако, немало новых, и нужда в социальной стабильности выражается в попытках укрепить слабеющее государство. До тех пор, однако, пока не будут подготовлены экономические и политические условия для перехода к следующей стадии социального развития, неизбежно будет сохраняться обстановка социального экстремума и ситуация правового беспредела. Фактическая тождественность государственной системы ограбления трудящихся и системы прямого грабежа с помощью насилия со стороны так называемых «группировок» – это и есть не что иное, как реальное воплощение правового беспредела – фактического тождества уголовной банды и государственных структур.

Этот социальный парадокс с точки зре-

ния нашей темы достоин самого пристального внимания: в нем все указывает на необходимость рассмотреть проблему применительно к генезису теории права. Попробую очертить все линии с максимальной, предельной («беспредельной») жесткостью, подчас жертвуя во имя четкости общей картины важными деталями и тонкими понятийными различиями.

Существует не очень точное представление, согласно которому любые социальные нормы носят властный характер: они, попросту говоря, суть проявления власти. В действительности такой характер имеют только социальные нормы, то есть нормы поведения, в то время как за пределами норм поведения существуют многочисленные нормы деятельности, не связанные с такой важной составной частью социальной нормы, как санкция. Таковы производственные и культурные нормы.

Другого характера неточность связана с использованием понятия «публичная власть», под которой обычно понимается власть государства, тогда как давно наступило время отказаться от догматического представления о том, что публичная власть существует только в государстве, а, следовательно, публичной властью можно называть власть в масштабе как минимум социального организма. Проблема свободы издавна рассматривалась как центральная проблема этики. Этический выбор, немислимый без свободы, опирался при этом в качестве своего последнего теоретического основания, как уже сказано, на общефилософскую трактовку проблемы свободы. Однако в наши дни и сама философия, прорвавшая неокантианские границы гносеологии, и сама этика, не будучи сводима к рамкам теории морали, расширяют свои горизонты. Невозможно ныне рассматривать проблему свободы только как проблему этики, разве что предстоит совершенно иначе – расширительно (по старым меркам чрезмерно расширительно) – толковать самое этику. Практика обращения с научными понятиями за последние три-четыре десятилетия воочию показала, насколько опасным делом является не продуманное, не отрефлектированное расширение границ той или иной научной сферы.

В связи с этим как раз и приходится обращаться к некоторым аспектам социологического знания. Еще во второй полови-

не XIX один из основоположников социологического знания французский ученый Э. Дюркгейм выдвинул понятие социальной аномии, которое указывает на состояние разложения общества, на отсутствие действия в нем каких-либо законов, на то, что общество испытывает глубокое напряжение от отсутствия «хороших» законов, но – более того – от нежелания исполнять и возможности не исполнять какие бы то ни было законы. В дальнейшем я и пытаюсь показать, что суть дела располагается как раз в другой плоскости. Речь идет как раз о невозможности исполнять какие бы то ни было установленные государством законы. Об этом свидетельствует и законодательная неразбериха, над которой часто потешаются праведы, следя за работой российского парламента.

Социальная аномия распространяется одинаково на мораль и на право, но само по себе важное теоретическое понятие социальной аномии нуждается в серьезных уточнениях. На основании закона социальной аномии необходимо было бы построить целую систему категорий, которая позволит глубоко и серьезно рассмотреть сущность переходных состояний социальных систем. Социальная аномия – и это как раз показал сам автор концепции социальной аномии – не может быть постоянным состоянием общества. Уровень социальной аномии – это всегда показатель стадии перехода, момента переходного состояния, в котором находится общество.

Дело можно представить так, что понятие «правовой беспредел» выступает как своего рода индикатор высшей ступени социальной аномии. Это не только признак разложения социального сознания, но и показатель того, что данное общество находится у грани распада. Это кризисное состояние общества, которое неминуемо приведет к гибели данной социальной системы. Однако далеко не всегда гибель системы будет означать гибель тех социальных единиц, или даже просто индивидов, которые включены в эту систему...

В недавно переведенной интереснейшей книге Пьера Аснера [9] автор приходит к ряду неутешительных выводов, характеризуя собственную позицию по вопросу о насилии такими словами: «...Разрывающийся между страстью к ежедневной информации и ностальгией по истине, которая была

бы шире этой информации, разочаровавшийся в метафизических абстракциях, но устоявший перед соблазнами заменить их абстракциями общественных наук, не философ» [9, С. 7], – резюмирует размышления «не философа» формулой: мы идем к новому средневековью.

В самом деле, если еще недавно в Европе традиционная война за территорию казалась делом немыслимым, ныне «на том же континенте фактически свирепствует война во имя территориальных притязаний, основанных на исторической или этнической принадлежности». Куда уж дальше?

В условиях, когда неизбежность насилия рассматривается не как проявление исторического фатализма, надо перейти на уровень этических размышлений, задаваясь вопросом не столько о технических решениях, которые общество может принять для искоренения насилия, сколько о формах поведения, которыми каждый может руководствоваться, принимая те или иные ценностные установки.

Экономические реалии, породившие социальный экстремум в процессе перехода от неополитаризма к капитализму в современной экономической публицистике получили заведомо ненаучную характеристику в качестве «бандитского капитализма». В действительности речь должна идти о капитализме обыкновенном. Вспомним строки «Коммунистического манифеста», в которых говорится об эпохе перехода от феодализма к капитализму в Европе. Выгодой и расчетом при капитализме стали определяться действия людей не только в экономической, но и в других сферах жизни. «Буржуазия, – писали К. Маркс и Ф.Энгельс, – повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные пути, привязывавшие человека к его «естественным повелителям» и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и приобретенных свобод одну бессовестную

свободу торговли. Словом, эксплуатацию прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой». [10. С. 426]

Эти строки в точности описывают сегодняшние социально-экономические реалии как раз потому, что капитализм у нас обыкновенный, а знаменитая «прихватизация» – наше огораживание (огорошивание). Этим в данном случае и задаются экономические границы экстремума у нас. В который раз дала себя знать хитрость разума. Общая тенденция капитализма – уничтожение чувств долга, чести и совести как регуляторов человеческого поведения, превращение человека в рационально калькулирующего зверя, обесчеловечивание человека. Эту тенденцию уловили многие западные мыслители, которые давно уже стали писать и сейчас пишут о духовном кризисе западного общества, о непрерывно набирающем силу процессе дегуманизации и т. п.

Понятие «социальный экстремум» типологически следует отличать от близкого по значению понятия «социальный кризис». Понятие «кризис» несет в себе заведомо признаки переходности и всех тягот, связанных с ним. Понятие «социальный экстремум» в этом смысле шире понятия «социальный кризис», поскольку, не включая в себя признаков переходности, вместе с тем оно предполагает высшее социальное напряжение. Социальный экстремум может существовать и в моменты кризиса, и вне них: ведь экстремум – высшее напряжение, крайняя точка, которая, будучи достигнута, может сохраняться, не реализуя тенденцию к разрешению, к переходу, к выходу из критического состояния. С другой стороны, понятие «социальный экстремум» содержит в себе значение безмерности и «внемерности», поскольку тесно связано и с социальной anomией, и с правовым беспределом. В социальном смысле отличить состояние экстремума от кризиса, знаменующего собой пребывание в узловой точке меры (таков глубинный смысл переходности), нетрудно. Переходные моменты в жизни социума – моменты высшего разлада, при котором реализуются закономерности как докризисного, так и посткризисного – будущего – состояния социума. Пребывание в социальном экстремуме означает действие особого рода закономерностей, чье дей-

ствие сопряжено, во-первых, с измененным, извращенным функционированием «нормальных» общественных систем, во-вторых – с проявлением особого рода закономерностей – закономерностей экстремума, сфера действия которых не предполагает никакой переходности. По сути, именно социальный экстремум имелся в виду теоретиками, выдвинувшими идею «перманентной революции» – идею, выражавшую свое содержание в такой словесной форме неадекватно. В самом деле, здесь понятие «социальный экстремум» ближе понятию «эксцесс», «экстремальная ситуация», ибо у какого-нибудь пожара свои законы, это явление из ряда экстремальных, но не кризисных – нелепо считать пожар состоянием переходным – от «допожарного» к «послепожарному». Это состояние экстремальное, крайнее, у которого, однако же, свои законы – не действующие ни на стадии «до», ни на стадии «после». Заодно проясняется и различие этих двух понятий – «социальный экстремум» и «экстремальное явление». Социальный экстремум – родовое понятие по отношению ко всем этим понятиям, оно несет в себе категориальный смысл, в силу чего может быть, как я пытался показать, основой построения теории, может быть организующим и системообразующим для научного знания. Это понятие появляется в ответ на жгучую социальную потребность – потребность объяснения явлений особого рода аномии и правового беспредела в обществе.

Свобода и государственное насилие – так ныне артикулирована контрверза, лежащая в основе теоретического рассмотрения проблемы социального экстремума.

7. Методологическая роль теории правового беспредела в исследовании современного российского общества.

Исследования беспредела и социального экстремума, как мне представляется, связано с общими изменениями в методологии социального познания, которое приобретает принципиально трансдисциплинарный характер. И в самом деле – попробуйте при анализе этих феноменов отделить вопросы политики от вопросов экономики, проблемы эпистемологии от проблем социальной философии и социальной психологии. Ведь и сам социальный экстремум – не укладывающееся в нормативные рамки состояние социума, при котором крайних значений

достигают показатели коммуникативных отношений как всех межгрупповых, так и межличностных, то есть социальные отношения либо близки по напряженности к состоянию взрыва и самоуничтожения, либо столь же близки к затуханию и, следовательно, уничтожению вследствие слабости каких бы то ни было контактов между структурными элементами социума.

На первый взгляд, есть существенная разница между такими, допустим, различными видами понимания экстремума: экстремум трактуется как сверхнормативный, предельный активизм, с одной стороны, и полная или почти полная автаркия, с другой; или же экстремум выглядит как одна-единственная альтернатива, так сказать, «нормальному» состоянию общества, и тогда у социально-экстремального остается лишь обыденный негативный смысл, сводящийся без остатка к представлению об аномии (а это означало бы, само собой, что нет необходимости в этом новом понятии).

Поэтому, придерживаясь в целом той трактовки социальной эволюции, которая содержится в философско-исторических работах Ю. И. Семенова и которая предполагает многомерность в эволюционном развитии человечества, я разделяю положение о том, что сущность социальных реалий в теории экстремума не может быть вскрыта как в рамках плюрално-циклического, то есть цивилизационного подхода к истории, так и в разных вариантах унитарно-стадиальной картины исторического процесса, в том числе и в рамках ортодоксальной версии марксистской теории общественно-экономических формаций. Настоятельно необходим для получения адекватной картины социума в целом и его отдельных состояний синтез теории общественно-экономических формаций с эстафетно-стадиальным взглядом на историю – такой подход к истории, который Ю. И. Семенов назвал эстафетно-формационным. Синтез унитарно-стадиального в единстве многообразия (принцип монизма) здесь противостоит цивилизационному подходу (принцип эклектизма) как результат применения трансдисциплинарной методологии.

К сказанному, пожалуй, можно бы добавить лишь несколько слов для того, чтобы подчеркнуть педагогическую значимость, которую могут иметь все эти размышления: теория экстремума и приобретет статус

научного понятия представление о правовом беспределе неизбежно вызывает потребность перенести на почву воспитания практические следствия из рекомендаций по преодолению негативных последствий социальных экстремумов. Четкая теоретическая картина социального экстремума может стать орудием преодоления той разногласицы, которая так опротивела всякому думающему педагогу и которая за лозунгами плюрализма и компаративизма скрывает обыкновенную теоретическую растерянность и неспособность обрести действительное конкретно-синтетическое единство во взгляде на социальную реальность, что для преподавания социальной философии и всей гуманитаристики представляет первостепенную важность.

Невозможно переоценить значимость понятия «правовой беспредел» для современной социальной практики. Правовое творчество и правосознание в условиях социальной нестабильности – вещь, которая не может не занимать как политических деятелей разных уровней, так и всех мыслящих людей, которые живут в условиях этого общества и которые сознательно заинтересованы в том, чтобы социальные трансформации происходили, не сопровождаясь чудовищными потоками крови. Масса уроков и предостережений вытекает из анализа взаимоотношений между свободой и правовым беспределом.

Следует отдать полный отчет в том, что комплексный характер проблемы – это отнюдь не препятствие для монодисциплинарного ее рассмотрения. Более того, есть своя логика в том, чтобы рассматривать беспредел с той или другой – особенно социально значимой в каждый данный момент – стороны. Моя задача, однако, была гораздо скромнее: я хотел привлечь внимание к важной категории социального познания, утвердить ее категориальный статус. А для этого, как мне представляется, необходимо именно трансдисциплинарное исследование. Лишь тогда предостережения смогут быть услышанными.

8. Заключение. К решению проблемы правового беспредела и свободы.

Уже экзистенциалисты поставили осознание свободы в связь с положением о проявлениях крайних и неведомых дотоле философскому сознанию состояний. Эти пограничные состояния экзистенциалистов, однако, ни в каком прямом отношении с тем

беспределом, о котором идет речь в данном тексте, не находятся. Правовой беспредел – не просто помещение человека или его собственный сознательный выход в пограничную ситуацию.

На самом деле правовой беспредел – это такое состояние общества, при котором люди, – члены этого общества – если даже и имеют сознание своей несвободы, не имеют возможности прорвать рамки, пределы этого состояния. Если для экзистенциалистов у человека в таком состоянии есть выбор, у людей в состоянии правового беспредела его нет. Отсутствие выбора – и есть принцип правового беспредела.

Существует ли в этих условиях свобода? Я рассматриваю эту проблему одновременно как философскую, культурологическую и социологическую – в первую очередь, но не только. Нельзя, например, игнорировать в этом рассмотрении различные разделы прикладной социологии – социологии как массы (не системы!) различных дисциплин, к каждой из которых имеет прямое отношение данная тема. Это пронизывание и обуславливает необходимость того, что я обозначил как трансдисциплинарное отношение к проблеме свободы. Именно свобода пронизывает все человеческое бытие, а потому и проблема свободы практически решается в самом бытии, а значит, и теоретически она должна решаться на материале всего человеческого бытия, взятого как целостность.

Выше я оставил без ответа вопрос: а не сохранилась ли система беспредельного насилия над человеческой свободой в условиях господства властной вертикали? И недавно: этот вопрос только теперь может быть понят как вполне риторический. Ведь для ответа на этот вопрос придется принять во внимание ту эволюцию, которую претерпело современное общество и его системообразующие структуры. А смысл этой эволюции, как ранее было сказано и как это ныне все отчетливее осознается, состоит в переходе к особой форме «концентрического» мироустройства, в котором «центр» составляет то, что раньше называли (почти столь же условно) Западом. Это страны с развитой экономикой, подчиняющие себе экономически остальные страны – страны периферии. В свою очередь «периферия» – экономически подчиненные центру страны – подразделяются на (политически) зависимые от центра и (политически) относительно-

но независимые от него. Если до недавнего времени неополитаризм и империалистический Запад составляли основу мирового противостояния, распространявшегося и на «третий мир», то ныне противостояние переносится в сферу отношений Центр – Периферия. Следствия такой трансформации многозначительны: анализ показывает, что знакомые проявления классовой борьбы, одним из которых и был правовой беспредел, перемещаются ныне в сферу межгосударственных отношений. И тогда оказывается, что главными проявлениями государственного бандитизма и государственного терроризма становятся страны мирового Центра, распространяющие политическое давление средствами массового террора, в которые выливаются все современные локальные войны, провоцируемые и проходящие под контролем мирового Центра. Ни

в чем не провинившиеся массы детей, женщин и стариков, убитые при бомбардировке целых стран и регионов – это ли не картина величайшего беспредела, перед которым бледнеют исторические картины жесточайшей эксплуатации? Стоит задать такой вопрос, как ответ будет подразумеваться: современный цивилизованный правовой беспредел вырождается в еще более страшную при всей ее внешней странности форму – в форму предельного бесправия.

Вопросов, как всегда, гораздо больше, чем ответов. Однако условие ответов – научно зрелая постановка вопросов. Лишь тогда в понятиях «социальный экстремум» и «правовой беспредел» отчетливо выступит универсальное содержание, осознание которого внесет, я полагаю, толику в лучшее понимание путей завоевания реальной свободы для всего человечества.

ССЫЛКИ

1. Кошелев, М. И. Беспредел: Философско-трансдисциплинарный очерк. – М.: «Горизонт», 1999. – 112 с.
2. «Слово «беспредел», изначально употреблявшееся исключительно в преступной среде, постепенно вошло в повседневный лексикон других групп и теперь стало общепотребительным. Время от времени его используют в публичных выступлениях члены российского политического руководства». Волков, В. Силовое предпринимательство. – СПб.: М.: Европейский ун-т; Летний сад, 2002.
3. Кошелев, М. И. Социальный экстремум: Философско-социологический анализ. – М.: Горизонт, 2000. – 200 с.
4. Подробнее в работах Ю. И. Семенова и первую очередь в его фундаментальном труде «Философия истории»: Семенов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М.: «Современные тетради», 2003.
5. Вебер, М. Политика как призвание и профессия. // Вебер, Макс. Избр. произв. – М., 1990.
6. Волков, В. В. Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства. Исследовательская гипотеза // Университетская политология России / Сб. ст. – М.: «Полис», 1999. – 256 с.
7. Хотя и здесь в ходу разнообразные кривотолки. Как верно отмечает один из наиболее вдумчивых теоретиков (и практиков!) терроризма, «Большинство людей имеет обобщенное и достаточно смутное представление о том, что является собой терроризм, многим недостает ясного и по-настоящему правильного толкования данного слова». См.: Хоффман, Брюс. Терроризм – взгляд изнутри = inside terrorism. – М.: Ультра. Культура, 2003.
8. Ю. И. Семенов. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. – М., 1980.
9. Аснер, Пьер. Насилие и мир: От атомной бомбы до этнических чисток. – СПб.: Книгоиздательство «Всемирное слово», 1999. – 352 с.
10. Маркс, К., Энгельс, Ф. Манифест Коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2. Т. 4.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аснер П. Насилие и мир: От атомной бомбы до этнических чисток. – СПб.: Книгоизд-во «Всемирное слово», 1999. – 352 с.
2. Волков, В. Силовое предпринимательство. – СПб.: М.: Европейский ун-т; Летний сад, 2002. – 282 с.
3. Капустин, Б. Г. «Свобода от государства» и свобода через государство: о нелиберальности посткоммунистической России и ответственности либералов // Вопросы философии. – 1996. – № 7. – С. 66 - 75.
4. Коган, Л. А. Триединство свободы // Вопросы философии. – 1997. – № 5. – С. 31—43.
5. Козлихин, И. Ю. Идея правового государства: история и современность. – СПб: Изд-во С-Петербур. ун-та, 1993. – 152 с.
6. Кошелев, М. И. Беспредел: Философско-трансдисциплинарный очерк. – М.: «Горизонт», 1999. – 112 с.
7. Кошелев, М. И. Социальный экстремум: Философско-социологический анализ. – М.: Горизонт, 2000. – 200 с.
8. Ликас, А. Л. Культура правосудия. – М.: Юрич. литер., 1990. – 174 с.
9. Маркс, К., Энгельс, Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч.: Изд. 2-е. Т. 4. – С. 419–459.
10. Семенов, Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М.: «Современные тетради», 2003. – 776 с.
11. Хоффман, Брюс. Терроризм – взгляд изнутри = inside terrorism. – М.: Ультра, Культура, 2003. – 264 с.

УДК 94(53)

ББК 63.3(536)

Всеобщая история, история Ближнего Востока,
международные отношения, политология

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С КНЯЖЕСТВАМИ ЗАЛИВА В ПЕРИОД с 1968 по 1973 гг.*

Доктор исторических наук Ю. И. Лосев,
И. В. Комерова

Статья раскрывает политическую ситуацию в районе Персидского залива в 1969-1973 гг. После вывода английских войск в 1968 г. из зоны Персидского залива правительство Великобритании решило учредить подконтрольную федерацию стран, расположенных в этом регионе. Однако Саудовская Аравия сумела наладить тесные отношения со всеми княжествами Аравийского полуострова, урегулировать пограничные споры и включить их в сферу своей политики, базирующейся на феодально-монархической основе. Использовались факторы страха перед национально-освободительным движением и гегемонистскими устремлениями Ирана.

Ключевые слова: Персидский залив, нефть, военно-морская база, федерация, княжество, султан, острова, монархия, Аравийский полуостров, Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ)

В январе 1968 г. лейбористское правительство Англии приняло решение о выводе всех войск Великобритании из Персидского залива. В это время присутствие английских войск уже не могло гарантировать контроль британских монополий над этим районом и его нефтяными богатствами. Дальнейшее сохранение методов открытого колониализма в конечном итоге могло привести к окончательной потере позиций нефтяных монополий в этом районе. Английская газета «Таймс» отмечала, что «многие деятели нефтяной промышленности считают вооружённые силы раздражающим фактором» [12, 18.01.1968]. В этих усло-

виях английскому правительству необходимо было осуществить «сложный маневр в сложной обстановке» [3, С. 17].

Планируемый вывод войск, помимо того, что не ликвидировал полностью британское военное присутствие в Заливе (Англия сохраняла военную базу на о. Масира), давал Англии возможность сохранения своего экономического и политического влияния.

Известие о предполагаемом выводе британских войск было встречено в этом районе по-разному. Иран и Ирак, правда, по разным причинам, приветствовали этот шаг. Но для правительств аравийских княжеств – Бахрейна, Катара и княжеств Дого-

* Под княжествами Залива в отечественной историографии подразумеваются Кувейт, Бахрейн, Катар, Оман, ОАЭ.

ворного Омана – эта акция была неожиданной [8, 20.06.1981].

Саудовская Аравия в связи с решением правительства Англии выразила «свое недоумение и сожаление» [10, 13.02.1968], однако позже отношение к этим планам в княжествах и в Саудовской Аравии изменилось. Во время визита в регион специального представителя английского правительства Гронви Роберта в январе 1968 г. правительствам княжеств и Саудовской Аравии были даны разъяснения о сущности принятого решения, которое предполагало «переложить заботу об охране порядка в районе залива на прилегающие к нему страны, разумеется, с сохранением господствовавших в них монархических режимов, а также с соблюдением определённого равновесия сил, при котором исключалась бы опасность возвышения одной из местных стран над другими» [3, С. 11]. Таким образом, правительство Англии обязалось способствовать сохранению «статус-кво» в заливе и после вывода своих войск. Саудовская Аравия в свою очередь взяла на себя «заботу» об охране порядка в районе Персидского залива, в особенности Нижнего залива, что отвечало её давним гегемонистским устремлениям.

Принимая решение о выводе войск, английское правительство пыталось найти наилучшие пути сохранения в районе залива своего экономического и политического влияния. В этих целях был выдвинут план объединения Бахрейна, Катара и княжеств Договорного Омана в некую федерацию, которой Англия предполагала передать власть после вывода своих войск.

Это была не первая попытка Англии и США объединить княжества в федерацию. Такие попытки предпринимались и в прошлом. В переговоры по этим вопросам привлекались также Иран и Саудовская Аравия.

Однако ни одна из этих многочисленных попыток успеха не имела. Основными причинами были разногласия как между Англией, Ираном и Саудовской Аравией, так и противоречия между самими предполагаемыми участниками федерации.

Решение о выводе английских войск заставило правителей эмиратов искать пути преодоления противоречий и объединения в федерацию. С инициативой её создания выступили правители эмиратов Абу-Даби и

Дубай [3, С. 25]. В феврале 1968 г. правители этих двух эмиратов провозгласили создание федерального союза между ними и обратились к правителям других эмиратов с призывом присоединиться к этому союзу [10, 29.03.1968]. Одновременно активные переговоры по вопросу создания федерации велись между Англией, Ираном, Саудовской Аравией и Кувейтом. Позиция Ирана по отношению к созданию федерации определялась его претензиями на Бахрейн. Однако, в дальнейшем, после передачи решения о статусе Бахрейна в ООН и проведении референдума о будущем статусе страны были признаны суверенитет и независимость эмирата и в мае 1970 г. Иран официально отказался от своих притязаний. Вместе с тем Иран сохранил свои претензии на острова Томбе Бозорг, Томбе Кучек (Большой и Малый Томб) и Абу Муса в Заливе, принадлежавшими мелким эмиратам Шарджи и Рас эль-Хайма (ныне входящим в ОАЭ) [3, С. 115]. В конце 1971 г. Иран достиг соглашения по Абу-Муса с Шарджой, по которому практически поставил под свой контроль весь остров [2, С. 765]. Но султан Рас эль-Хаймы отверг соглашение с Ираном, и 30 ноября 1971 г. иранские войска заняли все три острова. В дальнейшем Иран обусловил своё признание ОАЭ и установление с ним дипломатических отношений признанием его прав на захваченные острова.

Кувейт энергично поддержал планы по созданию федерации. Имея довольно сложные отношения с Ираком и некоторые неразрешённые пограничные проблемы с Саудовской Аравией, правительство Кувейта идее создания федерации увидело возможность укрепления своего положения и усиления влияния в регионе [1, С. 218].

Позиция Саудовской Аравии в процессе создания федерации была неоднозначной. 22 мая 1968 г. король Фейсал заявил, что «если федерация получит поддержку США и своих соседей, то после вывода английских войск в этом районе не должен образоваться вакуум. Мы такую федерацию поддержим» [11, 23.04.1968]. Вместе с тем, Саудовская Аравия стремилась к созданию такого объединения, которое находилось под её влиянием и позволил бы удовлетворить давние претензии королевства на часть территории Абу-Даби. Саудовская Аравия стремилась к созданию союза из девяти княжеств с участием Бахрейна и Катара,

что свело бы на нет претензии Ирана на Бахрейн и вместе с тем укрепило бы позиции Саудовской Аравии в её соперничестве за гегемонию в этом районе. Когда же создать таковой с участием Бахрейна и Катарра оказалось невозможным, Саудовская Аравия направила все свои усилия, чтобы ослабить позиции Абу-Даби в создании федерации. В конечном итоге правительство королевства заявило, что оно готово признать федерацию, но не её границы.

После того, как правители Абу-Даби и Дубая выступили с совместным заявлением о провозглашении федерации, 25 февраля 1968 г. в Дубае состоялась встреча правителей всех эмиратов. В результате переговоров было подписано Дубайское соглашение о создании с 30 марта 1968 г. Федерации арабских эмиратов [1, С. 5–9], куда вошли Бахрейн, Катар, Абу-Даби, Дубай, Шарджа, Рас-эль-Хайма, Фуджайра, Умм-эль-Койван и Аджман. В соглашении была определена структура органов власти федерации, которую возглавил Высший совет, состоявший из правителей эмиратов. Последние должны были поочередно занимать пост председателя Совета в течение одного года. Были также разработаны функции Совета.

Первое совещание правителей-членов Высшего совета, которое состоялось 25–26 мая 1968 г. в Абу-Даби, выявило наличие острых разногласий между членами федерации и закончилось полным провалом [1, С. 8]. Это было результатом существенных противоречий как между самими эмиратами, так и между Ираном, Саудовской Аравией и Кувейтом. Среди эмиратов шла борьба за влияние в будущей федерации. Занять главенствующую роль в федерации стремились правящие круги Бахрейна. Этим попыткам особенно сильное сопротивление оказывал Катар, пользующийся поддержкой Саудовской Аравии. Абу-Даби как самый богатый нефтью эмират также стремился занять в федерации ведущее место. Однако его население по численности значительно уступало и Катару, и Бахрейну (на 1971 г. Бахрейн – 216 тыс. чел., Катар – 130 тыс., Абу-Даби – 75 тыс.) и было почти поголовно неграмотным. В Абу-Даби лишь в 1966 г. было начато создание административного аппарата. В этом отношении преимущество Бахрейна и Катарра было явным.

Эти противоречия в полной мере проявились и на следующем совещании пра-

вителей княжеств, открывшегося 1 июля 1968 г. в Абу-Даби. Там было принято решение об учреждении Временного федерального совета (срок деятельности 1 год), на который была возложена задача решать все вопросы, связанные с созданием федерации. Ему, в частности, была поручена унификация денежной системы и почты, учреждение федерального флага, гимна, герба и официального бюллетеня. На совещании возникли острые споры относительно состава совета и кандидатуры председателя.

На этом этапе создания федерации весьма показательными для сложившейся ситуации были IV и V сессии Высшего совета, состоявшегося в мае 1968 г. в Дохе и в октябре 1968 г. в Абу-Даби. IV сессия приняла решение, согласно которому планируемая федерация должна иметь президента, вице-президента, кабинет министров и Национальную ассамблею, а также единую систему обороны, финансовую систему и внешнюю политику. Однако при обсуждении этого решения вновь возникли острые разногласия. Правители Бахрейна и Катарра отказались признать принцип равенства всех эмиратов и, ссылаясь на значительную численность населения подвластных им эмиратов, а также на их солидную экономическую базу, потребовали для себя особых прав, а для своих эмиратов – более широкого представительства в законодательных и исполнительных органах федерации. Сессия зашла в тупик и прервала свою работу [3, С. 20].

На V сессии была достигнута договорённость по ряду организационных вопросов. Временным президентом федерации был избран правитель Абу-Даби шейх Заид бен Султан ан-Нахайян, вице-президентом – правитель Дубая шейх Рашид бен Саид аль-Моктум, премьер-министром – шейх Халифа наследный принц Катарра. Однако в вопросах, касающихся полномочий центральных органов федерации, правительства и законодательных органов и принципах голосования участники сессии не смогли придти к какому-либо решению. Ожесточённые споры разгорелись вокруг министерских портфелей. Попытки присутствовавшего на сессии английского эмиссара Кроуфорда уладить конфликт успеха не имели.

Саудовская Аравия, недовольная избранием шейха Заида президентом федерации, побудила правителя Рас-эль-Хайма

покинуть совещание. Она также склоняла к этому правителя Катар. Саудовские верхи пытались сколотить некий «блок» из представителей Катара, Дубая и Рас-эль-Хайми, чтобы противостоять влиянию Абу-Даби в федерации. Как отмечала английская газета «Форин рипот», Фейсал относился с пониманием к руководителям Катара и Дубая в их оппозиции к шейху Заиду, который стремится стать «сильным человеком» в создаваемой федерации» [13, 16.10.1969]. Сессия прервала свою работу и решением всех сторон была отложена на неопределённое время. Таким образом, к концу 1969 г. переговоры о создании федерации зашли в тупик.

После провала октябрьского совещания в Абу-Даби разногласия между участниками федерации усилились. Немаловажную роль в этом играли столкновения собственных интересов правителей, переплетение родственных связей и, что особенно важно для нашей темы, определённые племенные традиции и трайбализм. На территории княжеств, входящих в ОАЭ, Бахрейн и Катар проживают 26 племён, принадлежащих к различным сектам и мазхабам ислама. Некоторые племена до сих пор кочуют по территории не одного, а нескольких княжеств и связаны родственными узами с племенами, проживающими на территории Ирана, Саудовской Аравии и Омана [5, С. 292].

Межплеменные противоречия усугублялись ещё более сложными и нерешёнными территориальными спорами. Такие проблемы существовали между Бахрейном и Катаром, между Саудовской Аравией и Абу-Даби, между Оманом и Рас-эль-Хаймой и т. д. споры уже велись не только из-за клочков солончаковой пустыни, но также из-за прилегающих к ним вод Персидского и Оманского заливов, где в перспективе тоже могла быть обнаружена нефть. Территориальные проблемы в связи с возможным наличием источников нефти имели не только огромное экономическое значение, но в связи с образованием федерации приобрели также политический характер.

В урегулировании пограничных проблем в этот период сказались заинтересованными нефтяные монополии, так как в условиях нерешённости этих проблем разведка и добыча нефти была сопряжена с трудностями политического характера. Поэтому в течение 1970 г. проводились интенсивные переговоры и были созданы сме-

шанные комиссии для решения вопросов, касающихся спорных нефтяных участков и уточнения границ. В этот период были осуществлены меры и заключены договорённости по разрешению многих пограничных проблем, рассмотрение некоторых выходит за рамки данной работы. Тем не менее, в начале 1970 г. появились признаки того, что английское правительство, убедившись в невозможности создать федерацию из 9 княжеств, предпринимает шаги для предоставления независимости Бахрейну и Катару и создания федерации из 7 эмиратов Договорного Омана. С этой целью в марте 1971 г. Англия заявила о своей готовности вывести войска из Залива к 10 декабря 1971 г.

Что касается Бахрейна и Катара, то ещё в начале 1970 г. стало ясно, что Бахрейн стремится обрести независимость и не будет участвовать в федерации. В период, когда Иран претендовал на Бахрейн, правящие круги этой страны видели в создании федерации возможность с большим успехом отстоять свою независимость и безопасность перед лицом иранских притязаний. Когда же Иран отказался от своих претензий (переговоры 1970 г.), интерес Бахрейна к федерации быстро угас. 14 августа 1971 г. Бахрейн объявил о своей независимости. Катар в этих условиях был не прочь остаться в федерации, где в отсутствии Бахрейна он смог бы играть ведущую роль. Официальные лица катара подчёркивали, что Катар по-прежнему стремился к созданию федерации [2, с. 382].

Однако, в результате противодействия правителей Абу-Даби и Англии, которая не была заинтересована в укреплении позиций Саудовской Аравии (за которой стояли США), Катару пришлось отказаться от участия в федерации. 2 апреля 1970 г. правитель Катара утвердил временную конституцию, объявлявшую Катар независимым государством. Официальное провозглашение независимости Катара состоялось 1 сентября 1971 г. [9, 21.10.1971].

6 июня 1970 г. султан Саид бен Теймур был свергнут своим сыном Кабусом бен Саидом, за спиной которого стояли англичане. Лондон рассматривал планы включения Маската в федерацию. Но из-за претензий правителя Маската на гегемонию в федерации эти планы не могли быть осуществлены [3, С. 56].

В первой половине июля 1971 г. пра-

вители 7 эмиратов собрались в Дубае, где они провели переговоры об образовании федерации. 13 июля 1971 г. 6 эмиратов из 7 образовали федерацию Объединенные Арабские Эмираты и подписали её временную конституцию. В последний момент в новую федерацию отказался войти правитель Рас-эль-Хайме. Предлогом для этого послужило то, что другие эмираты отказались предоставить Рас-эль-Хайме право вето в Высшем совете, наряду с Абу-Даби и Дубаем. Основной причиной было то, что эмираты отказались связать себя какими-либо обязательствами в отношении Рас-эль-Хайме в случае её конфликта с Ираном из-за островов, так как их судьба была предпрешена Англией и Ираном.

Образование ОАЭ приветствовали Англия, ряд арабских государств, в том числе Кувейт, однако отказались признать Ирак и Саудовская Аравия, имевшие территориальные притязания к Рас-эль-Хайми и Абу-Даби. Поэтому официальное провозглашение ОАЭ было отложено до 2 декабря 1971 г., а 10 февраля 1972 г. к федерации присоединилось и Рас-эль-Хайми. Саудовская Аравия не признала ОАЭ, ставя предварительным условием разрешение вопроса о принадлежности оазиса Бурайми. Таким образом, к началу 1972 г. в Заливе сложилась качественно новая ситуация. Закончилась эра безраздельного господства английского империализма, образовались молодые независимые государства.

Необходимо отметить, что правительству Саудовской Аравии, несмотря на все усилия, не удалось в 1968-1971 гг. достичь одной из своих главных задач в отношении бывших зависимых княжеств: образования такой федерации, где влияние Саудовской Аравии было бы неоспоримым. Не удалось создать федерации из 9 или 8 княжеств с участием Бахрейна и Катара. Не удалось также подорвать позиции султана Заида - правителя Абу-Даби, отношения с которым у правителей Саудовской Аравии можно назвать сложными. Как писал американский арабист Малькольм Пак, «саудида - отпрыски пустынной аристократии, с сильно развитым чувством собственного первенства и превосходства на полуострове, до сих пор смотрят на руководителей Нижнего залива (ОАЭ) как на глав родов и племён и не считают их равными себе по рангу и суверенным правам... Фейсал чрезвычайно чувствитель-

но относился к действительному или мнимому пренебрежению или неуважению к его личности» [11, № 40, 1972, С. 5].

Конечно, нельзя сказать, что политика Саудовской Аравии в отношении ОАЭ являлась выражением только личного отношения правительства королевства к президенту ОАЭ. Главную роль, в конечном итоге, сыграла та внешняя и внутренняя политика, которую стремился проводить шейх Заид. Сразу же после объявления независимости, в ОАЭ возник серьёзный внутренний кризис, вызванный борьбой между двумя течениями в правящих кругах страны: федералистами - сторонниками укрепления центральной власти и традиционалистами - сторонниками возможно более широкой автономии для отдельных, входящих в ОАЭ эмиратов. К федералистам принадлежали правители Абу-Даби и Шарджи, к традиционалистам - правители Дубая и Рас-эль-Хаймы [3, С. 34]. Первые пользовались поддержкой горожан, формирующихся буржуазии и интеллигенции. Вторые - поддержкой старой родоплеменной и феодальной аристократии, которая опасалась за свои права и привилегии. Саудовская Аравия поддерживала традиционалистов и пыталась любыми путями укрепить их позиции. В этот период позиция Саудовской Аравии в данном вопросе определялась не только и не столько отношением к тому или иному правителю, а главным образом тем, что процесс централизации власти в федерации мог выйти за рамки, предполагаемые султаном Заидом и его сторонниками, и в конечном итоге привести к ликвидации власти правителей, к созданию республиканского или близкого к нему режима. Поэтому в 1972 г., сразу после создания ОАЭ, саудовские правящие круги стали предпринимать усилия для укрепления фронта традиционалистов. С этой целью при поддержке Саудовской Аравии были развязаны мятеж в княжестве Шарджа, межплеменная война между Шарджой и Эль-Фуджейрой (январь и июнь 1972 г.) и в дальнейшем такие конфликты, поощряемые извне, происходили часто. В это же время Саудовская Аравия оказывала давление на президента ОАЭ в вопросах внешней политики, порвав достигнутое в феврале 1972 г. соглашение между ОАЭ и СССР об обмене дипломатическими представителями.

Военно-политическое давление Саудовской Аравии зимой-весной 1972 г. испытали

на себе не только ОАЭ, но и Катар. Там при активной поддержке Саудовской Аравии произошёл военный переворот. С целью поддержки его участников и нового шейха Халифа бен Хамад ат-Тани правительство королевства сосредоточило на границе с Катаром войска численностью в девять тысяч человек [9, № 11, 1977, С. 3].

Особое внимание в этот период правители Саудовской Аравии уделяли своим отношениям с Бахрейном. Интенсивно развивались экономические отношения между двумя странами. Совместно с другими арабскими нефтедобывающими странами Саудовская Аравия оказывала Бахрейну финансовую помощь, которая в 1970-1974 гг. достигла 58,2 млн. долл. [8, № 11, 1976]. Чрезвычайно большое значение для нормальной деятельности нефтеперерабатывающего завода на Бахрейне имеют поставки сырой нефти из Саудовской Аравии, объём которой постоянно увеличивается. Используя свои широкие экономические связи и финансовую помощь, Саудовская Аравия пыталась в этот период усилить религиозное и консервативное начала во внутренней и внешней политике этой страны [6, С. 96]. При этом она старалась уменьшить влияние Кувейта, опыт государственного строительства которого вызвал большой интерес у бахрейнских правителей. Бахрейн стремился перенять опыт Кувейта в создании конституции и парламента. Тяготение Бахрейна к Кувейту вызывало настолько серьёзную озабоченность в Саудовской Аравии, что она попыталась использовать в своих целях шиитское меньшинство на Бахрейне - наиболее отсталую и консервативную часть населения с тем, чтобы противодействовать проведению каких-либо либеральных реформ в этой стране. Именно под давлением саудовского руководства жёстким на Бахрейне было отказано в предоставлении избирательных прав [6, С. 97]. Но необходимо подчеркнуть, что разногласия по отдельным вопросам не сказывали решающего влияния на взаимоотношения обеих стран. В общем и целом внешняя политика Бахрейна не отличалась от внешней политики Саудовской Аравии.

Важные изменения произошли в этот период в саудовско-оманских отношениях. Известно, что Саудовская Аравия в своих корыстных целях оказывала некоторую поддержку имаму Галебу, который боролся

за независимость имамата Оман против попыток англичан присоединить последний к Маскату. Главная цель, которую Саудовская Аравия преследовала в тот период, заключалась в том, чтобы ослабить позиции Англии в этом районе и тем самым добиться в свою пользу решения вопроса об оазисе Бурайми. Как упоминалось выше, в июле 1970 г. в Маскате произошёл переворот и к власти пришёл султан Кабус при поддержке англичан. Новый султан в своей внешней политике преследовал две главные цели: признания и укрепления своего режима в арабском мире; и получения поддержки консервативных режимов в регионе для борьбы против национально-освободительного движения в Дофаре [5, С. 64]. Чтобы добиться этого султан Кабус пошёл на ряд уступок Саудовской Аравии. Во время своего визита в Эр-Рияд в декабре 1970 г. он сделал ряд территориальных уступок и заявил о полной поддержке политики Саудовской Аравии в Заливе [6, С. 26]. В ответ Саудовская Аравия прекратила все формы помощи оманским повстанцам и блокировала все пути их снабжения, которые проходили через пустыню Руб эль-Хали. Одновременно Саудовская Аравия обещала оказать Оману финансовую помощь [6, С. 186].

В это время саудо-оманские связи вышли далеко за рамки двусторонних отношений. Сразу же после установления дипломатических отношений в конце 1971 г. саудовские правители и султан Омана начали тесно координировать свои действия, направленные на борьбу с национально-освободительным движением на юге аравийского полуострова. Арабская печать писала о наличии широкого заговора, ставившего целью свержение прогрессивного режима в НДРЙ и отторжения от неё провинции Хадрамаут [8, 10.12.1972]. В этот период участились вторжения сил наёмников на территорию НДРЙ с территории Саудовской Аравии. В целом с 1971 г. по 1973 г. происходило быстрое сближение двух монархий.

Период 1968-1973 гг. оставил заметный след в саудо-кувейтских отношениях, которые можно характеризовать как стабильные. Проблема богатой нефтью нейтральной зоны была разрешена ещё в 1965 г., когда обе страны решили разделить её на два сектора. В 1969 г. было подписано соглашение о демаркации сухопутной границы между Саудовской Аравией и Кувейтом

в нейтральной зоне. После ратификации сторонами этого соглашения в 1970 г. бывшая Нейтральная зона стала называться Раздельной зоной [4, С. 116]. Важным фактором, обусловившим тесные связи между Кувейтом и Саудовской Аравией, были неоднократные ирако-кувейтские конфликты. Имея в виду, что пограничные конфликты с Ираком могут принять характер широкого военного столкновения, Кувейт стремился обеспечить на этот случай военную поддержку Саудовской Аравии.

Очередное обострение ирако-кувейтских отношений произошло в марте 1973 г., когда на границе между двумя странами происходили вооружённые столкновения. Причиной конфликта было желание Ирака поставить под свой контроль острова Варба и Бубиян. Эти события резко обострили обстановку в районе. По просьбе Кувейта, Саудовская Аравия ввела в эту страну свои войска (численностью в 15 тыс. человек). Одновременно крупные контингенты саудовских войск были сконцентрированы на кувейтской границе [4, С. 196]. Многочисленные переговоры между Ираком и Кувейтом в рассматриваемый период результатов не принесли. Вопрос о границах двух стран так и остался открытым. Военная и дипломатическая поддержка Кувейта Саудовской Аравией сыграла определённую роль в дальнейшем развитии отношений между двумя странами. Несмотря на то, что оставался ряд нерешённых проблем (делимитация терри-

ториальных вод и континентального шельфа Разделённой зоны, статус островов Кару и Умм-эль-Марадим и т. д.), сотрудничество и координация внешней политики их правительств основывается на очень широкой основе взаимных интересов в борьбе за сохранение и усиление консервативных сил в регионе. Поэтому факторы соперничества в этот период никак нельзя назвать определяющими.

В целом в 1969–1973 гг. Саудовская Аравия сумела наладить тесные отношения со всеми княжествами аравийского полуострова и создать предпосылки для урегулирования существовавших между ними пограничных и других проблем. Саудовская Аравия добилась некоторых успехов в плане включения этих стран в орбиту своей политики. Этому немало способствовал страх правителей монархий перед национально-освободительным движением в регионе. Правители княжеств видели в Саудовской Аравии гаранта существовавших феодально-монархических структур и сильного союзника в борьбе против прогрессивных сил. Сближению этих княжеств с Саудовской Аравией способствовали также опасения перед гегемонистской политикой Ирана. Таким образом, период 1969–1973 гг. стал важным этапом в становлении и дальнейшем развитии существующих ныне на Аравийском полуострове межгосударственных отношений.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ба`д мунталакат аль-вахдийя фиактар аль-халиджи аль-араби. – Басра, 1979.
2. аль-Васаик аль-арабийя. 1973. Бейрут, 1974.
3. Бодянский, З. Л., Мустафьев, С. Р. Объединённые Арабские эмираты. История политико-государственного развития. – М. 1978.
4. Фаузи. Аль-холидж аль-араб. – Багдад, 1978.
5. Emele A.N. Bahrain. L. 1989.
6. Town sent L. Oman. – N.Y. 1967.
7. Аль-Ахбар. Каир. Египет.
8. Аль-Мавакиф. Манама, Бахрейн.
9. Arabia and the Gulf. L.
10. Daily Telegraph. L.
11. New York Times. N.Y.
12. Times. L.
13. Foreign Report. L.

УДК 502.7+520.3

ББК 22.6

Экология космоса, астрофизика, геофизика

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА КОСМОСА

Кандидат технических наук А. К. Муртазов

Представлены некоторые результаты астрономических наблюдений с использованием электронной оптики. Подобные методы позволяют организовать экологический мониторинг загрязнения околоземного пространства, а также разнообразные астрофизические исследования.

Ключевые слова: экологический мониторинг, околоземное пространство, цифровые приемники излучения.

Организация астрофизических и экологических исследований околоземного пространства малыми телескопами, которыми оснащена основная часть университетов страны, является в настоящее время достаточно актуальной задачей (Муртазов, 2004).

К малым телескопам во всем мире сейчас относят телескопы с диаметром объектива (главного зеркала) порядка 1 м (1. Бочкарев, 2005). Большинство университетских обсерваторий нашей страны оснащены инструментами диаметрами объективов от 25 до 50 см.

Исследования последних лет показали, что оснащение малых телескопов университетских обсерваторий современными цифровыми приемниками излучения (ПЗС-матрицами) с соответствующей компьютерной регистрацией и обработкой позволяет проводить исследования на хорошем научном уровне. Тогда университетские обсерватории представляют собой сеть, способную решать задачу астрономического и экологического мониторинга, учебную и просветительскую работу, дополняя немногочис-

ленные обсерватории РАН, а часто вести и самостоятельные научные исследования (2. Захарова, 2005).

В качестве примера можно привести результаты, полученные с простейшими ПЗС-камерами на телескопах астрономической обсерватории Рязанского госуниверситета имени С. А. Есенина.

Камера NexImage Solar System Imager (матрица 4,5 мм; HAD; цветной ПЗС; разрешение: VGA 640x480; размер пикселя: 5,6 мкм; чувствительность: < 1 лк) с помощью фокусировочного узла устанавливалась на 250-мм (1:10) экспедиционный кассегреновский телескоп обсерватории, имеющий часовой механизм.

На рис. 1 представлен 1 кадр из avi-файла с изображением Юпитера, полученный этим комплексом.

При наблюдениях в фокусе Кассегрена поле зрения оказывалось весьма малым. Поэтому использовались также фотообъективы МТО-1000 и МТО-500. Телескоп в этом случае использовался в качестве искателя (рис. 2 – Луна).

Рис. 1. Цифровое изображение Юпитера в фокусе телескопа Кассегрена. Единичный кадр

Рис. 2. Цифровое изображение Луны в фокусе объектива МТО-500. Единичный кадр

Основными параметрами любого приемного устройства в астрономии являются время накопления сигнала, отношение «сигнал-шум» S/N , возможность быстрой обработки полученных результатов. То есть при наблюдении слабых источников существенным фактором является время t накопления сигнала (до насыщения канала измерения). Динамический диапазон между минимальным и максимальным значениями измеряемого сигнала для ПЗС-матриц составляет 10^5 и более. Тепловые шумы снижаются охлаждением. В результате время единичной экспозиции может составлять от нескольких минут до нескольких часов. Этот случай реализуется в большинстве астрономических наблюдений и используется при ПЗС-наблюдениях астрономических объектов, имеющих достаточно малые собствен-

ные движения, включая астероиды, геостационарные спутники и мусор на геостационарных орбитах (З. Барабанов и др., 1998).

Важной особенностью подобных систем является то, что все их параметры одинаково зависят от времени, то есть отношение «сигнал-шум» S/N от времени накопления одного кадра t не зависит: накопление сигнала можно осуществлять суммированием большого числа отдельных видеокадров без ухудшения соотношения «сигнал-шум».

Суммирование видеокадров позволяет решать задачи, которые не могут быть решены в наблюдениях с длительными экспозициями в системах с одной ПЗС-матрицей: Исключение кадров с помехами; расширение динамического диапазона системы; компенсация сдвига изображения из-за неточной работы часового механизма телескопа и др. Это делает их весьма привлекательными с точки зрения экологического мониторинга околоземного пространства.

Для мониторинга загрязнения околоземного пространства используется система, основанная на черно-белой телевизионной камере КРС-650ВН фирмы «КТ&С»

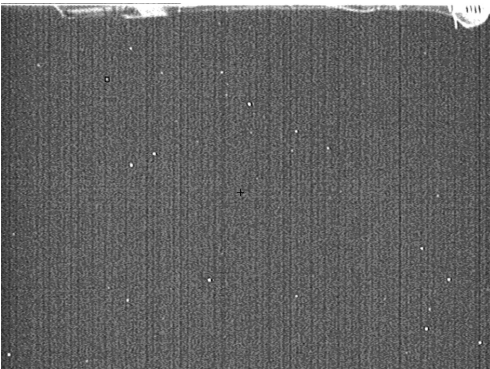

Рис. 3. Композитное изображение области Кассиопея-Персей-Андромеда на 1/3" матрице камеры КРС-650ВН с широкоугольным объективом (крестик-центр кадра, выделен «горячий пиксел»)

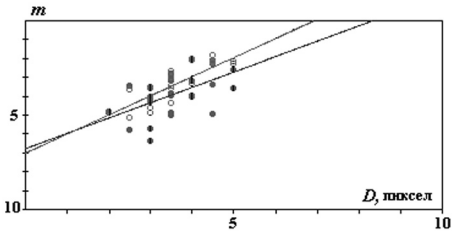

Рис. 4. Аппроксимация зависимости диаметр изображений (D) – блеск (m) прямыми

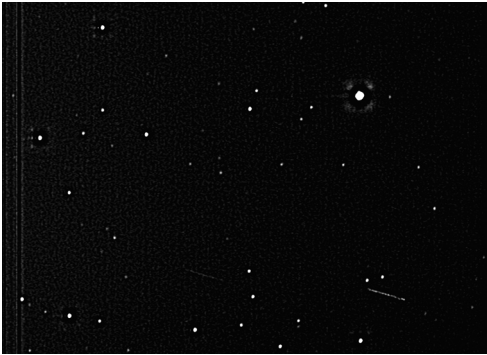

Рис. 5. Композитное изображение области вблизи α Персея на 1/3'' матрице камеры KPC-650BH с 200-мм объективом

(Корея), снабженной 1/3'' матрицей SONY EX-View. Камера регистрирует информацию в аналоговом режиме, поэтому ее можно сохранять на видеомэгнитофон, видеокамеру с аналоговым входом, а также посредством TV-тюнера на компьютерные системы.

Питающей оптикой служат широкоугольные объективы.

Использование объектива SSE0612NI F1.2 диаметром 6 мм (диаметр зрачка человеческого глаза) с этой 1/3'' матрицей ограничивает поле зрения до 50° при искажениях на краю поля зрения до $\sim 0,5^\circ$. Предельная величина звезд, регистрируемая в телевизионном режиме, составляет $\sim 4-4,5^m$.

Камера KPC-650BH захватывает непрерывное видеоизображение наблюдаемого объекта в формате *avi*. Видеозапись легко раскладывается на отдельные кадры, которые могут быть сложены в одно изображение. В результате этого значительно уменьшаются электронные шумы, что дает возможность получить как эффект квазиаккумуляции, так и детализации изображения. Данная методика основывается на том факте, что отношение сигнал/шум в итоговом суммированном изображении пропорционально квадратному корню от количества суммированных кадров $S/N \propto n^{1/2}$.

Это позволяет проводить наблюдения слабых объектов, имеющих малое собственное движение, например, малых тел Солнечной системы.

На рис. 3 представлен композитный ПЗС-снимок участка звездного неба в районе Кассиопеи-Персея, полученный с широкоугольным 50°-объективом. Отличие его от единичного кадра в том, здесь колебания изображений звезд и фона, вызванные дро-

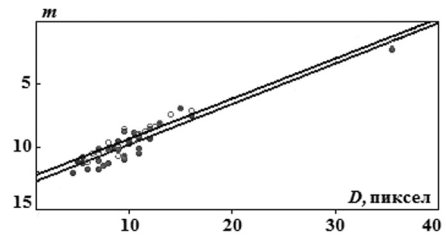
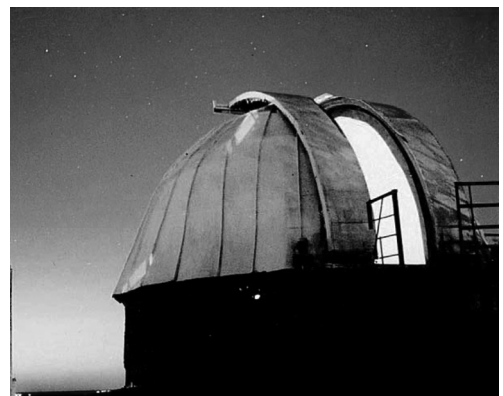

Рис. 6. Предельный блеск звезд для 200-мм объектива

жанием атмосферного, теплового, технического (сотрясения) и электронного (работа передающих антенн сотовой связи) происхождения, сглажены. Такой снимок, полученный сложением в пакете RegiStax 50-100 кадров из *avi*-файла, дает возможность проводить позиционные и фотометрические измерения.

Зависимость блеск-диаметр звезд для этого снимка хорошо аппроксимируется прямой (рис. 4). Здесь кружки со сплошной закрашкой соответствуют фотографическим величинам. Уверенно различимы звезды, имеющие визуальную звездную величину V не более 5,5, при этом изображения звезд имеют диаметр не менее 2 пиксель. Максимальная фотографическая звездная величина составляет 6,5. Графики визуальной и фоторграфической звездных величин имеют точку пересечения близкую к 6-ой звездной величине при диаметре изображения 1 пиксель.

Расчеты показывают, что в визуальной области можно обнаруживать: 1) искус-

Астрономическая обсерватория Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

ственные объекты в нижней части ОКП размерами от 0,2 м² и альbedo не менее 0,3 с любым видом рассеяния света их поверхностью; 2) метеоры с блеском от 3^m, то есть размерами, достаточно опасными для космической техники в космосе (Муртазов и др., 2007).

Таким образом, использование камеры КРС-650ВН с широкоугольным объективом позволяет осуществлять экологический мониторинг околоземного пространства как в телевизионном режиме, так и методом сложения изображений.

Наиболее заметно метод сложения изображений для камеры КРС-650ВН проявляется при работе с длиннофокусными объективами и телескопами, для которых резко уменьшается влияние фона. На рис. 5 представлен композитный снимок области α Персея, выполненный объективом Юпитер-21 (F=200 мм, d/F=1:4).

На этом снимке уверенно различимы звезды, имеющие визуальную звёздную величину не более 11,25, при этом изображения звёзд имеют диаметр не менее 6 пиксель. Объекты меньшего диаметра неотличимы от шумов. Тем не менее, можно по усреднённому графику (рис. 6) теоретически предположить, что звёзды оставляющие изображение диаметром 1 пиксель имеют визуальную звёздную величину 12,3 (при этом стандартное отклонение состав-

ляет 0,56). Максимальная фотографическая звёздная величина объектов дающих изображение диаметром 1 пиксель составляет 12,75 (при стандартном отклонении 0,66). При совмещении этих прямых видно, что они практически параллельны (коэффициенты угла наклона совпадают до второго знака после запятой).

Выигрыш в предельном блеске для телескопов астрономической обсерватории РГУ имени С. А. Есенина: 250-мм системы Кассегрена и 430-мм Ричи-Кретьена теоретически составит соответственно 3,5^m при поле зрения 10' и 4,7^m (поле зрения ~6'). Дальнейшее увеличение чувствительности возможно при охлаждении ПЗС-матрицы камеры и уменьшении наводок от систем питания. Система с такими параметрами позволит проводить исследования в области мониторинга малых тел Солнечной системы, астрофизические исследования астрономических объектов.

Таким образом, даже использование простых и дешевых ПЗС-приемников позволяет организовать астрофизические и экологические исследования астрономической обсерватории РГУ имени С. А. Есенина на современном уровне. Использование более чувствительных приемников излучения позволит значительно расширить круг исследований.

Работа выполнена в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» Министерства образования и науки РФ, Федерального агентства по образованию (проект РНП.2.2.3.1.1607).

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабанов, С. И., Неяченко, Д. И., Николенко, И. В. Наблюдение метеороидов и элементов космического мусора с оптическими системами на основе ПЗС-камер // Околоземная астрономия (космический мусор). – М.: Космосинформ, 1998. – С. 231–244.
2. Бочкарев, Н. Г. Роль малых и средних телескопов в астрономии: Тезисы Международного симпозиума «Астрономия 2005 – современное состояние и перспективы развития». – М.: Труды ГАИШ, 2005. Т. LXXVIII. – С. 5.
3. Захарова, П. Е. ВУЗовские обсерватории: состояние и перспективы: тезисы Международного симпозиума «Астрономия 2005 - современное состояние и перспективы развития». – М.: Труды ГАИШ, 2005. Т. LXXVIII. – С. 4.
4. Муртазов, А. К. Экология околоземного космического пространства. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2004. – 304 с.
5. Муртазов, А. К., Воскресенский, А. В., Колосов, Д. В., Титов, П. В. Экологический мониторинг загрязнения околоземного пространства оптическими средствами // Экологические системы и приборы. – 2007. – № 3. – С. 24–26.

УДК 150.19 + 371.04 + 401.9 + 573.8 + 612.8

ББК 74.024+88.3

Психология, педагогика, психолингвистика, нейрофизиология

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ГЕНЕРАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ЧЕЛОВЕКА (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Кандидат педагогических наук П. С. Нагоров

Современная информационная ситуация требует пересмотра педагогических технологий в сторону развивающего обучения, которое должно быть построено с использованием новейших достижений в области нейрофизиологии и психологии. Это обусловлено прежде всего тем, что связанная с четвертой информационной революцией обстановка не только изменила требования к подготовке специалиста, но и резко и стрессово воздействует на психофизическое состояние человека. Новая педагогическая генеративно-семантическая технология в общей системе развивающего обучения В. В. Давыдова – С. В. Неверковича должна способствовать гармоничному формированию нового человека.

Ключевые слова: генеративная семантика, информация, гармоничное образование, педагогическая технология, смена нейрофизиологических парадигм, развивающее обучение.

Педагогическая наука, следуя законам времени, развивается вслед за регрессивным или прогрессивным движением общества и основывается на общих достижениях всех наук. «Движение вслед» предполагает некоторое отставание от общего направления движения общества и поэтому педагогическую науку можно считать консервативной наукой. Но, с другой стороны, наука по определению не может быть консервативной. В этой связи речь может идти только о подготовке профессиональных кадров для обеспечения деятельности общества.

Основное направление социального развития определяется сегодня не столько

технологическим, сколько информационным взрывом, связанным с техническими возможностями хранения и передачи логическо-семантической информации [1, С. 143–146]. Система современного информационного воздействия не всегда благоприятно, а порой прямо отрицательно сказывается на психофизическом состоянии человека, что подтверждается данными психологических и медицинских исследований и, прежде всего, в средней школе, где более 80 % выпускников по состоянию здоровья не пригодны для полноценной профессиональной деятельности [2, С. 3].

Это обусловлено тем, что система среднего и высшего образования не готовит бу-

дущих специалистов к решению, в первую очередь, информационных проблем, связанных с освоением и переработкой логико-семантической информации, а эмоциональное воздействие средств массовой информации бесконтрольно (со стороны сознания) обрушивается на нашу жизнь, разрушая здоровые основы человеческой сущности [3, С. 26-33].

Спартианская система воспитания и образования В. И. Столярова (1997) [4, С. 9-127; 5, С.54-279; 6, С. 101-265; 7, С. 71-233] лишь частично решают проблему сочетания физической культуры и информационной грамотности для сохранения здоровья нации.

Информационная перегрузка создается за счет ножиц, на одном конце которых находятся взрывной рост общей мировой информации и развитие новых информационных сетей и технологий, а на другом – психические возможности современного человека с его медленно развивающимися способностями. В этой связи современные педагогические технологии не решают задач по развитию информационных способностей нового поколения, не говоря уже о системе подготовки и переподготовки зрелых специалистов.

Система развивающего образования, усиленно продвигаемая в конце прошлого века академиком РАО и её вице-президентом В. В. Давыдовым [8; 9], усилиями психогенетиков сводится в нашей стране на нет. Это весьма выгодная позиция для разделения общества на слои способных и неспособных и еще более выгодна для его оглушения. Очень удобно свалить всё на врожденные качества и заранее разделить всех на касты по своему разумению. Система образования сегодня строится по принципу профессиональной подготовки и узкопрофессиональной деятельности с учетом обслуживания малочисленных каст имущих, не касаясь глубинных сторон совершенствования психических качеств человека. Эта система приведет, в конечном счете, к деградации и последующему вымиранию многочисленных малых народов и общественных классов по их признаку интеллектуальной приспособленности и нужности на данном этапе индустриального развития.

Гуманность системы образования должна заключаться в предоставлении возможности (а не только права) получать не только востребованное профессиональное об-

разование, но и информационные способности по ориентации в общественном развитии и сохранении этим самым психического и физического здоровья и дееспособности. Забота о демографическом факторе должна базироваться не только на повышении уровня рождаемости для сохранения рабочей силы и солдат, но и в желании совершенствовать человека через гармонизацию его развития. Направленность на профессиональное образование за счет общих предметов и выхолащивания мировоззрения может иметь происхождение как преднамеренное, так и невежественное за счет торможения научных разработок в области педагогики и психологии. Недопустимо с точки зрения гуманизма сокращать финансирование гуманитарных работ, значительно увеличивая вливания в нанотехнологии. Быстрое развитие техники и индустриализация производства в сочетании с резким снижением качества жизни большинства населения уже на нашей памяти приводило к масштабным человеческим жертвам в первой половине 20 века.

Однако сегодня в мире объем знаний удваивается каждые 10 лет [10]. Если объем человеческих знаний в 1950 году принять за 100 единиц, то в 2005 году он составит уже 4800 единиц. И если попытаться сохранить уровень знаний выпускника средней школы на относительном уровне 55-летней давности, школе пришлось бы учить детей по старой методике 480 лет, не говоря уже о времени подготовки специалиста с высшим образованием. Сохранение и увеличение объема необходимой информации и одновременное сокращение часов обучения по отдельным дисциплинам приводят к поверхностному изучению предметов, снижению качественного уровня подготовки специалистов. Кроме того, в ведущих отраслях науки и техники объем знаний удваивается каждые 5 лет. А это значит, что вузовская подготовка специалистов уже отстает от современного производства.

Выход из создавшейся ситуации, на наш взгляд, необходимо искать в современных достижениях в области нейрофизиологии и нейропсихологии [11–14], которые позволяют уже сегодня сделать значительный опережающий весь остальной мир шаг в совершенствовании системы развивающего обучения и создании эффективной педагогической технологии расширения функ-

циональных и психических возможностей человека [15-16]. Задача должна состоять в преобразовании всей системы и технологий для обучения не только высококвалифицированных специалистов, но и для формирования всесторонне развитого, энциклопедически образованного, имеющего цельное мировоззрение, гуманистически и творчески мыслящего поколения [17, С.30-33; 3, С. 26-33].

Открытия, сделанные в этих областях науки, позволяют с уверенностью говорить о том, что человек – не закрытая, а постоянно усложняющаяся и совершенствующаяся в процессе жизни система, передающая своим потомкам результаты своей жизнедеятельности и совершенствования.

Развеемы предыдущие мифы-парадигмы, что во взрослом мозге нейроны погибают, но не рождаются, что гибель нейронов происходит очень быстро и нервные клетки не восстанавливаются, а морфо-функциональные перестройки ограничены и медленны. В нейрофизиологии произошла смена многих парадигм.

В 90-х годах многочисленными исследователями [18] было показано наличие во взрослом мозге стволовых клеток. В мозге они спонтанно дифференцируются в три основных типа клеточных элементов ЦНС – нейроны, астроциты и олигодендроциты. Новые нейроны, мигрирующие в структуры взрослого мозга, посылают аксоны к надлежащим мишеням, окружены функциональными синапсами и не отличаются от окружающих клеток, включаясь, таким образом, в существующие системы нейронов.

В настоящее время поток экспериментальных данных показывает возможность очень быстрых перестроек в мозге. При устранении афферентных путей периферических сенсорных зон происходит быстрая перестройка соответствующих нейронных представительства в мозге. В течение периода от нескольких минут до 1-3-х часов (по данным разных авторов) происходит полная реорганизация реактивности, рецептивных полей и топографического представительства в коре.

Быстроту наблюдающихся перестроек многие исследователи объясняют демаскировкой при повреждении (в соседних полях) или при активации (в стимулируемом поле) существующих, но в норме слабых или подавляемых горизонтальных связей

между соседними корковыми областями. Вариантом объяснения является особая организация таламо-кортикальных связей: центральная зона ветвлений таламических афферентов имеет диаметр не более 600 мкм, но соседние таламические клетки могут проецироваться на точки коры, отстоящие друг от друга на расстоянии до 1,5 мм.

Кроме этого, существует множество экспериментальных свидетельств того, что в основе функциональных перестроек, идущих в течение минут - часов, могут лежать морфологические преобразования связей и формирование новых синапсов, а не просто функциональное растормаживание предсуществующих контактов [18].

Все это позволяет говорить о развивающем обучении с использованием специальных упражнений, нацеленных на приобретение новых психических качеств отличных или хотя бы частично отличных от врожденных психических качеств [19; 20, С. 12-15].

Отношение обучения и развития представляет, по словам Л. С. Выготского, «самый центральный и основной вопрос, без которого проблемы педагогической психологии... не могут быть не только правильно решены, но даже поставлены» [21, С.374]. Таково было положение дел более 60 лет назад, когда написаны эти слова, оно сохраняется и по сей день. На наш взгляд, многие теоретические и практические аспекты педагогической психологии и психологической педагогики могут быть поняты лишь в зависимости от того, насколько серьезно и глубоко будут исследоваться не только проблемы чисто развивающего обучения, но и в связи с новыми открытиями в области нейрофизиологии. Речь должна идти, прежде всего, о гармоничном развитии личности (человека), что позволит достичь в обществе гармонии и процветания. В данном случае философия развивающего обучения должна касаться не только достижения необходимых знаний и умений, но гармонии с культурным наследием и духовным совершенством. Обучение надо рассматривать с позиций нравственности и гуманизации социальных отношений [22; 1, С.143-146].

Создаваемая новая педагогическая генеративно-семантическая технология в общей системе развивающего обучения В. В. Давыдова - С. В. Неверковича [23] должна

способствовать гармоничному формированию нового человека.

Суть ее заключается в том, что любая информация так или иначе воздействует на человека и этим разрушает его психику, либо формирует те или иные качества [24-26]. Упомянутая выше технология обучает правильной работе с информацией, вырабатывая устойчивость к информационным перегрузкам, а достаточно интенсивный информативный поток способствует развитию интеллектуальных способностей без стрессовых перегрузок. Упражнения, подобранные для информационной работы, синхронизируют работу всех отделов мозга, тренируют все составляющие внимания, волевые

качества [10; 16, С.90-98], память мышление, воображение, гармонизируют психические процессы, формируют интеллектуальные и творческие способности. С учетом нейрофизиологических и нейропсихологических особенностей функционирования человеческого мозга [27; 28] информации дозированно поступает в те отделы мозга, которые должны подвергнуться тренировке, и этим самым, совершенствуя их функциональные свойства. Гармония и гуманизация психологических процессов достигается за счет того, что, правильно оценивая окружающее, человек идет путем и принимает решения наиболее соответствующие основным задачам человеческого бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нагоров, П. С. Некоторые аспекты развития информационного общества // Тезисы докладов научно-образовательного форума молодых ученых. – М.: ННУОУ «Центр комплексной подготовки», 2005.
2. Колесникова И. В. В школах из детей делают гипертоников и психов // Российская газета. – 2004. – 14 апр.
3. Нагоров, П. С. Некоторые проблемы современной психологии // Сборник материалов XII летней практической школы Министерства юстиции РФ. – Рязань, 2002.
4. Столяров, В.И. Спартианская система воспитания, образования и организации досуга // Проекты, программы, технологии. Отечественный и зарубежный опыт. Духовность. Спорт. Культура. Вып. пятый, ч. 1: сб. – М.: Российская академия образования, Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, Смоленская олимпийская академия, 1997.
5. Столяров, В. И. Спартианские игры – новая гуманистически ориентированная модель спорта в его интеграции с искусством // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. четвертый. Альтернативные модели спорта: сб. / сост. и ред. В. В. Кузин, В. И. Столяров, Н. Н. Чесноков. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998.
6. Столяров, В. И. Спорт и искусство: сходство, различие, пути интеграции // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. пятый. Спорт, эстетика, искусство: сб. / сост. и ред. В. В. Кузин, В. И. Столяров, Н. Н. Чесноков. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998.
7. Столяров, В. И. Олимпийское образование и спартианская система воспитания // Спорт, духовные ценности, культура. Вып. шестой. Спорт и олимпизм в современной системе образования: сб. / сост. и ред. В. В. Кузин, В. И. Столяров, Н. Н. Чесноков. – М.: Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1998.
8. Давыдов, В. В. Проблемы развивающего обучения. – М.: Педагогика, 1986. – 103 с.
9. Давыдов, В. В. Теория развивающего обучения. – М., 1996. – 124 с.
10. Назарова, А. Д. Профессиональный взгляд на проблемы среднего образования. – Киев: ЗН, 2004. – 342 с.
11. Лурия, А. Р. Мозг и психологические процессы. – М., 1963. – 74 с.
12. Лурия, А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушение при локальных поражениях мозга / 3-е изд. – М., 2000. – 144 с.
13. Лурия, А. Р. Мозг и психические процессы: в 2 т. – М.: АПН РСФСР, 1963, 1970. – Т. 1-2. – 184 с., 169 с.
14. Лурия, А. Р. Основы нейропсихологии. – М.: МГУ, 1973. – 350 с.
15. Нагоров, П. С., Хвалько, Н. Г. Технология развития способности к переработке информации у обучаемых в аспирантуре // Тезисы докладов научно-образовательного форума молодых ученых. – М.: Флинта: Наука, 2005.

16. Нагоров, П.С. О влиянии информационного тренинга на развитие интеллекта и других психофизических качеств // Научный вестник ВНИИФК. – 2005. – № 3.
17. Нагоров, П. С. К вопросу о методологии современных прикладных психологических исследований. Личность в современных исследованиях // Проблемы развития личности: сборник тезисов межрегиональной практической конференции. – Рязань, 2002. – Вып. 5.
18. Виноградова, О. С. Нейронаука конца второго тысячелетия: смена парадигм // Доклад на IV Рабочем совещании в Институте теоретической и экспериментальной биофизики РАН (Пушино, Моск. обл.) 21-23 июня 1999 года.
19. Лурия, А. Р. Высшие корковые функции человека. – М., 1959. – 345 с.
20. Лурия, А. Р. Сознательное действие, его происхождение и мозговая организация // Вопросы психологии. – 1969. – №5.
21. Выготский, Л. С. Педагогическая психология. – М., 1991.
22. Лурия, А. Р. Этапы пройденного пути: научная автобиография. – М.: МГУ, 1982. – 130 с.
23. Давыдов, В. В. Основные проблемы возрастной и педагогической психологии на современном этапе развития образования // Вопросы психологии. – 1976. – № 4.
24. Лурия, А. Р. Развитие речи и формирование психических процессов // Психологическая наука в СССР. Т. 1. – М., 1959.
25. Лурия, А. Р., Цветкова, Л. С. Восстановительное обучение и его значение для психологии и педагогики // Советская педагогика. – 1965. – № 5.
26. Лурия, А. Р., Юдович, Ф. Я. Речь и развитие психических процессов. – М., 1956. – 110 с.
27. Лурия, А. Р. Язык и сознание / под ред. Е. Д. Хомской. – Ростов-на-Дону, 1998. – 108 с.
28. Лурия, А. Р. Основные проблемы нейролингвистики. – М.: МГУ, 1975. – 254 с.

УДК 669.013.5(091)+947.(06/08)

ББК 63.3 – 24

Отечественная история, история заводов и фабрик.

СЫНТУЛЬСКИЙ ЗАВОД – РЯЗАНСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ИМПЕРИИ БАТАШЁВЫХ

В. П. Нагорнов

Металлургическое хозяйство заводчиков Баташёвых сформировалось в течение XVIII в. в Центре России и состояло из 20 предприятий. Дается полный состав этих предприятий. После раздела имущества между братьями образовались две группы заводов – выксунская Ивана Баташёва и гусевская Андрея Баташёва. В последнюю группу вошёл Сынтульский металлургический завод, расположенный на территории Рязанской губернии. Показана история заводоладельцев и технических усовершенствований. В таблице представлена динамика выплавки чугуна в течение XVIII–XIX вв.

Ключевые слова:

история металлургии, Сынтульский завод, Баташёвы, выплавка чугуна по годам.

Металлургическая империя Баташёвых, расположившаяся на территориях Тульской, Владимирской, Нижегородской, Рязанской, Тамбовской губерний, на протяжении XVIII в. состояла из 20 заводов, из которых 4 были куплены [Верхне-Тульский (Верхотулецкой) и Сементинковский 11 июня 1770 г. у Акулины Григорьевны Даниловой за 10,5 тыс. руб., Еремшинский - в августе 1776 года у кн. Репнина за 80 тыс. руб. и Илевский – у коллежского асессора Ефима Васильевича Рознатовского за 150 тыс. руб.] и 16 основаны самими заводоладельцами [Тульский, Изверский, Грязненский (Медынский), Унженский, Гусевский, Выксунский, Велетминский, Проволоченский, Верхнее-Унженский, Сноведский, Железницкий (Досчатинский), Пристанский, Вознесенский (Вильский), Верхне-Железницкий, Сынтульский и Мердушевский]. Хозяйство Баташёвых достигло своего расцвета во второй половине XVIII в., в 1800 г. из 9788

тыс. пуд. чугуна, выплавленного всеми заводами России, 1123 тыс. пуд., или 11,6%, пришлось на долю Баташёвых. Таким образом по выплавке чугуна Баташёвы были третьими в России, уступая только Демидовым и Яковлевым [1. С. 127]. Вклад Баташёвых в развитие металлургии России был высоко оценён высшими государственными инстанциями. В 1783 году братья Андрей и Иван Родионовичи Баташёвы были восстановлены в «первобытном благородном дворянском звании», якобы утраченном их предками. В знак особой милости они потомственно получили титулы «древней и благородной фамилии дворянина Александра Баташёва и секунд-майора Авраама Баташёва» [2. С. 36]. После восстановления в дворянском достоинстве в этом же году братья решили поделить свое обширное хозяйство, находившееся до того в их совместном владении. После раздела имущества Ивану Родионовичу удалось до конца XVIII в. пустить только одно пред-

Герб рода Баташёвых

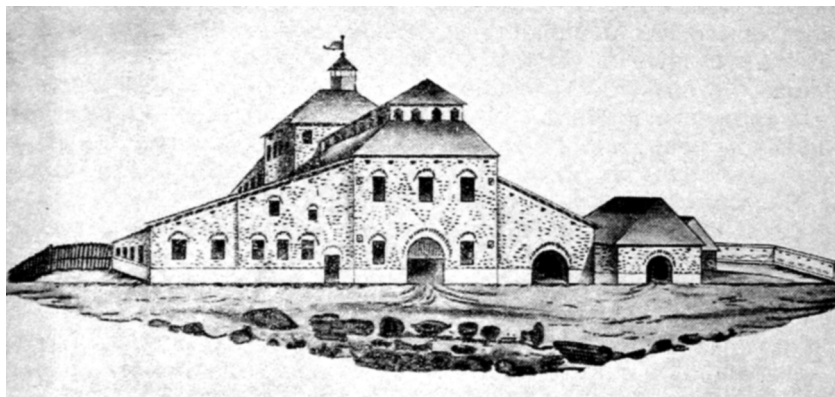
Въ щитѣ, нмѣющемъ голубое поле изображенъ серебряный единорогъ, бѣгущій въ правую сторону. Щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ съ дворянскою на немъ короною, на поверхности которой видѣтъ до половины выходящій единорогъ. Наметъ на щитѣ голубой, подложенный серебромъ.

Предокъ фамиліи Баташевыхъ, какъ показано въ справке Разряднаго Архива, Иванъ Андреевъ сынъ Баташевъ въ 7130 (1622) году служилъ по городамъ Смоленску и по Туле, верстанъ поместнымъ окладомъ и имѣлъ во владѣніи крестьянъ. Потомки сего рода Андрей и Иванъ Башаевы по указу Ея Величества блаженныя и вечной славы достойная памяти Государыни Императрицы Екатерины II-й, последовавшему на докладе Сената 1783 года Генваря въ 18 день, возстановлены въ первобытное предка ихъ дворянское достоинство. Равнымъ образомъ и родственники помянутыхъ Андрея и Ивана, Александръ, Аврамъ и Прокофій Баташевы, въ подтвержденіе происхожденія своего отъ древнихъ благородныхъ предковъ въ 1789 и 1794 годахъ, Всемилостивѣе пожалованы дипломами, съ коихъ Копіи хранятся въ Герольдіи.

приятие – Верхне-Железницкий завод, а более энергичному Андрею Родионовичу – два предприятия: Сынтутьский и Мердушевский заводы. К 1800 г. баташёвские заводы делились на выксунскую группу И. Р. Баташёва (Выксунский, Сноведский, Верхнежелезницкий, Велетминский, Унженский, Железницкий заводы) и гусевскую группу А. Р. Баташёва (Гусевский, Сынтутьский, Верхнееунженский, Еремшинский, Мердушевский, Илевский, Вознесенский заводы).

Из всей этой многочисленной группы металлургических заводов на территории Рязанской губернии располагался только один – Сынтутьский металлургический завод, построенный в Касимовском уезде на речке Сынтул. В настоящее же время на территории Рязанской области находятся места пяти баташёвских металлургических заводов – это Гусевский, Сынтутьский, Еремшинский, Мердушевский, Унженский (ныне с. Ермолovo Касимовского района) заводы. В 1786 г. А. Р. Баташёв обратился в казѣнную палату Рязанского наместнического правления с просьбой о разрешении строительства ему на р.Сынтуле в Касимовском уезде Рязанской губернии завода «об одной плавильной печи с пристойным числом к ней молотовых фабрик». Строительство завода было обеспечено рабочей силой вследствие покупки крепостных по праву дворянства. В 1787 году Сынтутьский завод, оборудованный домной, был пущен в строй. Надо отметить, что ранее построенный в 1759 г. в Гусской волости Владимирского уезда на р. Гусь Гусевский доменный и переделный завод

обладал настолько мощной энергетической базой, что Баташёвы вместо обычных домны и двух молотов построили 11 молотов. Это позволило использовать Сынтутьский завод, расположенный всего в 5 км от Гусевского, в качестве дополнительного доменного завода и в дальнейшем не иметь на нём молотового производства. В 1774 г. на Гусевском, а позднее и на Сынтутьском заводе, талантливым мастером Копьевым были построены особые чугунолитейные мастерские с двумя переворачивающимися печами, которые по существу представляли собой прототипы будущих вагранок. Эти печи получили известность как в России, так и за границей [2. С. 79]. 19 декабря 1799 г. коллежский асессор А. Р. Баташёв скончался. Его имение по указу Правительствующего Сената от 3 августа 1801 года перешло в ведение дворянской опеки и в дальнейшем в руки сына А. Р. Баташёва от первого брака Андрея. Коллежский асессор А. А. Баташёв («Андрей Чёрный») стал владельцем Сынтутьского доменного завода. После его смерти 9 августа 1816 года предприятие перешло в управление рук многочисленных поверенных. В 1821 г. баташёвское имение на 14 лет поступило в ведомство Меленковской дворянской опеки. В 1835 году после очередного раздела имущества А. Р. Баташёва Сынтутьский завод перешёл в ведение коллежского регистратора И. А. Баташёва («Гусева»), сына А. Р. Баташёва. После этого раздела завод стал испытывать дополнительные хозяйственные трудности, вследствие нарушения издавна сложившихся производственных связей внутри

Доменный корпус Сынтульского завода, 1788 г.

единого баташёвского производственного комплекса. В 1840 г. по решению Сената И. А. Баташёв был объявлен «несостоятельным должником», над его имением установилась дворянская опека. В 1839 и 1840 гг. заводам И. А. Баташёва была выдана правительством 128-тысячная ссуда. Но эта помощь не остановила упадка производства. Получив свою долю в разделе 1835 г., Иван Андреевич не поехал в доставшуюся ему отцовскую усадьбу в Гусе, а остался в Петербурге, женился и прожил там до самой кончины в 1844–1845 гг. Его жена, Любовь Петровна, скончалась следом за мужем в 1846 г. Их дети, сын Мануил (02.05.1840–1910) и дочь Ольга (декабрь 1844 – ?) воспитывались под присмотром опекуна, родственника по материнской линии, гвардии штабс-капитана Бекетова. Все заводы, в т.ч. Сынтульский, перешли к Мануилу Ивановичу Баташёву. М. И. Баташёв обучался в Петербургском университете. В начале 1860-х гг. М. И. Баташёв женился на Зинаиде Владимировне Эриной (1842/43 – 1918). Помещики Эрины (Ерины) из обрусевших немцев владели поместьями в Касимовском уезде по соседству с Баташёвыми. В отличие от своего отца Мануил Иванович проживал в усадьбе на Гусевском заводе и принимал самое деятельное участие в управлении и хозяйственной деятельности заводов. При нём и Гусевский, и Сынтульский завод стали неплохо работать и увеличивать объёмы производства. Именно при Мануиле, в 1885 г. на его заводах была сооружена регенеративная пудлинговая печь с двумя рабочими пространствами [3. С. 12]. По своим деловым качествам, по предприимчивости, деловой хватке и си-

ле духа М. И. Баташёв чем-то напоминал своего выдающегося деда Андрея Родионовича. У Мануила Ивановича и Зинаиды Владимировны было двое детей: сын Виктор (13.09.1865 – 1916) и дочь Мария (1871 – ?). Виктор Мануилович в 1880 – начале 1890-х учился в Лицее Цесаревича Николая. Однако в своем завещании М. И. Баташёв отдал всё своё имение в «пожизненное владение» своей жене, Зинаиде Владимировне. Помимо 52 тыс. десятин земли во Владимирской и Рязанской губерниях в наследстве состоял и действующий Сынтульский чугунолитейный завод с приписанными к нему мастеровыми числом 1500 душ. Гусевский завод был в это время в числе остановленных во время промышленного кризиса в 1904 г. В браке с Глафирой Ивановой Клёновой (1876 – 1952) В. М. Баташёв имел четырёх детей: Мануила (1900 – ?), Зинаиду (1899 – 1960), Ольгу (1901 – 1990), Софью (1904 – 1985). Не согласившись с завещанием, Виктор Мануилович затеял судебную тяжбу со своей матерью Зинаидой Владимировной, которая завершилась только в связи с его смертью в 1916 г. После февральской революции З. В. Баташёва остановила работу Сынтульского завода, однако её невестка, Глафира Ивановна, очень энергичная женщина, возобновила работу завода, для чего вошла в состав правления трудовой артели, возникшей на базе завода [4. Л. 21]. Печальна была судьба «Баташихи» – Зинаиды Владимировны Баташёвой. 16 ноября 1918 года вместе с участниками белогвардейского восстания в Касимовском уезде она была расстреляна у стены городского кладбища в Касимове «за активное и пассивное выступление против Совет-

ской власти» [3. С. 13]. Глафира Ивановна, опасаясь репрессий, увезла свою семью в Москву, где они прожили до конца своих дней. И сейчас их дети и внуки живут в Москве, а потомки сестры В. М. Баташёва, Марии Мануиловны Дружининой, проживают за границей, в Австрии.

В наше время из 20 баташёвских заводов сохранились всего три завода – это Выксунское, Досчатинское и Сынтальское

металлургические предприятия. В середине XX в. они были реконструированы и продолжают успешно функционировать в условиях развитого фабрично-заводского производства. Чтобы продемонстрировать важную роль Сынтальского чугуноплавильного завода в металлургическом производстве Баташёвых, приведём таблицу, отражающую динамику выплавки чугуна на этом заводе.

ДИНАМИКА ВЫПЛАВКИ ЧУГУНА НА СЫНТАЛЬСКОМ ЧУГУНОПЛАВИЛЬНОМ ЗАВОДЕ

(тыс. пуд.)

1788 г.	46 282	1801 г.	76 679	1835 г.	37 541
1789 г.	52 381	1802 г.	80 009	1836 г.	46 735
1790 г.	52 483	1803 г.	77 171	1837 г.	38 470
1791 г.	49 785	1804 г.	63 423	1839 г.	45 439
1792 г.	48 016	1805 г.	52 820	1840 г.	33 481
1793 г.	52 150	1806 г.	47 812	1841 г.	43 780
1794 г.	51 715	1821 г.	23 261	1851 г.	43 921
1795 г.	...	1825 г.	33 783	1857 г.	38 961
1796 г.	...	1830 г.	54 129	1859 г.	37 678
1797 г.	3 375	1831 г.	59 041	1860 г.	30 597
1798 г.	99 352	1832 г.	52 186	1861 г.	36 023
1799 г.	97 506	1833 г.	48 436	1864 г.	63 472
1800 г.	82 268	1834 г.	38 406	1866 г.	94 146

ЛИТЕРАТУРА

1. Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводчики. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 566 с.
2. Арсентьев Н. М. Замосковский горный округ конца XVIII- первой половины XIX в. – Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 1998. – 604 с.
3. Кусова И. Г. Баташов А. Р. и его потомки на Рязанской земле. // Промышленные династии тульского происхождения: сб. ст. – Тула: «Рарус», 1993. – Вып. 2. Тульский областной краеведческий музей. Серия «Тульский металл в истории российской промышленности и предпринимательства».
4. Котов М. П. Очерки по истории завода Сынтал Касимовского уезда Рязанской губернии / Под редакцией И. Алякова и Ф. Дашкова. (Материал по историческому обследованию завода «Комзаря» села Сынтал Подгонной волости). Сынтал, 1926. – 28 л. – НА РИАМЗ № 578.
5. Сергеев И. М. Металлургические заводы Приокского горного округа. // Памятники науки и техники, 1985. – М. Наука: 1986.

УДК 316.2

ББК 60.51(2)6

Социальная философия, философия и методология науки, историософия

ВЛИЯНИЕ ПОЗИТИВИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ НА СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОСОФИИ

Кандидат философских наук Р. Я. Подоль

В издательстве «Наука» выходит из печати монография российского философа Подоля Рудольфа Яновича «Теория исторического процесса в русской историософии первой трети XX века». Это исследование получило финансовую поддержку РГНФ как выигравшее грант по теме «Россия вчера, сегодня и завтра».

Редакция «Российского научного журнала» хочет познакомить своих читателей с этой книгой. С этой целью публикует сокращённый вариант одного из разделов новой научной работы, в котором показывается всё богатство и многообразие социологической мысли в России в один из самых драматических периодов её исторического развития.

Ключевые слова: унитарно-стадиальный и плюрално-циклический подходы к истории, социологический и естественно-научный позитивизм, монофакторный и полифакторный анализ движущих сил истории, психологический детерминизм, исторический материализм, критический «идеализм», «теория факторов».

Научная, мировоззренческая и методологическая многоликость отечественных социологических концепций и теорий в начале XX в. отражала всю сложность и противоречивость исторической эпохи. Строгая однозначность монофакторных подходов и эклектический плюрализм полифакторного анализа исторического процесса – все это являло собой некие демаркационные линии, в пространственных границах которых располагалось безбрежное поле социологической науки.

Очевидно, перед каждым исследователем, прикасающимся к данной проблеме, возникает неизбежный вопрос: по какому пути пойти! Выход, пожалуй, один – встать на путь научной объективности и прислушаться к мнению тех ученых, которые в свое время занимались исследованием данной проблемы. Если встать на путь обобщения, то можно сослаться на утверждение Б. Г.

Сафронова, профессора Московского университета, посвятившего анализу этого периода в развитии русской социологической мысли несколько фундаментальных исследований. В одном из них он писал: «Думаю, что не ошибусь, если скажу, что главными тенденциями, на основе которых складывались все последующие особенности различных учений об историческом процессе... были, как в России, так и за рубежом, позитивизм и марксизм» [1. С. 78].

Не подвергая сомнению данную историческую оценку в целом, хотелось бы добавить, что между позитивизмом и марксизмом в начале XX в., на наш взгляд, вклинивалось отличавшееся своим дуализмом течение, именуемое неокантианством. Это надо иметь в виду, чтобы понять, почему наиболее активные критики марксизма в начале XX в. упрекали его либо в недостаточном позитивизме, либо напротив, – в излишнем

экономическом позитивизме.

Очень броско, с присущей ему оригинальной образностью охарактеризовал царивший на пороге веков в академической среде дух позитивизма сын профессора Московского университета Н.В. Бугаева, впоследствии известный поэт и литератор Андрей Белый: «Основы конституционного строя и позитивистического мировоззрения восприняты были мной... до мига, когда я сказал себе твердо: Я-я! Я всосал это в себя еще с карачек: на то мы профессорский круг, чтоб младенцы у «нас» не так ползали как у всех прочих, а конституционно и позитивистически» [2. С. 86].

Итак, позитивизм вошел широко и открыто в российскую научную среду, однако как на Западе, так и в России по-разному интерпретировали позитивистскую доктрину. Отсюда вытекает многоликость отечественного социологического позитивизма, где система «положительного» метода Конта принималась со значительными коррективами. В одном из исследований делается такое заключение по этому поводу: «...Создатель позитивизма защищал во взглядах на общество монизм, а большинство его русских последователей – плюрализм, поскольку придерживались теории множества причин, обуславливающих социальное развитие» [3. С. 307].

В приведенном нами исследовании также подчеркивается, что «русская общественная мысль определяла позитивизм в основном как «наше время, схваченное в вопросы», т. е. не как философское построение, а как постановку вопросов для философии, считая что разработка самой философии – впереди» [3. С. 307]. Думается, что данные заключения нуждаются в некотором уточнении. Необходимо развести понятие позитивизма, как методологии познания мира, и позитивизма, как социологического течения, ориентированного на ограничение общественнонаучных критериями точных наук.

Когда мы говорим о позитивизме, как о методе, то в большей степени имеем в виду стремление и призывы его сторонников верифицировать научное познание всемирной истории эмпирическими данными. В отношении исторической науки это означало широкое внедрение в историософию эмпирических методов естествознания. Данную тенденцию нельзя оценивать однозначно.

Безусловно, многие выдающиеся представители естествознания в России: И. И. Мечников, И. П. Павлов, В. И. Вернадский, Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов, К. А. Тимирязев и др. – в естественно-научном Познании занимали твердые материалистические позиции. Но в то же время, стремясь внести свой вклад в общественное познание, они зачастую отходили от принципа материалистического монизма или, наоборот, усугубляли его вульгарным материализмом.

В исследовании профессора П. С. Шкуринова «Позитивизм в России XIX в.» [4] отмечается, что «в России, как и в Европе, и в Америке, широкое течение позитивизма в связи с развитием естествознания и обостряющимися социальными противоречиями породило сначала физиологический, а затем и физический идеализм наряду с вариациями позитивизма в области исторических... и социальных наук в целом» [4. С. 251]. Таким образом, если принимать данную точку зрения без каких-либо существенных оговорок, то надо признать определенную связь между идеалистическими течениями в естествознании и различными «вариациями» позитивизма в области исторических и социальных наук. Сам П. С. Шкуринов в этом, похоже, ничуть не сомневался, утверждая, что «два последних десятилетия XIX века в России шел процесс складывания этих течений под сильным воздействием махизма, эмпириокритицизма, а также различных национальных философских школ. При этом, конечно же, сохранялась преемственность с классическими формами субъективного идеализма, с берклианством, юмизмом, кантианством, контизмом и другими субъективными разновидностями идеализма» [4].

Разделяя подобные оценки, свидетельствующие о многоликости позитивистской гносеологии, следует заметить, что на рубеже веков позитивистские тенденции в познании общественной жизни выражали представители самых различных научных подходов и мировоззренческих ориентаций. За исключением, пожалуй, представителей неокантианства, все социологи интересовались позитивистской методологией и в той или иной мере использовали ее в своих научных исследованиях.

Как считает Б. Г. Сафронов: «Для объяснения отношения к позитивизму в то время надо учитывать... во-первых, позитивизм не оставался одним и тем же. Он менял со вре-

менем свою окраску от «стыдливого материализма» (определение Ф. Энгельса) до стыдливого идеализма» [1. С. 45].

С учетом такой научной диффузии следует отметить, что сближению значительной части отечественных позитивистов со сторонниками исторического материализма способствовало несколько фактов. Во-первых, – это общая отрицательная реакция к прежним умозаключительным схемам исторической эволюции и стремление перевести историческое познание на более реалистическую позицию. Во-вторых, надо учитывать близость к позитивизму, бурно развивавшейся в то время экономической науке, которая являлась зачастую основой для формирования экономического материализма.

В этой связи заслуживает внимания оценка В.И. Лениным (1870-1924) публикации в сборнике «Вехи», в которых решительной критике подвергался реалистически истолковываемый позитивизм. «Позитивизм осуждается за то, – писал Ленин, – что он был «для нас»... «тождественен с материалистической метафизикой» или истолковывался «исключительно в духе материализма»...» [5. С. 168].

Данная В. И. Лениным оценка ситуации позволяет сделать вывод, что особенностью естественнонаучного материализма выдающихся русских ученых было то, что они сумели отбросить из прежнего философского наследия все умозрительное, ведущее к субъективизму и идеализму и восприняли из него диалектику как теорию развития. Исходя из этого становится понятным, почему во время известного кризиса в физике конца XIX в., пошатнувшего научное мировоззрение многих видных деятелей естествознания в Европе в сторону философского идеализма и агностицизма, среди русских естествоиспытателей линия философского материализма заявлялась более отчетливо и последовательно, а борьба против идеализма и мистики велась гораздо шире.

Это созвучно той оценке, которая дается в исследовании П. Т. Белова «Философия выдающихся русских естествоиспытателей второй половины XIX – начала XX века»: «Соппротивление естествоиспытателей идеализму – явление отнюдь не только русское... Но среди русских естествоиспытателей того времени линия философского материализма заявлялась резко, борьба

против идеализма и мистики велась гораздо шире, напористее. Здесь естествоиспытатели – идеологи образовали сплоченную когорту единомышленников, громивших идеализм не только в естествознании, но и во многих других областях культуры. Поэтому то и ступень философского материализма... ими выражена куда определеннее и полнее» [6. С. 54].

Возможно, автор этих строк несколько идеализирует ситуацию сплоченности и единства в «когорте» (его определение) русского научного сообщества ученых-естественников, но по существу он, безусловно, прав: непримиримость к мистицизму и новейшим субъективно-идеалистическим течениям была для них принципиально безусловной.

Для примера сошлемся на высказывания Д. И. Менделеева, который с нескрываемым раздражением относился к махизму, энергетизму и прочим идеалистическим «измам», наводнившим науку в связи с кризисом в физике конца XIX в. и возникновением «физического идеализма». В заключительной главе «Заветных мыслей» (1903-1905 гг.) он писал: «От физики до метафизики теперь стараются сделать расстояние до того обоюдно ничтожно малым, что в физике, особенно после открытия радиоактивности, прямо переходят в метафизику, а в этой последней стремятся достичь ясности и объективности физики. Старые боги отвергнуты, ищут новых, но ни к чему сколько-нибудь допустимому и цельному не доходят; и скептицизм узаконяется, довольствуясь афоризмами и отрицая возможность цельной общей системы. Это печально отражается в философии, пошедшей за Шопенгауэром и Ницше, в естествознании, пытающемся «объять необъятное», по образцу Оствальда...» [7. С. 455-456].

Итак, широкое внедрение методологии позитивизма в естествознание стимулировали развитие материалистического подхода к выявлению сложной взаимосвязи между природой и обществом, эволюции органической и социальной материи.

Выдающийся теоретик неорганической и органической химии Д. И. Менделеев (1834-1907) был одним из крупнейших представителей экономической науки своего времени. Характерно, что имеющиеся в сочинениях В. И. Ленина упоминания его имени связаны как раз с экономическими

и социологическими работами ученого [8. С. 368]. Некоторые из экономических исследований Д. И. Менделеева заинтересовали Ф. Энгельса, для которого одна из его работ «оказалась особенно интересной» [9. С. 266].

Разумеется большинство экономических сочинений Д. И. Менделеева связано с конкретной экономикой, но не ограничиваясь лишь практическими исследованиями, он приходил к общеэкономическим и социологическим обобщениям, развивая их в довольно целостную систему взглядов. Кроме того, Д. И. Менделеевым написано несколько произведений преимущественно общесоциологического содержания: «Об условиях развития заводского дела в России» (1882), «Письма о заводах» (1885), «Основы фабрично-заводской промышленности» (1897), «Учение о промышленности» (1900), «Заветные мысли» (1903-1905), а также «К познанию России» (1906) [10].

Можно констатировать, что с методологических позиций позитивизм русских естествоиспытателей был в значительной степени ориентирован на утверждение материалистического мировоззрения. Но в том случае, когда ученые-естественники с позитивистских позиций стремились дать философское объяснение мира, сразу же возникали предпосылки для придания позитивизму статуса общеполитической методологии.

«Для сторонников формировавшегося позитивизма, – пишут авторы учебника «История русской философии» (2001), – важным был вопрос о том, какую дисциплину следует взять в качестве примера, своего рода парадигмы. Таким примером ...стала биология» [3. С. 307].

Наглядной иллюстрацией подобной тенденции может служить ссылка на научное наследие К. А. Тимирязева (1843-1920), подготовившего к изданию незадолго до своей кончины фундаментальный труд «Исторический метод в биологии». В этой работе К. А. Тимирязев показал, какие перспективы в научном познании истории открываются на основе сближения биологических и социальных наук. «Едва ли не самую характеристическою чертою, отметившей развитие естественных наук за XIX столетие, – отмечал К. А. Тимирязев, – должно признать тот коренной переворот в наших воззрениях на природу, который сблизил по методу изуче-

ния две области человеческого знания, казалось имевшие так мало общего – биологию с историей» [11. С. 13].

Указывая на позитивное взаимообогащение биологии и социологии, он подчеркивал, что: «мост между биологией и социологией в форме применения исторического метода строится одновременно с обоих концов – Дарвином и Марксом» [11. С. 236]. В статье «Ч. Дарвин и К. Маркс» К.А. Тимирязев писал: «Основным исходным материальным фактором, определяющим историческое развитие человечества, Маркс признает факторы экономические, все остальное является «идеологической надстройкой». Главным фактором развития органических форм Дарвин признает исторический процесс, метафористически названный им «естественным отбором». Но в чем же заключается это явление естественного отбора? В приспособлении организмов к условиям их существования. Марксизм, таким образом, представляет собой не что иное, как перенесение тех же методов, какими пользовался Дарвин в естественно-историческом исследовании, в область общественно-исторической жизни» [11. С. 133].

К. А. Тимирязев настойчиво вводил в методологию биологической науки историко-сравнительный метод. Применительно к биологическому процессу термин «исторический» он определял как совокупность эволюции и революции в развитии биологических видов и их систем.

К. А. Тимирязев, решительно выступавший против умозрительного рационализма в историческом познании, и против любых идеалистических концепций в то же время своими исследованиями в немалой степени способствовал утверждению биологизаторства как одной из наиболее распространенных разновидностей социологического позитивизма.

Надо подчеркнуть, что биологический позитивизм к этому времени имел уже устойчивую научную базу, которую создавали видные западные социологи Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Р. Вормс и др. «Их работы были широко известны в России» [12].

Не случайно одной из первых разновидностей русского социологического позитивизма стал органицизм. Сторонники данной теории использовали биологическое определение организма для объявления всех социальных процессов. Значительную роль

в распространение органицизма в России сыграл журнал «Свет», преобразованный в конце XIX в. в «Мысль». Редактором этого журнала был Л. Е. Оболенский (1845-1906), опубликовавший в нем две статьи «Организм и общество» (1878) и «Организм и органическая теория» (1879). Журнал постоянно знакомил российское научное сообщество с идеями наиболее видных представителей западной органической школы.

В частности, наиболее оживленную полемику вызвала работа французского социолога Рене Вормса «Организм и общество», изданная в России в 1897 г. В ней автор утверждал: «Анатомия, физиология и патология обществ воспроизводят, – в больших размерах и с важным добавлениями и изменениями, на все же той же основе, – анатомию, физиологию и патологию организмов. Законы, управляющие членами общественного тела, отчасти, по крайней мере, сходны с законами, управляющими клетками организма. Следовательно, все в обществе, элементы и законы, подобно – не говорим, разумеется, тождественно – тому, что мы находим в теле отдельного человека» [13. С. 2-3].

Органическое направление, оформившееся в отечественной социологической мысли к началу XX в. нельзя воспринимать односторонне. Следует разграничивать органический метод в социологии, позволяющий наряду с другими специфическими методами анализировать взаимодействие общественных связей в их системном единстве с природными процессами. Как считал один из приверженцев этого метода российский социолог П. Ф. Лиленфельд (1829-1903), преимущество его перед другими заключается в том, что он позволяет «показать, что человеческое общество составляет в сущности такое же реальное существо, как все прочие организмы природы, и что вся разница между ними последними и социальными организмами заключается лишь в степени совершенства» [14. С. 19].

Таким образом, если рассматривать органическую школу в науке с точки зрения ее методологической состоятельности, то вывод получается вполне определенный. Чем больше в научном познании используется различных методов и чем более они разнообразнее, тем более продуктивнее решаются исследовательские задачи. Но совсем другое дело, – рассматривать органическую школу, как универсальную теорию

общества, претендующую на абсолютную истину в социологии. Сторонники подобного подхода очень часто противопоставляли органицизм всем другим научным направлениям в историософии. В качестве примера сошлемся на статью Ф. С. Тележникова «Социология Вормса» (1929), в которой он отмечал, что «в России, у этой школы было немало последователей. Один из них, Новиков, заявлял, что «социология будет органической или ее не будет совсем»» [15. С. 38]. Будучи в отличие от цитируемого им Новикова более умеренным сторонником органицизма, автор этой статьи также считал необходимым формирование социологии как синтезирующей общественной науки. «Социальных наук, – писал он, – столько, сколько выявляется социальных функций в общественных связях, явлениях. Социология же имеет дело с обществом как единым целым, как структурным общественным организмом. Исходя из этого, характерной чертой социологии является ее синтетичность» [15. С. 39].

Как видим, органическая теория в своих исходных позициях затрагивала один из наиболее полемических вопросов, касающихся разграничения социологических наук по их приоритетности и функциям в историческом познании. Поэтому многие видные историки и социологи вынуждены были обозначить свои позиции и высказаться по этой проблеме.

Довольно заметной фигурой среди представителей органического позитивизма был В. М. Хвостов (1868-1920). Для изучения общества как совокупного социального организма он предлагал использовать «основную социологию», под которой он имел в виду нравственность человеческого поведения. Эти идеи он изложил в книгах «Теория исторического процесса», «Нравственная личность и общество», в последней он поместил специальную статью под названием «Социальный организм» [16].

«Принимая во внимание, – писал он, – что человеческое общество ведет свою особую жизнь, подлежащую действию особых законов, и что в этой деятельности оно создает продукты, создание которых непосильно отдельным индивидам, мы и делаем вывод, что общество есть не простая сумма индивидов, но особое целое, а так как это живое целое живет и развивается, то мы называем его органическим целым» [17. С. 183].

Органическую теорию как методологию познания исторического процесса поддерживал известный социолог П. Н. Миллюков (1859-1943). В «Очерках по истории русской культуры» он противопоставлял идею «человечества» как совокупности множества отдельных «социальных организмов» идее единой «всемирной истории». «Научная социология, – писал он, – отодвигает на второй план точку зрения всемирной истории. Она признает естественной единицей научного наблюдения отдельный социальный (национальный) организм. Научная социология не признает отдельные национальные организмы неподвижными «типами». Она изучает эволюцию каждого отдельного организма и находит в нем черты сходства с эволюцией других организмов» [18. С. 43-44].

Известный русский историк И. В. Луцкий (1845-1918) также считал продуктивным использование органического метода для анализа общественных процессов. «Дело в том, – пояснял он свою позицию, – что общество, будь то все человечество в целом, или отдельная нация, есть организм, организм особого рода» [19. С. 32].

Однако многие отечественные историки относились к органической теории достаточно сдержанно. В этом плане уместно сослаться на позицию Р. Ю. Виппера, который очень негативно оценивал органическое направление в социологии. «Сравнение общества с организмом, – утверждал он, – термин «органическая связь личности с обществом», употребленный в противоположность понятию о механических связях, – все эти сравнения, формулы и антитезы были брошены в ход реакционной публицистикой начала XIX века. Противопоставляя организм механизму, эта публицистика имела в виду резко отделить свои требования от просветительских и революционных начал предшествующего века. «Государство – организм» значило в ее терминологии: равные права лиц, в своей совокупности представляющих верховный народ...» [20. С. 47-48].

Нам кажется очень метким последнее замечание Р. Ю. Виппера о том, что словосочетание «государство-организм» в условиях капиталистического общества является идеологической попыткой нивелировать социально-классовые различия внутри отдельных стран и обосновывать усиливающееся расслоение мирового сообщества на эли-

тарный центр и периферийные страны.

Подмеченные Р. Ю. Виппером очевидные издержки органической теории нашли подтверждение в том, что некоторые из ее активных сторонников в последствии отошли от основополагающего принципа единства социального организма и природной системы. Понятие «социальный организм» постепенно стало обретать логический смысл и как метод познания общественной жизни стало утрачивать свои позиции. Это привело к тому, что органическая школа в 1920-е годы утратила свою былую популярность, а органическое направление постепенно растворилось в цивилизационных концепциях всемирной истории.

В отечественной исторической науке после 1917 г. категория «социальный организм» утратила свое познавательное значение и перестала употребляться. Лишь в середине XX в. Ю. И. Семенов ввел в научный оборот для познания отдельного конкретного общества новое словосочетание «социально-исторический (социоисторический) организм» [14. С. 21].

Такова историческая судьба у органической теории как одной из разновидностей социологического позитивизма.

В конце XIX в. позитивизм стал активно проникать в психологическую науку, где под его воздействием стали формироваться различные школы экспериментальной психологии. Именно с ней многие позитивисты связывали новый поворот в развитии социальной философии.

Ведущими центрами, активно разрабатывавшими это направление, были: «Московское психологическое общество», основанное при Московском университете в 1885 г. и журнал «Вопросы философии и психологии», издававшийся этим обществом. С 1889 по 1890 гг. было издано пять книг, а с 1891 г. журнал стал выходить с периодичностью в пять книг ежегодно. Последний номер журнала (кн. 141-142) вышел в 1918 г.

В научных публикациях этого журнала преобладали материалы, в которых проводилась идея противопоставления личности обществу, индивидуального социальному. Авторы этих публикаций считали, что многие прежние социологические теории излишне объективировали личность, вследствие чего она теряет свою самоидентичность, а исторический процесс при этом

обезличивается и, приобретая самодовлеющий характер развития, нивелирует индивидуальное, личностное начало в человеке. Такого рода научные позиции в то время не имели еще четкой научной квалификации и лишь в конце XX в. в отечественной науке их стали относить к определенному типу социологического номинализма.

Одним из видных представителей психологического позитивизма был философ, психолог, профессор Московского университета Н. Я. Грот (1852-1899). Будучи председателем Московского психологического общества, одним из организаторов и первым редактором журнала «Вопросы философии и психологии», он внес большой вклад в развитие теории индивидуальной и общественной психологии.

Приоритетной функцией социальной философии он считал осуществление всестороннего анализа общественного развития на основе сделанного им вывода, что «чувство и мысль – две равноправные области душевной жизни», в которой синтезируются законы «объективной и субъективной восприимчивости» [21. С. 6].

Этот духовный синтез, по Н. Я. Гроту, коренится в дуализме рассудочного и чувственного познания мира. На основе данного подхода он стремился создать, как ему казалось, принципиально новый метод исследования социальной реальности, получившей название «монодуализма». Объясняя свой замысел в работе «О направлении и задачах моей философии» Н. Я. Грот писал: «... я должен был признать, что философия стремится примирить мысль и чувство, науку и религию и сложить в одно целое их воззрения» [21. С. 14-15].

Как видим, Н. Я. Грот пытался соединить философское видение реальности с научной картиной мира. В широком смысле понимаемая философская рефлексия действительно зачастую стремится примирить науку и религию и сложить их в целостное воззрение мира. Но научный философский метод потому и является научным, что проводит четкую детерминацию между мистикой и реальностью, между фидеизмом и вечным сомнением мысли.

В этом отношении само понятие «монодуализма» представляет собой такой же алогизм, как словосочетание «круглый квадрат», что уже изначально порождает большие сомнения в рациональной продуктив-

ности обозначенного данным понятием метода, применяемого к познанию всемирной истории. Но, похоже, Н. И. Грота этот алогизм не смущал, более того он считал, что исторический процесс, как считал Н.Я. Грот, а силу своей многообразности может быть объяснен исходя из монодуальности чувственного и рассудочного в целенаправленной деятельности людей, осуществляющих свой социальный выбор. Предпосылкой для такого выбора, по его мнению, выступают психо-этические понятия: «эгоизма» и «альтруизма», поскольку они являются единственными регуляторами чувства и воли как самых значительных экзистенциальных модусов, определяющих целенаправленные действия, поступки и поведение людей [21. С. 15].

Весьма заметной фигурой среди представителей психологического позитивизма был Г. И. Челпанов (1862-1936), научные взгляды которого сложились под воздействием Н. Я. Грота, его первого научного наставника. Г. И. Челпанов с 1907 по 1923 г. возглавлял кафедру философии в Московском университете, одновременно он был директором Психологического института, созданного в 1912 г. при Московском университете.

Теоретические воззрения Г. И. Челпанова выстраивались на эмпирическом направлении в психологии, в основе которого, по его мнению, лежит представление о дуализме души и тела. «Дуализм, признающий материальный и особенный духовный принцип, – писал он, – во всяком случае лучше объясняет явление, чем монизм» [22. С. 7].

В работе «Мозг и душа: Критика материализма и очерк современных учений о душе» Г.И. Челпанов разрабатывал гносеологический принцип «эмпирического параллелизма», который он противопоставлял принципу материалистического монизма. Психологическая мотивация целенаправленных действий людей, по его убеждению, может быть понята и объяснена не из внешних объективных условий социального бытия, а лишь из самой психики. Тем самым исторический процесс в его закономерном развитии, считал Г.И. Челпанов, предстает как социальная реальность, в которой «психическое объясняется только из психического».

Как видим, в подобной трактовке исторического процесса психологический фактор представляется единственной детер-

минирующей силой, активизирующей социальную активность людей. Помимо названной работы «Мозг и душа», переизданной в 1918 г., Г. И. Челпанову принадлежат «Введение в экспериментальную психологию» (1915), «Спинозизм и материализм (итоги полемики о марксизме в психологии)» (1927) и ряд других исследований по эмпирической психологии.

Надо отметить, что революционные события 1917 г. в какой то мере укрепили позиции сторонников психологического детерминизма. Более того, их подходы к анализу общественной жизни обрели еще большую дуалистичность. В качестве примера сошлемся на работу «Введение в историю (теория истории)» видного русского философа и историка медиевиста Л. П. Карсавина (1882-1952) [23].

В отличие от других сочинений Л. П. Карсавина, в которых исторический процесс анализировался преимущественно с теологических позиций, в данной книге он рассматривал его в единстве двух факторов: материального и духовного. Но приоритетное значение при этом отдавалось духовному фактору, понимаемому сугубо с позиций психологизма.

«Предметом истории, – писал он, – является человечество в его социальном (т. е. общественном, политическом, материальном и духовно-культурном) развитии...». Из единства социального субъекта развития вытекает и единство его социальной деятельности. Но единая социальная деятельность обнаруживается, проявляется дуалистично: как деятельность «материальная» и «психологическая» [23. С. 8].

Основываясь, казалось бы на этом верном подходе к анализу общественного развития, Л. П. Карсавин пришел к выводу, который не оставляет места сомнению в принадлежности его к психологизаторскому направлению в социологии. «Итак, – заключает он, – социальная деятельность есть социальнo-психологическая деятельность, а история есть нечто иное, как психически-социальное развитие человечества» [23. С. 12].

Надо отметить, что Л. П. Карсавин при всех издержках психологизаторского подхода к истории был приверженцем унитаристского понимания исторического процесса. Об этом можно судить, в частности по его широко известной работе «Философия

истории», изданной в Берлине в 1923 г., в который с позиции социоисторического унитаризма он подходил к определению методологии историософии, задача которой, как он считал, «...заключается в познании и изображении конкретного исторического процесса в его целом, в раскрытии смысла этого процесса» [24. С. 5]. Подобный взгляд на человечество как на субъект исторического процесса предопределял видение Л. П. Карсавиным предмета исторической науки. «Предмет истории, – категорично утверждал он, – всегда социально-психологическое; и только на основе психического возможен исторический синтез» [24. С. 22].

Его позиция показательна в том плане, что многие представители психологизаторского подхода в своих воззрениях были ближе к плюрально-циклическому пониманию истории. Данная ориентация лежала, в частности, в основании концепции культурного диффузионизма. Таким образом осуществлялась совершенно очевидная миграция психологического детерминизма, либо в сторону унитаристского, либо в сторону плюралистического понимания истории.

Настойчивые попытки сторонников психологического детерминизма разработать универсальный, или, как они его называли, монодуальный, подход к анализу общества на самом деле сводились к тому, что они вынуждены были все время лавировать между так называемым социологическим номинализмом и его альтернативой – социологическим реализмом.

Так возникла некая методологическая диффузия, размывающая научные подходы представителей психологического детерминизма между социологическим номинализмом и социологическим реализмом. Подобная «размытая» позиция не позволяла психологизаторам заключить какое-то внятное теоретическое содержание в изобретенный ими принцип социологического «монодуализма».

Примером тому могут служить воззрения выдающегося русского историка и социолога Н. И. Кареева. Нужно отметить, что его обширное научное наследие вызывало интерес у научного сообщества как в России, так и в Европе. В частности, его книга «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века», опубликованная в 1879 году, привлекла внимание К. Маркса, который в письме М. М. Ко-

валевскому дал ей высокую оценку [25. С. 286]. Значительным для русской историософии того времени стало обширное исследование «История Западной Европы в Новое время» в семи томах (1892-1917), а также трех томное издание «Основные вопросы философии истории» (1883-1890).

В «Основных вопросах философии истории» Н. И. Кареев ратовал за разработку общей теории исторического процесса, которая должна быть создана на базе трех научных дисциплин: истории, социологии и философии истории. Испытывая определенную склонность к позитивистскому методу, он предлагал выделить социологию в качестве методологической основы для познания исторического процесса. Объяснял Н. И. Кареев это тем, что общая теория истории должна выстраиваться не на умозрительных конструкциях, а на реальных фактах и эмпирических феноменах.

История, воспринимаемая как «хранилище фактов», была отнесена им к описательным наукам. Н. И. Кареев отводил ей особую роль на предварительной стадии обобщения научного материала, рассматривая её как пропедевтику научного познания исторического процесса. В последующих познавательных процедурах, по мнению Н. И. Кареева, должна быть задействована социология, призванная исследовать общие тенденции социальных процессов. Методологической основой социологических исследований должен служить позитивистский подход, устраняющий спекулятивные модели исторического развития. «Ныне, – писал он, – сглаживается этот антагонизм философии и науки: отказываясь от метафизики, философия возвращается в той же сфере, где действует точное знание; бросая идеологию, она не связывает более между собою явления иначе, чем делает это наука; устраняя идеализацию, она принимает действительность как она есть, как познает ее точный анализ, хотя почти всегда из своего прежнего наследия философия сохраняет самые дорогие свои качества, оценивая явления с субъективной человеческой точки зрения...» [26. С. 3].

Н. И. Кареев считал, что познание исторического процесса не может быть всеобъемлющим без учета психологического фактора, что игнорирование «субъективных сторон» истории ведет к ее обезличиванию, к абсолютизации объективных фак-

торов развития исторического процесса. «Субъективные стороны» общественного развития Н. И. Кареев отождествлял с личностными началами, проявляющими себя в совокупности антропологических, психологических и социальных качеств индивидов. Называя эти качества «нормальным субъективизмом», он причислял их к «основоначалам» истории.

За принижение роли психологического фактора Н. И. Кареев критически относился к экономическим теориям истории, чему он посвятил работы: «Старые и новые этюды об экономическом материализме», «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» [27]. Экономический подход к истории, считал он, деактивирует личность, строго объективирует жизнь индивида, выводя за пределы научного анализа творческий порыв и волевую мотивацию субъективной деятельности.

Определение места и роли личности в обществе, взаимодействие людей в обществе – вот те главные вопросы, к которым должна быть прежде всего ориентирована философия истории, считал Н. И. Кареев. «Теория личности нужна не только для теории общества, но и для практической жизни последнего» [28. С. 9]. Поэтому социология Н. И. Кареева «... имела не экономическую, а психологическую основу» [28. С. 63].

«Для теории исторического процесса экономический материализм, – писал он, – поставил вопрос о значении экономического фактора в социальной эволюции, но, к сожалению, экономический материализм выступил на совершенно ложный путь в решении этого вопроса. В первом – его заслуга, в последнем – самая слабая его сторона, ибо это – путь догматизма, а не путь критики» [29. С. 223-224].

Данная цитата весьма показательна для научной позиции Н. И. Кареева и свидетельствует о его принципиальной непоследовательности. Эта непоследовательность пронизывает многие его работы. Так, в «Критике экономического материализма (Старые и новые этюды)» он заявляет: «Историк, т. е. представитель науки, стремящийся к всестороннему пониманию культуры и социальной жизни человечества, какую она дается в историческом опыте, – в споре между идеалистом и материалистом, должен именно занять нейтральное положение: и психологическое, и экономическое направ-

ления истории для него одинаково верны, поскольку они, имея каждое свои научные основания, дополняют друг друга, – и одинаково же неверны, раз одно стремится совершенно устранить другое» [29. С. 1].

Сталкиваясь с подобного рода социологическим релятивизмом невольно приходится сомневаться в психологическом позитивизме Н. И. Кареева. Но эти сомнения развеиваются, когда в другой его работе читаешь: «В историческом процессе участвуют человеческие личности, соединенные в общества, и содержание его составляют волевые акты личностей и общественные перемены. Раз это так, в основу исследования сущности исторического процесса должно быть положено изучение природы человека, главным образом духовной стороны человеческой личности, т.е. попросту говоря, индивидуальная психология» [30. С. 64].

Подобные антиномии встречаются не только в разных работах Н. И. Кареева, но нередко и в одном произведении он не мог избежать гносеологического дуализма. Так, во «Введении в изучение социологии» он писал: «Личность есть единственное реальное существо, с которым имеет дело социология. Народы или отдельные классы одного и того же народа суть собирательные единицы, состоящие из отдельных личностей» [31. С. 103-104]. А в другом месте этой же работы Н. И. Кареев утверждает совсем иное: «Общество не есть простая совокупность личностей, находящихся в психологическом и практическом взаимодействии, но целая система этих взаимодействий, в коей последние получают известные постоянные формы, известную организацию» [31. С. 295-296].

Все усилия Н. И. Кареева создать общую теорию исторического процесса на основе преодоления односторонности экономического материализма и социоисторического идеализма, на деле уводили его на позицию психологического детерминизма. В «Истории с философской точки зрения» (1913) он писал: «Исторический процесс, по самому существу дела, есть процесс духовный и общественный... и, следовательно, прежде всего и более всего он подлежит изучению психологии и социологии» [32. С. 64].

Но далеко не все сторонники субъективно-волевого начала как основополагающего фактора в общественном развитии испытывали симпатии к позитивистской методо-

логии. Более того, многие русские исследователи исторического процесса, оппозиционно настроенные к экономическому материализму, пытаясь дистанцироваться от него, вставляли на позицию так называемого «критического идеализма». Так заявили о себе представители новейшей разновидности идеализма в России в лице С. Л. Франка (1877-1950), С. Н. Булгакова (1871-1944), Н. А. Бердяева (1874-1948) и других основателей сборника «Проблемы идеализма». Этот сборник, содержащий различные статьи двенадцати авторов под общей редакцией П. И. Новгородцева (1866-1924), появился в конце 1902 г. под эгидой Московского психологического общества.

Во многих статьях этого сборника термин «идеализм», который по началу брался в кавычки, рассматривался в двух значениях: в обыденном, т. е. в морально-практическом смысле и теоретическом, т. е. общепсихологическом значении. Исходя из обыденного восприятия понятия идеального, основной пафос всех статей сводился к абсолютизации ценности личности, как носителя самого возвышенного идеала социального развития и общественного устройства.

С. Л. Франк наиболее обобщенно выразил философские идеи своих единомышленников. «В нашем философско-политическом мировоззрении, – писал он, – мы исходим из идеи личности как носителя и творца духовных ценностей, осуществление которых в общественно-исторической жизни образует содержание культуры и есть высшая и последняя задача политического строительства» [33. С. 514].

Редактор сборника П. И. Новгородцев также особо обращал внимание читателей на то, что «Проблемы идеализма», как публицистическое издание «постоянно подчеркивает и выдвигает принцип личности, ее безусловного достоинства, ее естественных и неотчуждаемых прав» [34. С. 66].

Эта редакторская установка свидетельствует о том, что в обыденном значении слова, в русле практической психологии «критический идеализм» не претендовали на глубинное рассмотрение онтологических проблем общественного бытия, а ограничивал себя лишь рамками поиска взаимосвязи социального развития с моральными детерминантами человеческого волеизъявления.

Таким образом, проблема «идеализма» как проблема определения оснований эти-

ческих критериев социального развития становится одним из эпицентров историко-философской дискуссии в России. Как отметил Н. С. Плотников в своей статье «Философия «проблем идеализма»» [35. С. 5-50], само стремление русского научного сообщества к подобной дискуссии было не случайным. «Оно наложилось, – пишет он, – на целый комплекс тенденций в культуре, создававших в духе эпохи атмосферу «обоснования идеалов». В этой атмосфере неожиданным образом переплетались социалистические идеи с эстетическим ницшеанством и моралистическим толстовством, попытки религиозно-церковного обновления с литературными и художественными движениями, дискуссии о «естественном праве» с провозглашением новых метафизических концепций» [35. С. 25].

Мы уже отмечали, что первоначально в научных статьях некоторых представителей историко-идеалистического направления, в частности у П. Б. Струве [36. С. 42-46], термин «идеализм» употреблялся в кавычках, чем подчеркивался его сугубо аксеологический, а не онтологический смысл. Но ко времени появления сборника «Проблемы идеализма» формируется термин «критический идеализм», которому сторонники этого направления стремились придать статус новой концепции, направленной на критическое отношение к экономическому материализму и претендующей на более реалистичное познание исторического процесса.

В статье «От марксизма к идеализму» (1903) С. Н. Булгаков писал, что «критический идеализм» «стремится выполнить относительно социального идеала ту службу, которую в марксизме служит ему экономический материализм; является как бы фундаментом, подведенным под старое здание» [37. С. VI]. Итак, «критический идеализм» мыслился как новый, дополнительный фундамент для материалистического понимания истории. Но перспективы такого «обновления» были изначально обречены на неудачу, поскольку нельзя соединить принципиально противоположные научные подходы. Исторический материализм вобрал в себя от гегелевской философии истории ее самое рациональное зерно – диалектику и, очистив ее от идеалистической оболочки, подвел под нее экономический фундамент, – материальное общественное бытие. Таким образом, возник диалектический ма-

териализм, глубокого понимания которого многие философы, первоначально ориентированные на марксизм так и не достигли. Восприятие материализма в качестве основополагающего принципа общественного бытия при одновременном утверждении идеалистического фактора в качестве движущей силы общественного развития с неизбежностью привело их к бесплодным скитаниям за научными иллюзиями в анализе общественного развития.

Заголовок статьи С. Н. Булгакова «От марксизма к идеализму» стал символическим обозначением подобных иллюзий для целого ряда русских мыслителей, ранее считавших себя сторонниками марксизма.

Пожалуй, главная онтологическая проблема для представителей «критического идеализма» заключалась в понимании объективных и субъективных факторов общественного развития. Она составляла лейтмотив почти всех статей «Проблем идеализма», и суть этой проблемы можно свести к двум следующим вопросам. Первый вопрос: в какой степени общественная жизнь может быть осмыслена как единый исторический процесс? И второй вопрос: в какой степени она может быть прогнозируема в перспективе с научной достоверностью? Эти вопросы совершенно по-разному объяснялись с позиций «критического идеализма» и исторического материализма. Эта разница заключалась в том, что ответы на эти вопросы затрагивали проблему общесоциологических законов с точки зрения анализа их объективной сущности.

Авторы «Проблем идеализма» задавались вопросом: что собой представляет общественно-исторический процесс, если отвлечься от его фактологической сущности? Ответ может быть самым общим: история представляет собой деятельность людей, реализующих свои интересы и цели. Эта деятельность и свободна, и детерминирована. Вот тут-то они и видели проблему в том, как познавательными средствами, а не практическим разумом, провести демаркацию между свободой и необходимостью в социальной сфере?

Проблема эта не была новой для отечественных мыслителей того времени. Сторонники позиции «критического идеализма» пытались разрешить ее следующим образом. Если с каузальной точки зрения человеческая свобода, считали они, совер-

шенно немыслима, то с телеологической она, наоборот, составляет основное условие понимания общественной жизни как движение к социальному идеалу.

С этой позиции Н. А. Бердяев, в частности, подходил к пониманию социализма: «Я сторонник социализма, но мой социализм персоналистический, не авторитарный, не допускающий примата общества над личностью, исходящий от духовной ценности каждого человека, потому что он свободный дух, личность, образ Божий» [38. С. 242-243].

Представители социологического идеализма, таким образом, стремились доказать, что материальное бытие людей, экономическая сфера общественной жизни подлежит научному анализу как объективно подчиненные необходимым, т.е. каузальным связям, а вот духовная сторона социальной жизни подчинена моральному регулированию и составляет примат нравственно должного над необходимым. «Общество, общественное развитие, – писал Н. А. Бердяев, – есть необходимое орудие нравственного развития человеческой личности. Личности принадлежит этический (не социологический) примат над обществом, оценка общества всегда совершается личностью в силу присущего ей автономного нравственного закона, взятого не из общества, всякая общественная форма требует оправдания с точки зрения этического индивидуализма» [39. С. 370].

Как видим, исторический процесс как объективно детерминированное изменение общественных форм экономического развития, с точки зрения сторонников социологического идеализма, ставился в зависимость от «автономного нравственного закона, взятого не из общества». Возникает неизбежный вопрос: а откуда тогда?

В ответе на него, Н. А. Бердяев прибегает к совершенно очевидной софистике, чем блестяще владели все его единомышленники. «Нравственный закон, – поясняет он, – воплощается в жизни человечества путем общественного прогресса, человеческая личность развивается и вырабатывает свою индивидуальность путем многообразного взаимодействия с общественной средой, в социально-психическом общении людей» [39. С. 370-371].

Полемическая изощренность представителей исторического идеализма позво-

лила им вызвать высокий общественный резонанс вокруг аксиологической проблематики исторического познания. Не создав что-либо принципиально нового в научном подходе к определению фундаментальной основы общественной жизни и выявлению детерминирующих факторов ее эволюции, они прибегли к критическому пересмотру исторического материализма, лишь только потому, что в этой теории не абсолютизированы субъективные ценности суверенной личности и ее идеальные телеологические устремления, выступающие как главная доминанта социального развития.

Но вместе с тем нельзя игнорировать то важное обстоятельство, что любая широкая научная дискуссия, пусть даже и по проблемам социальноисторического идеализма, несет в себе и позитивный заряд. Так, Н. С. Плотников считает, что «Если попытаться выразить в обобщающей формуле основное значение идеалистического движения рубежа XIX и XX веков в его взаимосвязи с предыдущим и последующим философским развитием в России, то можно сказать, что здесь философия впервые признается как факт общественной дискуссии или, иначе: философия становится практической» [35. С. 9-10].

Наверное, не все в этой обобщенной оценке бесспорно, но что касается философской дискуссии, то «Проблемы идеализма» ее, безусловно, инициировали. Достаточно перечислить лишь некоторые критические публикации. С общефилософских онтологических позиций этот сборник критиковала Л. И. Аксельрод (Ортодокс) (1868-1946) в статье «Против идеализма. Критика некоторых идеалистических течений философской мысли» (Пг., М., 1922). А. А. Богданов (1873-1928) критически оценивал сборник с позиций экономического позитивизма [40]. Анализировал его с точки зрения критического реализма А. В. Луначарский (1879-1933) [41]. Удостоил своим вниманием «Проблемы идеализма» Н.А. Рожков [42]. Нет необходимости продолжать перечень тех русских историков и социологов, кто критически анализируя «Проблемы идеализма», убедительно показали, что субъективизм в понимании общественной жизни, соединенный с идеалистическими принципами познания мира, с неизбежностью привели последователей этого направления к социальному психологизму и религиозно-провиденци-

алистским обоснованиям исторического процесса.

Свидетельством тому может служить книга С. Л. Франка «Очерк методологии общественных наук», опубликованная частным издательством «Берег» в 1922 году [43]. В этой работе, как и в прежних своих публикациях, автор не скрывал своего неприятия исторического материализма и приверженности к теологическому объяснению всемирной истории. Исходя из этого, главную задачу методологии общественных наук С.Л. Франк видел в том, чтобы: «понять устройство общества, теологически предуказанное или предписанное его сущностью, его имманентными функциями и наметить его конечный идеал» [43. С. 124].

А поскольку это идеал представляет собой «устремленность к Верховному Благу», то «... общественное знание есть самосознание человеческого духа» [43. С. 35].

Пафос самой идеализированной формы социоисторического психологизма, С.Л. Франк в своей книге постулировал однозначным отрицанием детерминирующей роли объективных общесоциологических законов на развитие истории. Исходя из это-

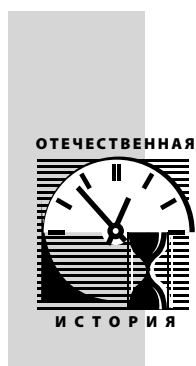
го универсальный метод исторического познания, который по его мнению еще предстоит создать, должен учитывать, что «... науки общественные изучают явления общественной жизни, обусловленные волей и сознанием человека, стремлением людей к определенной цели или идеалам... Поэтому и закономерность общественных явлений (если она и существует) будет иной, чем в явлениях природы», – ибо они, – «... обусловлены теологическими силами, но самое их существо, так сказать, субстрат, состоит из идей и убеждений» [43. С. 103].

Как видим, метафизические обоснования приоритетности духовно-волевого начала личности над обществом лежали в основе теоретических построений всех представителей социоисторического психологизма. В завершении данного раздела уместно заметить, что субъективно-идеалистические воззрения на исторический процесс обнаруживали близость многих представителей этого направления к неокантианству, оказавшему существенное влияние на развитие русской историософской мысли в первой трети XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сафронов, Б. Г. Ковалевский М. М. как социолог. – М., 1960.
2. Белый, А. На рубеже двух столетий. (Воспоминания) / изд. 2-е. – М.– Л., 1931.
3. История русской философии: учеб. для вузов. – М., 2001.
4. Шуринов, П. С. Позитивизм в России XIX века. – М., 1980.
5. Ленин, В. И. О «Вехах» // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 19.
6. Белов, П.Т. Философия выдающихся русских естествоиспытателей второй половины XIX – начала XX вв. – М., 1970. С. 54.
7. Менделеев, Д. И. Собр. соч. в 25 т. Т. 24. – М.- Л., 1937-1954.
8. Ленин, В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 1.
9. Энгельс, Ф. Даниельсону Н. Ф. 15 марта 1892 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 38.
10. Менделеев, Д. И. Собр. соч. в 25 т. – М.- Л., 1937-1954.
11. Тимирязев, К. А. Собр. соч. в 10 т. Т. 6. – М., 1939.
12. Дюркгейм, Э. Метод социологии. – СПб., 1895, 1901; Спенсер, Г. Социальный организм. – СПб., 1866; Он же. Основания социологии. Т. 1-2. – СПб., 1876-1877; Вормс, Р. Организм и общество. – СПб., 1897.
13. Вормс, Р. Организм и общество. – СПб., 1897.
14. Цит. по: Семенов, Ю. И. Философия истории. – М., 2003.
15. Тележников, Ф. С. Социология Вормса // Вестник Ком. акад. 1929. Кн. 35-36.
16. Хвостов, В. М. Социальный организм // Нравственная личность и общество. – М., 1911.
17. Хвостов, В. М. Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. – М., 1914.
18. Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. – М., 1993.
19. Лучицкий, И. В. Отношение истории к науке об обществе // Знание. – 1875. – № 1.

20. Виппер, Р. Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания // Две интеллигенции. – М., 1912. С. 47-48.
21. Грот, Н. Я. О направлении и задачах моей философии. М., 1886.
22. Челпанов, Г. И. Мозг и душа: Критика материализма и очерк современных учений о душе. – СПб., 1900. С. 7.
23. Карсавин, Л. П. Введение в историю (Теория истории). – М., 1920.
24. Карсавин, Л. П. Философия истории. – Берлин, 1923.
25. Маркс, К. – Ковалевскому, М. М. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 34.
26. Кареев, Н. И. О современном значении философии. – Варшава, 1883.
27. Кареев, Н. И. Старые и новые этюды об экономическом материализме. Материалы для истории и критики экономического материализма. – СПб., 1896; Сущность исторического процесса и роль личности в истории. Изд. 2-е. – СПб, 1914.
28. Кареев, Н. И. Теория личности П. Л. Лаврова. – СПб., 1913.
29. Кареев, Н. И. Критика экономического материализма (Старые и новые этюды) // Н. И. Кареев. Собр. соч. в 3-х т. Т. 3. – СПб., 1913.
30. Кареев, Н. И. Задачи социологии и теории истории // Н. И. Кареев. Собр. соч. в 3-х т. Т. 1. – СПб, 1911-1913.
31. Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб., 1897.
32. Кареев Н.И. История с философской точки зрения // Н. И. Кареев. Собр. соч. в 3-х т. Т. 1. – СПб., 1911-1913.
33. Франк, С. Л. Русское мировоззрение // С. Л. Франк. Соч. – М., 1990.
34. Новгородцев, П. И. О философском движении наших дней // Новый путь. – 1904. – № 10.
35. Плотников, Н. С. Философия «Проблем идеализма» // Проблемы идеализма. Сер. Исследования по истории русской мысли. М., 2002. С. 5-50.
36. См.: Струве, П. Б. Высшая ценность жизни // Северный курьер. – 1900. – 16 янв. (перепечатано в кн.: Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2000. М., 2000. С. 42-46).
37. Булгаков, С. Н. От марксизма к идеализму. – СПб., 1903.
38. Бердяев, Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). – М., 1991.
39. Бердяев, Н. А. Этическая проблема в свете философского идеализма // Проблемы идеализма М., 1902. (перепечатано в кн.: Исследования по истории русской мысли. Т. 8. – М., 2002. – С. 370).
40. Богданов, А. А. О «Проблемах идеализма» // Образование. – 1903. – №3.
41. Луначарский, А. В. «Проблемы идеализма» // Образование. – 1903. – № 2.
42. Рожков, Н. А. Значение и судьбы новейшего идеализма в России. По поводу книги «Проблемы идеализма» // Вопросы философии и психологии. Т. 67. – 1903.
43. Франк, С. Л. Очерк методологии общественных наук. М., 1922.

УДК 947.02

ББК 63.214 – 1

Отечественная история, генеалогия правящих династий

РЯЗАНСКИЕ КОРНИ МОСКОВСКОЙ КНЯЖЕСКОЙ ДИНАСТИИ

И. Ж. Рындин

Анализируется происхождение по женской линии Александра Невского и его потомства по данным источников и научной литературы. Производится идентификация князя Юрия, шурина отца Александра Невского - Ярослава Всеволодовича. Рассматривается проблема рязанских князей Игоревичей и Ингваревичей.

Ключевые слова

Новгородская первая летопись, рязанские летописные известия, половецкая княжна, рязанская княжеская фамилия, шурин новгородского князя, московская княжеская династия.

Уникальность Новгородской первой летописи отмечена многими исследователями. В некоторых случаях ее известия расходятся с данными большинства остальных известных науке источников. Это относится и к ряду рязанских известий.

Благодаря многочисленным публикациям широко известен спорный вопрос об отчестве рязанского князя Юрия Ингваревича (или Игоревича), подробно рассмотренный А. Г. Кузьминым в его монографии «Рязанское летописание» [1. С. 133 - 141]. Автор отстаивает точку зрения, по которой в Новгородской первой летописи дан искаженный вариант перечня рязанских князей, вышедших со своими войсками навстречу хану Батыю в 1237 году. Фразу «Князи же рязаньстии Юрьи, Ингворовъ брат, Олегъ, Роман Инггоровичъ» [2. С. 286] следует читать так, как ее дают большинство других летописей: «Юрьи Ингворовичъ, брат его Олег Ингворовичъ» [1. С. 140].

Доводы А. Г. Кузьмина выглядят убедительно, особенно если учесть известие многих летописей о том, что Ингварь Игоревич

был единственным из братьев, уцелевших после массового избиения рязанских князей Глебом и Константином Владимировичами в Исадах.

В связи с этим необходимо прояснить еще один вопрос, связанный с другим известием Новгородской первой летописи. Под 1232 годом в эпизоде о подчинении города Пскова власти новгородского князя Ярослава Всеволодовича в ней приводится следующее сообщение: «...приидоша плесковичи, и поклонишася князю и ркоша: «ты наш князь»; и испросиша у Ярослава сына Федора; и не дасть имъ сына, и рече имъ: «се даю вы шюрин свои Юрья, и то ваш князь»; и по яша и ведоша и паки посадиша его въ Плесковъ, чадъ показаша путь съ их женами».

О каком шурина князя Ярослава Всеволодовича идет речь? В примечании к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина говорится на этот счет: «Ярослав был женат вторым браком на дочери Мстислава Мстиславича Галицкого; но, может быть, он женился после в третий раз» [3. С. 629]. В примечании к тому же известию к «Исто-

Икона «Св. благоверный князь Александр Невский».
XIX в. Пошехонских писем. ГМПИ.

рии Российской с древнейших времен» С. М. Соловьева отмечено: «Если Ярослав не женился в третий раз, то Юрий должен быть сын Мстислава торопецкого» [4. С. 320]. В. Н. Татищев это известие не комментирует (впрочем, как и все остальные), но зато дает существенное дополнение, по своему обыкновению не указывая источник: «И Юрий немедля, собрав плескович, пошел в Ливонию, где, взяв град Медвежью Голову, посадил в нем плескович» [5. С. 228]. Известный специалист по жизни и деятельности князя Александра Невского Ю. К. Бегунов в своей неоднократно переиздаваемой монографии «Александр Невский» относит Юрия (Георгия) к суздальским князьям [6. С. 42], в то же время, в хронологии жизни и деятельности Александра Невского в конце своей книги сообщает, что матерью его была дочь князя Мстислава Удалого княгиня Ростислава-Феодосия [6. С. 236]. Той же версии придерживаются и некоторые другие исследователи [7. С. 8 – 11]. В «Житии Александра Невского» о происхождении его матери ничего не сказано [8. С. 328 – 329]. Н. А. Клепнин в своем труде «Святой и благоверный великий князь Александр Невский», отмечает, что о матери Александра Невского – княгини Феодосии – «известно очень мало. Летописные сказания противоречивы даже в указаниях того, чьей она была дочерью» [9. С. 265]. В примечании к этому высказыванию он до-

бавляет: «По новейшим сведениям, княгиня Феодосия, мать Св. Александра Невского, была половецкой княжной» [9. С. 353].

Здесь необходимо отметить, что цитируемое произведение Н. А. Клепнина было написано в 1927 году. Тем не менее, трудно согласиться с мнением автора по поводу противоречивости сведений о матери Александра Невского. По данным летописей, первым браком (с 1207 года) Ярослав действительно был женат на половецкой княжне [5. С. 227], с которой он в 1208 году вернулся к отцу из Переяславля Южного [10. С. 127]. В 1214 году второй женой Ярослава стала дочь Мстислава Удалого Ростислава (внучка рязанского князя Глеба Ростиславича) [10. С. 131], которая была забрана отцом обратно по итогам феодальной войны 1216 года [5. С. 199]. Видимо после этого Ярослав женился на дочери рязанского князя Ингваря Игоревича Феодосии, которая в 1219 родила ему сына Федора, а в 1220 – Александра.

В примечаниях к «Житию Александра Невского» и «Летописи жизни и деятельности Александра Невского», вошедших в сборник «Александр Невский и его эпоха» Ю. К. Бегунов уже сообщает, что матерью Александра Невского была Феодосия Игоревна, дочь рязанского князя Игоря Глебовича [11. С. 202; 12. С. 206]. Так чьей же дочерью была Феодосия и кто таков Юрий, Ярославов шурин (т. е. брат жены)?

Стенная композиция Грановитой палаты
Московского Кремля. 1882. Палехских писем.

Если принять во внимание приведенное выше сообщение Новгородской первой летописи о шуринах Ярослава Всеволодовича и соображения А. Г. Кузьмина об отчестве князя Юрия Ингваревича Рязанского, то напрашивается вывод о том, что Юрий Ингваревич Рязанский и был тем самым князем, которого Ярослав посадил в Пскове, а Феодосия его родная сестра. После смерти Ингваря Игоревича в 1235 году, он вернулся в Рязань, занял отцовский стол и в дальнейшем пал от рук монголо-татарских завоевателей. Кстати говоря, с Феодосией Ярослав мог познакомиться еще во время своего краткого княжения в Рязани в 1208 году.

В 1232 году летописи отмечают брак Надежды Ингваревны (по Татищеву – Игоревны) Рязанской с углицким князем Владимиром Константиновичем [5. С. 174]. А под 1252 годом Ю. К. Бегунов в своей уже упомянутой хронологии, без указания источника информации, сообщает о женитьбе князя Александра Невского на княжне Дарье Изяславне, дочери рязанского князя Изяслава Владимировича (убитого, как известно в Исадах в 1217 году), добавляя при этом, что

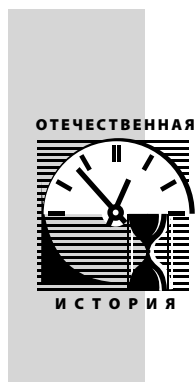
монашеское имя Дарьи было Васса [12. С. 208]. В следующем, 1253 году, у них родился сын Дмитрий, в 1255 году – Андрей, а в 1261 – Даниил, основатель московской княжеской династии. Второй брак Александра Невского объясняет почти полное отстранение от власти и наследия отца в 1263 году его сына от первого брака Василия, умершего лишь в 1271 году.

Однако Дарья Изяславна была младше Александра Невского как минимум на 3 года (в том случае, если она родилась в год смерти отца) и в момент бракосочетания ей было не менее 35 лет. Хотя, конечно, это вовсе не исключает ее брак с Александром Невским и в столь зрелом возрасте.

В более ранних своих работах Ю. К. Бегунов считает Дарью дочерью князя Изяслава Мстиславича (по-видимому, смоленского князя) [6. С. 239]. На основании каких данных он переменяет свою точку зрения, к сожалению, автор не сообщает. Но даже одного брака Ярослава Всеволодовича с рязанской княжной Феодосией достаточно для того, чтобы считать, московскую княжескую династию по женской линии происходящей от рязанской княжеской фамилии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузьмин А. Г. Русское летописание. – Рязань, 1965.
2. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – Рязань, 2001.
3. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II – III. – М., 1991.
4. Соловьев С. М. Сочинения. Кн. II. – М., 1988.
5. Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. II и III. – М., 1995.
6. Бегунов Ю. К. Александр Невский. – М., 2003.
7. Хитров М. Святой и благоверный великий князь Александр Невский. – М., 1893.
8. Житие Александра Невского // Изборник. – М., 1969.
9. Клеппин Н. А. Святой и благоверный великий князь Александр Невский / Александр Невский. – М., 1998. – С. 265.
10. Летописец Переяславля Суздальского // ПСРЛ. Т. 41. – М., 1995.
11. Житие Александра Невского // Александр Невский и его эпоха. Подготовка текста и перевод. Ю. К. Бегунова. – СПб., 1995.
12. Летопись жизни и деятельности Александра Невского. Сост. Ю. К. Бегунов // Там же.

УДК 947.084
ББК 63.3(2)614

Отечественная история, история советского общества, политология

ФЕНОМЕН ИЛЛЮЗОРНОГО СОЗНАНИЯ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ В 30-е ГОДЫ XX ВЕКА

Доктор исторических наук
В. И. Соколов

В статье анализируется проблема складывания менталитета советского общества в 30-е годы XX века, когда власть, манипулируя сознанием людей, внедряла в него новые ценности социалистического характера. Осуществлялось это через печать, кино, радио и литературу, и звуковые носители. Утверждались социалистический оптимизм, трудовой энтузиазм, вера в скорую победу социализма. Однако реальности не соответствовали мажорному тону официальной пропаганды. При этом искажалась историческая правда, уничтожались традиционные и православные духовные ценности, подвергались репрессиям священнослужители и верующие.

Ключевые слова

Тоталитаризм, 30-е годы XX века, восстание масс, массовая культура, феномен толпы, менталитет, манипуляция сознанием, репрессии, РПЦ, фальсификация отечественной истории, мифологизация общественной реальности.

Энергетический заряд революций 1917 года инициировал активность огромной массы населения в государственной и общественной жизни, в политической и социальной деятельности. Постепенно начали утверждаться нормы коллективистской морали и многим современникам стало казаться, что наступает время демократических преобразований в стране. Однако эти ожидания были жестоко обмануты и не получили никакого воплощения ни в 20-е, ни в 30-е гг. Партийное государство «отлучило» массы от социального и политического творчества, превратило людей в слепых исполнителей, всего лишь в «винтики» чудовищной государственной машины. В то же время, на протяжении 30-х гг. сталинскому руководству СССР удавалось поддерживать состояние повышенной мобилизационной готовности, трудового энтузиазма значительной части советских людей. Помимо

насилованных методов, достигалось это с помощью мифологического, иллюзорного сознания, сформированного тоталитарным режимом, который сам являлся порождением феномена «восстания масс», свойственного XX в.

Восставшие массы как раз и были носителями растревоженного и заполошного сознания в советской России (СССР), в фашистской Италии, нацистской Германии и в некоторых других странах, когда разрушение многих социальных структур традиционного общества и появление так называемого «массового общества» с присущими ему институтами и моделями поведения толпы привело с одной стороны к нивелировке сознания, а с другой – ко всеобщей его нестабильности.

Главной структурой в духовной жизни страны, которую в первую очередь стремилось уничтожить партийное государство,

было православие, Русская Православная Церковь (РПЦ). В 1928 г. Джугашвили, начиная кровавую коллективизацию, со злостью заявил: «Единственное, о чём надо пожалеть, что духовенство не было с корнем ликвидировано» [1. С. 377]. И ещё один, казалось бы незначительный, но ярко характеризующий новое давление на РПЦ, эпизод: в 1929-м «Союз безбожников» был переименован в «Союз воинствующих безбожников», именно воинствующих [2. С. 246].

В первые десятилетия XX в. в результате революций и войн, мировых экономических кризисов и других катаклизмов эпохи, религиозное миропонимание значительно сузилось и широкое распространение получил атеизм. Растревоженное сознание людей искало новых парадигм. В советской России религию христианскую заменила «религия» коммунистическая. Известный английский историк А. Тойнби совершенно справедливо отмечал: «Мы видим как марксизм превращается в эмоциональную и интеллектуальную замену православного христианства с Марксом вместо Моисея, Лениным вместо Мессии и собраниями их сочинений вместо священного писания этой новой атеистической церкви» [3. С. 341].

В условиях антихристианской государственной политики внутри Русской Православной Церкви (РПЦ) возникла в конце 20-х годов ещё и внутренняя дилемма: как вести диалог со светскими властями, с компартией. В 1926 г. происходит арест Заместителя Патриарха – митрополита Сергия и впоследствии ведётся его перманентная обработка. В 1929 г. митрополит Сергей выступает с одиозной, скорее всего вынужденной проповедью: все беды Сталина – наши беды, все наши успехи достигнуты благодаря ему [4. С. 71]. Участие священноначалия в кампании прославления Сталина являлось безоговорочным условием «примирения» церкви с властью. [1, С. 383] Владыку Сергия поддержали 4 митрополита, а священнослужителей, выразивших протест, арестовали [4. С. 71]. 30 марта 1931 г. в обмен на лояльность РПЦ советской власти митрополит Сергей был освобождён из-под стражи [5. С. 733].

Однако вынужденное пресмыкательство части руководства РПЦ перед Сталиным не помогло. В 1929–1930 гг. коммунисты организовали несколько кампаний против православной церкви. «Закрывались и разру-

шались ещё уцелевшие храмы, в Ленинграде в рождественский сочельник учинили «ночь борьбы с религией» и взяли всех, кого застали в церквях» [6. С. 257]. На Рождество Христово в 1930 г. власти запретили колокольный звон. В Свято-Даниловском монастыре вообще были сняты все 18 колоколов весом около 30 тонн: советское правительство продало их по цене бронзового металлолома в Гарвардский университет [7]. В Москве ничего по этому поводу не произошло, народонаселение безмолвствовало...

Но не всегда властям всё безнаказанно сходило с рук. В марте 1930 г. в Пителинском районе Рязанского округа в результате ареста священников забушевало крупное крестьянское восстание. Толпа в 2–3 тысячи сельских прихожан, значительную часть которой составляли женщины, вооружившись вилами, топорами, дубинками, двинулись на райцентр – освободить арестованных пастырей. Волнения охватили 11 сёл и деревень. «Несколько милиционеров и активистов, пытавшихся остановить крестьян, были убиты. Но на окраине Пителина мятежников встретили председатель Рязанского окрисполкома Штродах и секретарь окружкома партии Глинский с командой из 300 солдат. Штродах, чувствуя свою силу, завопил, размахивая наганом: «Что бунтуете, колхозы не понравились?» В ответ одна бойкая молодка задрала юбку и показала ему зад: «Вот тебе колхоз!». Взбешённый коммунист выстрелил и убил её. Толпа ринулась на него, готовая растерзать, однако красноармейцам приказали открыть огонь».

Солдаты дали несколько залпов, но, очевидно, душой сочувствуя повстанцам, они стреляли не прицельно и их пули не заделали ни одного крестьянина, все прошли мимо. Тем не менее, стрельба вызвала панику, и толпа бросилась бежать. Некоторое время мятежники ещё прятались по деревням, перебили там колхозных активистов, разобрали по дворам обобществлённый ранее скот, и лишь «спустя три дня восстание было жестоко подавлено» [6. С. 262–263].

К концу 1930 г. было закрыто до 80% сельских храмов [8. С. 436]. Если в начале 20-х гг. в Петрограде действовало 96 храмов, то в конце 30-х их осталось всего 7 [9. С. 40]. В Рязани из 90 храмов остался 1 – «Всех скорбящих радость». Закрыта была также старообрядческая церковь. 5 декабря 1931-го в Москве был взорван храм Христа Спа-

сителя, символ не только религиозный, но и национальный, на месте которого предполагалось построить (архитекторы Иофан и Шуко) гигантский Дворец Советов (315 метров) со скульптурой Ленина на нём невероятных размеров (100 метров). Что, мол, там Египет и его пирамиды?! Советский социализм покруче будет, а рабов – у Сталина не меньше, чем у фараонов. Пусть живёт века, а то и тысячелетия, эта величавая громадина сталинизма. Являя пример всем комсомольцам страны, генсек ЦК ВЛКСМ А. Косарев самолично бросался с отбойным молотком на руины храма Христа Спасителя, чтобы до конца разрушить последние остатки его. Замахнулись снести и храм Василия Блаженного, но помешал этому архитектор, реставратор и историк П. Барановский, который добился встречи с главным разрушителем старой Москвы Кагановичем и решительно выступил в защиту удивительного храма. Поняв, что его доводы не убедили Кагановича, Барановский направил резкую телеграмму Сталину. Храм Василия Блаженного удалось отстоять, но самого заступника – Барановского отправили в ссылку на несколько лет [10].

Как-то Н. Хрущёв доложил вождю о недовольстве населения сносом старинных зданий. Тот задумался, а потом ответил: «А вы взрывайте ночью» [11]. Стали взрывать ночью, вплоть до середины 60-х гг.

15 мая 1932 г. Сталин объявил «безбожную пятилетку», результатом которой должна была стать ликвидация церкви, духовенства, религии, веры. К 1936 г. планировалось закрыть последнюю церковь, а к 1 мая 1937-го – добиться того, чтобы имя Божие в России вообще перестало упоминаться [1. С. 377]. 15 ноября 1932-го в Казанском соборе Ленинграда был открыт Музей истории религии [5. С. 751]. В Рязанском областном краеведческом музее на всеобщее обозрение выставлены мощи Святого Олега рязанского и только в 2000 г. останки князя снова были перенесены в Солотчинский монастырь.

С особым рвением осуждали за инакомыслие, убеждения, веру. В 20-е годы на Соловках уничтожено 8 митрополитов, 20 архиепископов, 47 епископов [12]. В феврале 1932 г. только в Ленинграде арестовано и направлено в тюрьмы около 500 монахов [2. С. 249]. В сентябре 1935 г. в тюрьмах и лагерях томилось до 40 тысяч духовных лиц [13. С. 115].

Бывший семинарист, Сталин, продолжал иезуитскую политику «кнута и пряника». Так, в 1937 г. заместитель Патриарха митрополит Сергей стал именоваться Местоблюстителем Патриаршего Престола, но одновременно было арестовано 50 высших иерархов Русской Православной Церкви [5. С. 766].

Продолжая последовательно уничтожать религию, власти целенаправленно, упорно и с неослабным постоянством внедряли в массы идеи об успешном строительстве социализма, о повсеместно счастливой жизни простых людей. Вслед за Сталиным, утверждалось, что «жить стало лучше, жить стало веселее». Был распространён и поощрялся социальный фанатизм. Особое влияние на массы оказывало кино (вспомним слова Ленина о том, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино»). Кино и радио стали новым веянием времени. Именно по радио люди могли услышать выступления заоблачных пролетарских вождей, подкреплённые жизнеутверждающей музыкой с простыми, доходчивыми словами: «А ну-ка девушки, а ну красавицы, пускай поёт о нас страна! И звонкой песнею пускай прославятся среди героев наши имена!»; те же девушки-стахановки отвели деревенского паренька в забой, где «в дни работы жаркие, на бои похожие, в жизни парня сделали поворот крутой». Незамысловатые, мелодичные и легко запоминающиеся мотивы И. Дунаевского, Б. Мокроусова и других композиторов-песенников были на слуху у всех, особенно у молодёжи; они звучали по радио, со сцены, из редких в быту патефонов, на улицах во время демонстраций, на праздниках и в застольях.

Доступные слова песен, вместе с мажорной, бодрой музыкой, незаметно утверждали в сознании людей советский патриотизм и социальный оптимизм, героизм труда и борьбы за построение социализма. Песенные мини-произведения оказывали поистине огромное влияние на современников, формируя их сознание в духе нужной официальной идеологии. Пафос песен 30-х далеко не соответствовал реалиям жизни, но их романтическая приподнятость и революционная символика текстов оказывали сильное влияние на души людей. «Вождь мирового пролетариата» это хорошо понимал, дважды присудив И. Дунаевскому Сталинскую премию. [3. С. 376]

Для детворы той эпохи кино, радио и трактор были реальными чудодеяниями новой власти, рядом с которыми меркли «поповские поучения» и даже традиционные сказки своего собственного народа. Именно поэтому дети легко вращались в тоталитарное общество, в его внешне соблазнительные сказки. В борьбе за влияние на умы детей система одержала значительную победу над семьёй. Семья оказалась расколота, в ней появились «враги народа». В учебниках обязательно присутствовала тема «врагов народа». Версия об их существовании внедрялась в головы детей на уровне подсознания [14. С. 600–601], а имена «врагов народа» вымарывались из учебников в обязательном порядке. Учебные заведения, газеты, радио, кинохроника являлись каналами через которые оболванивали население. Людям навязывались готовые мнения и оценки; весь СССР штудировал «Краткий курс истории ВКП(б)», а вся Германия изучала гитлеровскую книгу «Моя борьба». «Человек с детства не только получал превратные сведения об окружающем мире, но и усваивал ложную манеру мышления: вывод всегда был известен заранее, предшествовал фактам» [15. С. 87].

Непременным элементом школьной образовательной программы была подготовка к будущей войне. «Тоталитарное общество – это общество военизированное, поэтому важнейшей предпосылкой его становления является милитаризация жизни и мышления» [15. С. 21]. Сталин, выступая даже на социальные, экономические или культурные темы предпочитал пользоваться военными терминами: «разведка», «фронт», «наступление», «отступление», «перегруппировка сил», «подтягивание тылов», «подвод резервов», «полная ликвидация врага» [16. С. 298]. Кроме того, «у Сталина была тяга к униформе не меньшая, чем у Николая I. Все в стране постепенно одевались в униформу: железнодорожники, речники, шахтёры, а теперь – подростки, на долгие годы получившие название «ремесленников» [17. С. 39].

Генсек вообще хотел бы призвать в армию побольше населения страны, но маршал Шапошников предостерег от этого шага и объяснил, что существует критическое число призванных под ружьё – не более полутора процентов от числа дееспособного мужского населения» [17. С. 38].

Жизнь советских людей и, прежде всего молодёжи, была предельно милитаризована. Первые советские буквари воспитывали у малышей не только готовность к подвигу, но и к жертвенности: «Товарищ Ворошилов, я быстро подрасту и встану вместо брата с винтовкой на посту». С 1934 г. немецких девочек начали обучать в школе военному делу. То же самое происходило и в советских школах: «В обществе лагерного типа требовался спартанский идеал женщины» [18. С. 55]. Две схожих по тоталитарному режиму и устремлениям своих вождей страны готовились к смертельной схватке. В советских газетах можно было увидеть портреты симпатичных пионерок с наганами, а под портретами текстовки: «Пуля стала мне другом!». Повсюду можно было встретить плакаты, на которых были нарисованы дети с ружьями и пистолетами. «Шагай круче, целься лучше!» – распевали пионеры по всей стране припев песни, сочинённой для них В. Маяковским. Близнецами выглядели наши и немецкие издания для юношества [18. С. 55].

Для 30-х гг. характерно растущее увеличение сходства между коммунизмом и нацизмом, взаимное внимание их друг к другу, а к концу десятилетия – сотрудничество и дружба. Обе идеологии оказываются не только глубоко родственными, но изначально нацисты сами считали себя продолжателями дела коммунистов. Гитлер рассказывал приближённым, что в молодости общался с марксистами, «но они были и остались мелкими людишками. Они не давали ходу выдающимся личностям. Им не нужны были люди, которые, подобно Саулу, были бы на голову выше их среднего роста» [6. С. 283]. Немного позже, в августе 1939-го, фюрер заявил: «С осени 1933 года... я решил идти вместе со Сталиным». Гитлер признавался даже, что «отдал распоряжение, чтобы бывших коммунистов принимали в нашу партию» [6. С. 285]. И их принимали.

В фашистской Германии всерьёз поощрялось рождение даже внебрачных детей, «белокурых бестий» для рейха. В Советском Союзе 27 мая 1936 года указом Совнаркома были запрещены аборты (разрешённые в 1920 году), так как армии нужны были солдаты («нам нужны люди, это не личное дело женщин») [19; 26. С. 149]. Человек потерял право распоряжаться даже своим телом. За аборт следовало уголовное наказание и в результате тысячи женщин гибли от под-

полных аборт [20]. Статистика показала, что в 1939 году, например, в крупных городах страны из-за запретов на аборты каждое четвёртое убийство было убийством новорожденного [21]. Запрет на аборты был отменён только в 1955 году [22]. Кроме того, в 1936 году, по понятным причинам, были ограничены и усложнены процедуры развода [16. С. 149].

Для повышения уровня социалистического или арийского духа, народонаселение завлекали невиданными грандиозными планами строек и памятников прямо планетарного масштаба. Это происходило и в СССР, и в Германии. Сказочными символами советского счастья стали Московское метро (открыто в 1935) и курортный город Сочи, который советское правительство объявило ударной стройкой в 1934 г., поставив её в один ряд с такими индустриальными гигантами, как Магнитка, Днепрогэс и Кузбасс. В сжатые сроки строились уникальные в архитектурном отношении санатории, дома отдыха, другие курортные учреждения. Под загадочным словом «курорт» советские люди, вслед за вождями, стали подразумевать эдакий «социалистический рай», попасть в который могли только избранные. А. Стаханов, Н. Островский, В. Блюхер, герои-лётчики, колхозники-передовики, знатные строители продлевали свою жизнь (пока это было возможно до репрессий и расстрелов) в санаториях-дворцах, на побережье Чёрного моря и рядом - на целебных водах Мацесты [23].

Оборотной стороной медали было то, что перед самым началом помпезного строительства большого Сочи – 20 июня 1933 года – открылся Беломорско-Балтийский канал им. Сталина, возведённый в рекордно короткий срок. Сколько людей погибло, прокладывая мало нужную стране 227-километровую трассу канала, неизвестно до сих пор [24. С. 94]. Сразу после завершения стройки одни тысячи каналаармейцев были расстреляны, а другие, «более счастливые», – отправлены дальше на Север – строить очередные гиганты пятилеток.

В отличие от любых авторитарных или диктаторских режимов, тоталитарный режим стремится создать себе массовую поддержку и опирается не столько на те или иные элиты, сколько на массовые движения, порождённые массовым обществом. В «великом переломе», в политике «боль-

шого скачка» было заинтересовано не только политическое руководство режима, но и определённая часть общества. Коммунисты сумели опереться на наименее удовлетворённые своим положением социальные группы, а по существу на новых маргиналов 30-х годов, как это сделали большевики в 1917-м. Поддержка сталинскому режиму была обеспечена и по другой причине: население СССР соотносило полуголодное пятилетие от начала сплошной коллективизации, в том числе со смертельно голодными 1932–1933 гг., с последующим, более-менее экономически обеспеченным временем, и, не сопоставляя одно время с другим, благодарило за это Сталина и компартию. Данный социально-психологический феномен зафиксировал известный немецкий писатель Лион Фейхтвангер, посетивший Москву в январе 1937 г. Он писал, что «советские люди в течение многих лет переносили крайние лишения», а теперь они видят, что «так как им было обещано, они предполагают множеством вещей, о которых ещё два года назад они едва осмеливались мечтать...» [8. С. 452]. Подтверждение этому феномену находим также у А. Платонова в «Чевенгуре»: «Они будут довольны, – говорил убеждённо и почти радуясь Прокофий. – Они привыкли к горю, им оно легко, дадим им пока мало, и они будут нас любить... мы будем давать счастье помаленьку и опять его накапливать, и нам хватит его навсегда» [25. С. 322].

Терпение лишений сочеталось у авангарда советского общества – пролетариата – с жертвенностью во имя «светлого будущего»: «Пускай нам общим памятником будет построенный в боях социализм» (В. Маяковский). «Всё стерпим, если так нужно будет. Назад у нас дороги нету, только вперёд», – заверяли донецкие шахтёры в мае 1929 г. председателя ВСНХ В. Куйбышева [14. С. 578–579].

Вакуум православной религии на время был заполнен верой в марксизм, компартию. Эта новая квазирелигия лежала в основе жизнерадостного мироощущения значительной части советских людей. «Их счастье ... основано на доверии, неведении и надежде», – отмечал посетивший СССР в 1936 г. Андре Жид [8. С. 455]. Архетип «Ожидания чуда», как форму бессознательных влечений человека времён Ленина, Сталин сменил другой архетипической тенденцией – «Героическим мифом». В соответствии с этой

моделью народ получает осуществление всех своих желаний не сразу (как при «Ожидании чуда»), но через долгий период борьбы и страданий. «Присутствовали все части мифологической структуры: сам Герой, которому поклоняется весь народ, коварный Враг, с которым он борется, неизбежность страданий и жертвенности со стороны народа. Этот миф успешно эксплуатировал подсознательные стремления миллионов людей более тридцати лет» [26. С. 952].

По подсчётам некоторых исследователей, сталинским гипнозом было охвачено 20–30% населения и, если учитывать пассивность большинства, то такая степень поддержки представляется более чем достаточной. [27]. Опираясь на эту поддержку, сталинское руководство охотно и привычно перекладывало ответственность за содеянное на происки врагов внешних и внутренних. Участники массовых митингов иступлённо требовали немедленной и кровавой расправы над «врагами народа». Мифологизированному сознанию людей того времени была свойственна нетерпимость к любому инакомыслию под известным лозунгом «Кто не с нами, тот против нас!»

Помимо политики устрашения, коммунистическая власть использовала множество других инструментов воздействия на психику народа. Так, практически во всех социальных слоях – от академиков до уголовников – создавался актив, призванный демонстрировать «всемирную» поддержку режиму. В 20–30-е гг. был популярен анекдот о том, что ОГПУ открыло «новый закон физики»: «стук» распространяется быстрее, чем звук. Доносительство («стукачество») получило широкое распространение [28]. 80% репрессированных в 30-е годы погибли по доносам соседей и коллег по службе [14. С. 605]. Ещё в 20-е годы в «столицах» был создан «институт дворников, подчинённых властям». В одной только северной столице числилось около 17 тысяч таких дворников нового образца. «Санитарам двора», как окрестил их писатель Платонов, в обязанность вменялось следить за всеми входящими во двор, за образом жизни жильцов, за тем, чтобы не было «сборищ», предписывалось срывать недозволенные звонания, призывы и тому подобное [29].

Как известно, тоталитарные режимы стремятся достичь объёма власти, несравнимого с тем, который существует в дру-

гих социумах. Режим пытается контролировать не только действия, но даже эмоции и мысли населения. Партийными и советскими органами, прокуратурой, ОГПУ составлялись обширные «сводки о настроениях». Постоянно совершенствовалась и расширялась система перлюстрации, то есть тайного вскрытия почтовой корреспонденции, причём полученные с её помощью материалы регулярно представлялись высшему руководству страны – подобная практика была заведена ещё Лениным. Такие общественные организации, как профсоюзы, комсомол, творческие союзы и тому подобные официально обязаны были сообщать «наверх», а также в соответствующие органы об умонастроениях и бытовом поведении своих сограждан.

Иллюзорное сознание советских людей 30-х гг. сочетало в себе как трагическое, так и героическое. Помимо нагнетания идеологической напряжённости, атмосферы страха, сталинское руководство умело отвлекало внимание населения страны от существовавших проблем с помощью тщательно продуманных и организованных героических событий и помпезных зрелищ. Это и прославление юного борца с кулаками Павлика Морозова, и героя-пограничника Н. Карацупы и пышные чествования лётчиков (А. Ляпидевского, С. Леваневского и других), спасших полярников-челюскинцев и первыми удостоенных звания Героя Советского Союза, и трудовые подвиги А. Стаханова с его последователями, и многотысячные толпы, встречающие героев-лётчиков В. Чкалова, Г. Байдукова и А. Белякова, совершивших беспосадочный перелёт сначала на Дальний Восток, а затем в США, и, наконец, героическая зимовка на дрейфующей льдине первой в СССР станции СП-1 во главе с И. Папаниным [30. С. 330].

Все эти подвиги были одновременно самой дорогой идеологической пиар-компанией того времени. Не умаляя заслуг этих действительно замечательных людей, следует отметить, что их пример власть умело использовала в своих корыстных пропагандистских целях, манипулируя массовым сознанием. Как метко высказался о тех событиях известный английский драматург Бернард Шоу: советские люди даже из трагедии ледокола «Челюскин» сделали праздник. Всё это были дорогие, но необходимые власти шоу, для того, чтобы заслонить ими слухи

об умирающей от голода деревни. Сталин, когда не хватало хлеба, предоставил народу целый ряд героизированных зрелищ.

Кстати, Б. Шоу заявил на одном из торжеств в его честь: «Нигде я так хорошо не обедал, как в Советском Союзе!» [31]. И это в самом голодном в истории человечества – 1933-м! Он, как и Фейхтвангер, считал, что в СССР всё прекрасно. Б. Шоу назвал СССР «государством будущего», однако, когда ему предложили остаться в Москве, Шоу тут же заявил, что в Англии действительно ад, но он, мол, старый грешник и вынужден оставаться там [32].

Ключевым фактором иллюзорного сознания 30-х гг. было тотальное идеологическое манипулирование, создававшее у многих людей чувство хозяина своей страны, а точнее, иллюзию этого Чувства. Помноженное на революционные традиции, русский патриотизм и подкреплённое массовыми репрессиями, оно побуждало население идти на материальные жертвы ради создания мощной индустриальной державы, ради «светлого» социалистического будущего. Страх за свою жизнь, семью или карьеру не только служил мощным стимулом к труду, компенсировавшим недостаточную материальную заинтересованность, но и делал людей невосприимчивыми к боли других людей, к любой информации, разрушавшей их внутренний духовный мир, основанный на официальной идеологии.

В октябре 1934 г. великий ученый-физиолог И. Павлов доверительно писал Г. Каминскому, наркому здравоохранения РСФСР: «Думаете ли Вы достаточно о том, что многолетний террор и безудержное своеволие превращает нашу и без того довольно азиатскую натуру в позорно-рабскую?... А много ли можно сделать хорошего с рабами? Пирамиды? – Да, но не общее истинное человеческое счастье» [33].

Иван Петрович, читая студентам лекции, указывал на портреты Ленина и Сталина в аудитории и заявлял: «Вот из-за кого нам плохо живётся», – вспоминал Молотов [34]. Иван Петрович ставил в один ряд беды своего народа с фашизмом на Западе. «Никакие Днепрогэсы, – писал он Молотову, – не принесут пользу, если они возводятся усилиями подневольных людей и делают свободного человека рабом» [3. С. 267]. Павлов доставлял много хлопот властям, так как, обладая сильным влиянием на окружающих, откры-

то говорил то, что думает, невзирая на ложные авторитеты и самозванную коммунистическую власть.

Считалось, что высокий международный авторитет ограждал единственного тогда в России лауреата Нобелевской премии академика Павлова от сталинского репрессивного аппарата, хотя есть и обратные предположения – о насильственной его смерти от рук тайных служб СССР. Одна из версий состоит в следующем: Павлов и Горький рассчитывали на волне подготовки новой конституции страны создать партию интеллигенции наряду, а возможно, и в противовес ВКП(б). Сведения об этом просочились в зарубежную прессу и могли исходить от близкого к Горькому по духу романтизма Бухарина, который находился тогда в командировке за границей для покупки архива Маркса. Данное обстоятельство могло явиться одной из причин предполагаемых тайных убийств и Горького, и Павлова в одном и том же, 1936 году [35]. После смерти И. Павлова, в некрологе о нём, в США писали, что умер единственный свободный человек в России.

Показательно, что лишь недавно стала известна оценка жизни страны в 30-е годы выдающимися русскими людьми, современниками той эпохи. Так, К. Циолковский говорил корреспонденту «Комсомолки» в 1934 году: «Прежде всего нужна для трудящихся полная свобода слова, печати, собраний, вообще всех таких действий, которые не сопровождаются насилием над другими людьми. Граждане должны иметь право на землю и иную собственность, на защиту от насилия и от насильников...» [36]. Эти мысли Циолковского были опубликованы лишь в 1990 году.

Однако подобное мышление было свойственно, как правило, только старой русской интеллигенции. Основная же масса населения мыслила так, как указывала компартия и её вождь. Марксизм-ленинизм стал новой религией, а Бога заменил Сталин. Именно в 30-е годы окончательно сложился культ его личности, который исходил из начинавшегося прославления Ленина. Осмысленное отношение к революционному наследию было заменено идолопоклонничеством.

Создание из Ленина кумира было выгодно его окружению, всей партии и, в первую очередь, Джугашвили. Поддерживая культ

Ленина, он рассчитывал на прославление и себя самого, как преемника Владимира Ильича. Создание культа личности Сталина как такового началось через год после смерти Ленина – в 1925 году. Царицын был переименован в Сталинград. Затем появляются целые культовые ряды в топонимии: Сталинск, Сталинири, Сталинобад, Сталиногорск. К началу 30-х годов любое слово Сталина воспринималось как откровение, как прямое руководство к действию [14. С. 571], а партия всё чаще стала именоваться сталинской.

Сталин, «...почти не имевший контактов с населением собственной страны, но вездесущий благодаря своим бесчисленным изображениям в гипсе, живописи и целлулоиде, превратился в харизматическую икону для масс». При этом важно отметить, что культ его возник не по воле народа, как иногда заверяют апологеты Сталина, а по инициативе партии [37. С. 266]. Сам же партийный вождь, будучи по-своему проницательным человеком, догадался: чем реже он будет мелькать перед людьми, тем легче будет создавать у народа тот образ, который он хотел представить. «Загадочность, таинственность, закрытость ходят рядом со священным, легендарным, сверхчеловеческим...» [38. С. 335]. Все эти обстоятельства косвенно способствовали формированию культа личности Сталина. Субъективным, но очень значимым фактором являлся восточный менталитет Джугашвили: коленнопреклоненность перед авторитетом, безудержное стремление к власти ценой любой крови и с применением любых средств. Цель всего – власть и лучше власть в мировом масштабе. Народонаселение – пьедестал для власти, а интересы страны – предмет манипулирования для достижения всё большей и большей власти. Джугашвили жил только своим «я», что является поразительным уродством. Он уничтожил религию в стране, которая тысячу лет поклонялась иконе, чтобы самому занять её место. История не знает подобных прецедентов.

Куль личности Сталина (хотя вернее диктатура) – это возвеличивание одной личности, превращение её в сверхчеловека, обладающего сверхъестественными качествами наподобие Бога. «Этот человек, – говорилось в докладе XX съезду КПСС «О культе личности и его последствиях», – будто бы всё знает, всё видит, за всех думает, всё мо-

жет сделать; он непогрешим в своих поступках» [39. С. 19]. Характерен массовый психоз при появлении Сталина на съезде комсомола, описанный в личном дневнике Корнеем Чуковским: «Что делалось с залом!.. Я оглянулся – у всех были влюблённые, нежные, одухотворённые лица... Видеть его, просто видеть – для всех нас было счастьем... Каждый жест его воспринимали с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства... Пастернак шептал мне всё время восторженные слова... Домой мы шли вместе с Пастернаком и оба упивались нашей радостью» [40. С. 271]. Позже Пастернак и сам оказался в роли изгоя, но пока что он вместе с толпой с трепетом воспринимал явление нового, пролетарского бога.

В СССР и в третьем рейхе проявления всенародного обожания негласно и настойчиво внедрялись в сознание людей, вменялись в обязанность «подлинному» гражданину. Во второй половине 30-х годов была предпринята попытка переименовать Москву, дав ей имя Сталина. Подобные настроения проявились на Чрезвычайном XVII Всероссийском съезде Советов, состоявшемся в январе 1937 года. Затем этот вопрос в 1937–1938 годах поднимал тогдашний нарком внутренних дел Ежов. Предлагалось переименовать Москву в Сталинодар, а Сталинград – в Москву и тому подобное. Однако этому святотатству не суждено было свершиться. То ли сам Сталин остерегся, то ли вмешалось само провидение, но Москва осталась Москвой, символом русского народа [41. С. 126].

Один из мифов сталинской эпохи связан с легкодоступным образованием. В 1940 году Указом Совнаркома от 2 октября «была введена плата за обучение в 8–10 классах средней школы в размере 150–200 руб. в год, а для студентов вузов – 300–500 руб. в год» [42. С. 132], что было объяснено «растущим благосостоянием народа». «Если учесть, что средняя зарплата составляла тогда 335 руб. в месяц, а фактический заработок многих рабочих – не более 150 руб. (в первую очередь из-за «ежезарплатных» госзаимов – Авт.) станет ясно, что это была существенная преграда на пути к образованию» [42. С. 5]. После введения Указа в действие, 20% учащихся средних школ РСФСР бросили школу [42. С. 5] и были вынуждены поступать в ремесленные училища и школы

фабрично-заводского обучения (ФЗО), готовые кадровый резерв квалифицированной рабочей силы (возможно именно этого государство и добивалось). Указ противоречил Конституции, по которой изменения в основном законе могут производиться только по решению Верховного Совета СССР, а не правительства. Указ о платном обучении был принят в день 20-летия речи Ленина на III съезде РКСМ, выдержки из которой: «Учиться...» и так далее украшали каждое учебное заведение, что случайно, но очень характерно указывает на лицемерие тоталитарного партийного государства: одно на словах, другое – на деле.

Другой эпизод партийно-сталинской «заботы» о подрастающем поколении связан с подготовкой к войне, а именно с историей создания в СССР учебных заведений, именуемых ремесленными и фабрично-заводскими училищами. Набор в эту военнотюремную систему производился принудительно с 14 лет. На указе 1940 года «О государственных трудовых резервах» «отец всех детей» собственноручно приписал красным карандашом: «Предусмотреть уголовную ответственность за уклонение и побег», явно давая понять, что рассматривает всю систему «трудовых резервов» в качестве предбанника ГУЛАГа и РККА. И пометил – 10 лет. Это поймут все. В Советском Союзе гражданин созревает до полной уголовной ответственности, включая расстрел, в 12 лет» [17. С. 39–40].

Величие государства достигалось ценой физического и духовного рабства народа, когда, по крылатому выражению известного русского историка В. Ключевского: «Государство пухло, а народ хирел» [43. С. 12]. Монопольно владея СМИ и интенсивно используя настоящие или вымышленные успехи страны, сталинский режим умело трагивал как худшие, так и лучшие стороны человеческой души. Здесь и всё большая апелляция к патриотическим чувствам, обращение к традиционным, в первую очередь «государственным», стереотипам массового сознания, непомерная героизация человека труда и упор на традиции революционной борьбы, классовую солидарность, чувство пролетарского интернационализма (например, кампания солидарности с республиканской Испанией) [8. С. 452].

В контексте истории эпохи нельзя не сказать об устремлениях молодого поколе-

ния страны Советов. «Молодежь – барометр революции», – писал Троцкий. «Барометр» наиболее чутко откликался на все новое, на все призывы партии и правительства. Безудержное преувеличение декларируемых преимуществ социализма порождало у массы молодых людей слепую, фанатическую веру в предначертания коммунистических вождей, во всемогущество страны социализма и всего, что с ней связано. Это было тем более возможно, что в конце 1939 года из 194,1 млн. жителей СССР 102,3 млн., или 52,8%, родилось после Октября [44. С. 22], то есть выросло поколение людей, абсолютно не связанных с многовековыми традициями народов России и воспитанное на основе эрзаца религии – коммунистической идеологии. Немалая часть молодёжи и, прежде всего комсомольцев, принимала активное участие во всех страшных событиях сталинских времён. Это была их особенная, своя революция, позволявшая, как это ни безнравственно звучит, возвыситься, сделать карьеру в армии, в политике, во власти и тому подобное на чужом горе, на убийствах.

В стране появилась масса очень молодых секретарей райкомов, горкомов, обкомов партии, хозяйственников и министров, сменивших «старые проверенные кадры». Особенно хорошо это заметно на образовательном уровне руководящего партийного молодняка: к XVIII съезду партии (март 1939) «среди секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартии союзных республик 41 % не имели даже среднего образования». Среди 2,5 млн. коммунистов более 80 % получили только начальное и неполное среднее образование, а высшее – 5,5 % [45]. К началу 40-х годов более 70 % секретарей райкомов и горкомов было лишь с начальным образованием [9].

В своем дневнике академик В. Вернадский писал: «Крупные неудачи нашей власти – результат ослабления ее культурности: средний уровень коммунистов – и морально и интеллектуально – ниже среднего уровня беспартийных. Он сильно понизился в последние годы – в тюрьмах, в ссылке и казнены лучшие люди партии, делавшие революцию» [46]. Один из героев платоновского Чевенгура Дванов очень прочувствованно говорил, что «...Советская власть – это царство множества природных невзрачных людей» [47]. Наступило торжество «серости». Отсюда становится понятным, ка-

кого уровня руководства следовало ждать от «вождей» и какого качества исполнения – от «авангарда», что не замедлило сказаться на результатах и Финской, и Великой Отечественной войн, да и впоследствии, вплоть до 1991 года и даже после него. Посредственность в большом количестве в управлении государством оказалась социально и политически опасной.

Отдельно следует сказать о нравственности этого властного слоя советского общества 30-х годов. Ленин внушал своим последователям: «Нравственно всё, что служит делу победы коммунизма» [48. С. 298] и твёрдо был убеждён, что пролетарская диктатура – это «власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами». Похожее по смыслу внушал нации Гитлер: «Я освобождаю вас от химеры, называемой совестью».

В советском обществе, декларируемом как общество всеобщего равенства Сталин на XVII съезде особо остановился на понятии равенства и пояснил, что «Под равенством марксизм понимает не уравниловку в области личных потребностей и быта, а уничтожение классов... Никакого другого равенства марксизм не признавал и не признаёт. Делать отсюда вывод, что социализм требует уравниловки, уравнивания, нивелировки потребностей членов общества, нивелировки их вкусов и личного быта, что по марксизму все должны ходить в одинаковых костюмах и есть одинаковые блюда, в одном и том же количестве, – значит говорить пошлости и клеветать на марксизм. Пора усвоить, что марксизм является врагом уравниловки» [25. С. 118–119]. В реальности это означало, что партийно-советская номенклатура в материальном и бытовом отношении имела право жить по-другому, чем всё остальное население страны.

Для руководящих работников стала действовать система спецраспределителей различных уровней, и это почти не скрывалось. Во время известных забастовок в Иваново-Вознесенске в 1932 году Каганович «был жесток не только по отношению к крестьянам, но и к рабочим... Досталось от него и многим местным руководителям. Некоторые из них бойкотировали введённые тогда закрытые распределители для партийных работников и посылали своих жён и детей в общие очереди за продуктами. Каганович оценил их поведение как «антипартийный

уклон» [50. С. 96]. Таким способом Сталин и его окружение «продуктовой и вещевой порукой» связывали новую охлократическую элиту в один порочный круг. Каждый, кто покидал этот круг, лишался всего, очень часто и жизни, поэтому и держались вместе, стаяй и безоговорочно служили власти «железной руки» за подачки, цеплялись за них. Тех, кто не цеплялся, становилось всё меньше и меньше.

Особой сферой в системе «нравственных» ценностей была интимная жизнь вождей, которая являлась совершенно секретной государственной тайной. Например, и Сталин, и его ближний круг прекрасно были осведомлены о гомосексуальных пристрастиях Ежова, однако позволили ему занять один из высших постов в государстве – наркома внутренних дел. Другие вожди, независимо от того, имели ли они жён, или их жёны «сидели», пускались «во все тяжкие» в отношениях с женщинами, забыв о так называемой коммунистической или любой другой морали. Это и сам «хозяин», и Молотов, и Берия, и Енукидзе, и Киров, и Калинин, и Луначарский, Будённый, и многие военные и другие.

Штат их любовниц состоял, в основном, из балерин, артисток, секретарш и так далее. Партийно-советские ловеласы «весьма любили посещать балетные и оперные спектакли, где высматривали себе «предметы увлечений». Многие военные, не стесняясь, использовали в этих целях даже полевые бинокли. Нетрудно догадаться, что «отказниц», гордо презревших ласки вождей, большевиков и полководцев гражданской войны, ждала незавидная участь». Когда репрессировали жену Михаила Ивановича Калинина, он открыто стал увлекаться слабым полом, заполнял свой автомобиль «театральными» девушками, вёз их к себе на дачу и развлекался с ними направо и налево.

Самым гнусным развратником в компании вождей был Берия. Начальник его личной охраны полковник Надорая и адъютант полковник Саркисов поставляли преступнику понравившихся тому молоденьких женщин и девушек со всей Москвы. «Малейшее сопротивление влекло самые трагические последствия и для женщины и для её близких. Эта страшная деталь облика Монстра ещё раз подчёркивает диалектику взаимосвязи политического и морального. Политический авантюрист и нравственный

подонки в одном лице навсегда останутся обвинением лично Сталину, допустившему возвышение антилюдей типа Берии» [38. С. 564].

Сам Джугашвили тоже «был весьма охоч до сладострастных плотских наслаждений и старался никогда и ни при каких обстоятельствах себе в этом не отказывать», даже при жизни Надежды Сергеевны Аллилуевой. Надежда «была намного моложе своего властного супруга, отличалась миловидностью и чисто женской привлекательностью. Однако это не только не останавливало постоянно «смотревшего на сторону» Иосифа Виссарионовича, но, казалось, наоборот, не на шутку ещё больше разжигало его неуёмные любовные страсти». Независимые эксперты насчитали впоследствии несколько любовниц вождя, обладавших весьма громкими именами. Среди них Роза Каганович и пассия Молотова Наталья Шпиллер – Сталин никогда не обращал внимания на чувства преданных ему соратников, – Ольга Лепешинская, Валентина Истомина, Бронислава Златогорова, Валерия Барсова и другие.

Однажды любитель «балетных девочек» Киров подыскал для Сталина в Ленинградском оперном театре молодую солистку Веру Давыдову. (Кстати, этот оперно-балетный «курятник» Кирова после его гибели стал театром имени Кирова). Через месяц молодая замужняя певица, которой не было ещё и тридцати, неожиданно получила распоряжение о переводе в Москву, в Большой театр. «Из комнаты с широкой кушеткой на даче вождя певица Вера Давыдова вышла лауреатом Сталинской премии и примой Большого театра СССР». Вскоре Вера Александровна стала обладательницей шикарной 4-х комнатной квартиры в центре Москвы, получила ещё несколько Сталинских премий. (Каково было мужу Давыдовой никто, естественно, не спрашивал.)

Разрушение традиций в тоталитарном СССР носило также тоталитарный характер. Сталину и его окружению мало было уничтожить религию – необходимо было уничтожить историческую и культурную память народа, превратить его в Иванов, непомнящих родства. Власть громила и крушила не только православные святыни, но и кладбища. Характерен следующий вопиющий факт. В 1932 г. коммунисты закрыли в селе Ерахтур Шиловского района Рязанской области храм Николая Чудотворца, в котором устро-

или клуб. «На одном из собраний было принято решение – построить новое здание Дома культуры. Но дальнейшие шаги вряд ли укладываются в рамки здравого смысла: в 1933 году заложили первый камень, который оказался могильным». Место увеселений оказалось выстроено на могильных, в прямом смысле, плитах.

Своеобразны и противоречивы были отношения между юношами и девушками. С одной стороны в 20-е годы половые отношения между молодыми людьми были значительно упрощены согласно теории «стакана чистой воды», выдвинутой Александрой Коллонтай, Инессой Арманд и другими эмансипе. Это означало, что удовлетворять половые потребности можно также просто, как пойти на кухню и удовлетворить жажду, выпив стакан воды. При этом регистрация и расторжение брака стало чистой формальностью, доступной и обыденной. В 30-е годы подобные вольности в отношениях полов сменились сдержанностью и даже определённой отстранённостью. В быту пропагандировался аскетизм. До 1934 года чулки из искусственного шёлка числились... (кто бы подумал!) в «идеологически невыдержанных». Сдерживалось распространение тенниса, ранее порицавшегося за буржуазность, а также джаза и фокстрота [51. С. 84–85]. На первое место подчёркнуто выдвигались производственные, оборонные задачи. Это вылилось в патриотические строчки известной песни: «первым делом самолёты, ну, а девушки? А девушки – потом!».

В ходу было социальное прожектёрство, разработка абсурдных хозяйственных планов, что дезориентировало молодежь в реальной жизни, давало повод для беспочвенных мечтаний, не позволяло сформировать критическое и ответственное отношение к действительности. В книге «СССР через 15 лет» некто Л. Сабсович заверял читателей, что поколение 15-летних (книга издана в 1929 году) увидит коммунистическое общество, что за счет увеличения производительности труда рабочий день сократится до 5 часов и от общего труда освободятся лица до 21 года и старше 50 лет. Подоплёка подобных обещаний понятна: «вкалывай» и «вкалывай» именно сегодня ради призрачного, но ох как желанного завтра.

22 мая 1932 года во всех газетах было опубликовано постановление «Об уничтожении засух в районах Заволжья». Восторгу

не было предела: «Декрет против стихии... издан почти военный декрет». В другой «научной» публикации на полном серьёзе предлагалось повернуть северные реки, текущие с юга на север вспять – с севера на юг. («Вот величественные водные системы: Иртыш, Обь, Енисей, Ангара, Лена. Все значительно больше Волги. Все несут неисчислимые запасы вод в Ледовитый океан. Почти без малейшей пользы для человечества. А 100 000 000 десятин мертвых пустынь Южной Сибири изнывает от безводья... Повернуть течение рек на Запад, затем на юг» [52]). Подобные прожекты, с одной стороны, вселяли в сознание юношества уверенность во всемогущество советского государства и его предначертаний, нацеливали на жертвенность во имя коммунистических идеалов, с другой стороны, порождали сознание ничтожности личности перед силой партийного государства, историческую безответственность. Именно поэтому через несколько десятков лет зрелые, казалось бы, государственные и учёные мужи вновь «наступили» на те же самые «грабли»: попытались повернуть северные реки вспять уже в 80-е годы. Невероятно, но даже в 2006 году те же самые «идеи» высказал президент Казахстана Н. Назарбаев.

Кипучая энергия и социальная вера молодежи явились основой ударныхстроек, самоотверженной борьбы с фашистскими оккупантами, освоения целинных земель. Но этот же энтузиазм и напор, эта же слепая вера были использованы тоталитарной системой для разрушения культурно-исторических и религиозных традиций русской нации, использованы во зло во время кровавого террора 30-х годов и во время «охоты на ведьм» 40–50-х.

Общеизвестно, что 10 мая 1933 года в Берлине, на площади Бебеля (такое название эта площадь получила в ГДР) было публично сожжено около 600 тысяч книг 200 авторов. В то же время мало кто знает об аналогичных «аутодафе» в СССР, когда в 30-е и последующие годы книгохранилища, библиотечные фонды подвергались периодической «чистке» в идеологических целях. Населению было позволено читать только то, что разрешалось цензорами от компартии. Один из исследователей истории СССР А. Галаган отмечал: «По рассказам ветеранов библиотечного дела, с начала 30-х годов со всевозрастающей регуляр-

ностью в библиотеки поступали списки запрещенных (их называли «арестованными») книг с жестоким предписанием собрать весь наличествующий тираж оных и сжечь. Собирали. Вывозили – как правило по ночам – за город и под неусыпным надзором представителя «органов» жгли» [53]. Из библиотек изымались и сжигались тысячи книг по философии, истории, культуре и другим наукам. «Буржуазными», «лженауками» были объявлены генетика, кибернетика, практически приостановилось развитие социологии и педологии, науки о возрастных особенностях детей. В условиях всеобщих запретов, контроля, цензуры и ограничений правда стала роскошью. Постепенно общественность, народонаселение приучили «потреблять» лишь часть правды, или вообще прямую ложь, состряпанную умелыми «поварами» коммунистических средств массовой информации.

Ещё в конце 20-х годов началась лакировка советского прошлого: «грязь и кошмары, из которых родилось государство, казались уже слишком непрезентабельными. И пошла мифологизация. Вместо произведений типа «Щепок», не стеснявшихся реалистично описывать зверства, поскольку это считалось классово оправданным, возникали высокохудожественные «Хождение по мукам» А. Толстого, рассказы А. Гайдара и тому подобные произведения, изображавшие прошлое во вполне благопристойных тонах, красивых и героических [6. С. 322].

Неудивительно, что в этой обстановке история России была сознательно урезана, искажена и мифологизирована. Те же, кто пытался постичь смысл прошлого по его документам, зачислялись с нечестной и нелегкой руки Сталина в «безнадёжные бюрократы» и «архивные крысы». Предостерегая современных ему и будущих историков, «отец народов» в 1930 году в письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» писал: «Кто же, кроме безнадёжных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные (как будто в XX веке могут быть пергаментные. – Авт.) документы? Кто же, кроме архивных крыс, не понимает, что партии и лидеров надо проверять по их делам, прежде всего, а не только по их декларациям» [54].

В этой части статьи Сталин намеренно, с восточным лукавством смешивает, передёргивает разные критерии историческо-

го исследования. Ни одному историку, то бишь «архивной крысе», не придет в голову оценивать партии и их лидеров только по их обещаниям (вспомним обещания В. Жириновского), или по «бумажным» заверениям», однако «дела» той или иной партии и её лидеров с неизбежностью фиксируются и откладываются в «бумажных документах». Это известно мало-мальски образованному человеку (кстати, документы самой КПСС были растиражированы в миллионах экземплярах в 9-ти специальных многотомных изданиях), однако цель Сталина состояла в том, чтобы отбить охоту у исследователей истории изучать подлинные архивы самой компартии, а тем более других партий и вообще подлинной истории страны. Отсюда и слова вождя о «безнадежных бюрократах» (с пренебрежением) и об «архивных крысах» (с омерзением). Надо отметить, что Сталину удалось достичь поставленной цели: значительная часть архивов была уничтожена (подумаешь, «бумажные документы»?!), а другая – десятилетиями оставалась на особом хранении и до сих пор малодоступна современному, даже и маститому, ученому.

В наше время апологеты «великого» вождя (очевидно многочисленные потомки тех, кто арестовывал, пытал и расстре-

ливал), продолжают с пеной у рта развивать его идеи, заявляя о якобы «очернении истории» и не хотят знать истины о сталинском лихолетье, преступлениях коммунистического режима. Опять же забывается при этом закон Ньютона: сила действия равна силе противодействия. Претензия на исключительность тех или иных воззрений всегда вызывает сопротивление инакомыслящих.

Процесс фальсификации истории, начатый в 20-е и поставленный на конвейер в 30-е, продолжался вплоть до 90-х годов. Именно поэтому история страны нуждается в восстановлении, непредвзятой оценке и в новом, честном прочтении, вопреки усилиям мракобесов и поклонников сталинщины, пытающимся уверить, что в те годы достигнуты мол были высоты державного величия и не желающими знать и слышать, что высоты эти, по выражению писателя Зиновьева, оказались высотами «зияющими», на костях и крови собственного народа. Успехи страны Советов, подлинные успехи, оказались не долговечны, не дали процветания народу, а нерешённые проблемы были заморожены и отложены во времени, они тяжко сказались к концу XX века распадом империи и тяжкими испытаниями народонаселения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иоанн (Митрополит). Самодержавие духа. Очерки русского сознания. – Православное братство во имя святого Василия Великого: «Шестоднев», 2002.
2. Дайнес, В. О. История России и мирового сообщества. Хроника событий. – М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2004.
3. Наше Отечество. Ч. 2 / Кулешов, С. В., Волобуев, О. В., Пивовар, Е. И. и др. – М.: ТЕРРА, 1991.
4. Боров, Ю. Б. Сталиниада. – М.: Олимп, 2003.
5. Кушнир, А. Г. Хроноскоп: Летопись фактов и событий отечественной истории за два тысячелетия от Рождества Христова. – М.: РИПОЛ-КЛАССИК, 2003.
6. Шамбаров, В.Е. Государство и революция. – М.: Изд-во ЭКСМО-ПРЕСС, 2002.
7. Деко, А. Великие загадки XX века. – М.: Вече, 2004.
8. История России с древнейших времён до конца XX века: Уч. пособ. для студентов вузов. – 4-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2003.
9. Фаустова, Э.Н. Культура студенческой молодёжи. – МГУ, 1991.
10. Десятников, В. Подвижник // Огонёк. – 1987. – № 46.
11. Аджубей, А. Те десять лет // Знамя. – 1988. – № 7.
12. Белова, Т.В. Цели и средства культурной политики Советского государства (к истории вопроса) // Вестн. Моск. ун-та. Сер.12. – 1991. – № 3. – С. 63; Радио России. – 2003. – 9 февр.
13. История Отечества: учеб. пособ. – Псков, 1993.
14. История России: в 2 т. Т. 2: С начала XIX в. до начала XXI в. / А. Н. Сахаров – М.: АСТ, 2006.
15. Головатенко, А. Тоталитаризм XX века: материалы для изучающих историю и обществознание. – М.: Школа-Пресс, 1992.

16. Вернер, Штайн. Хронология мировой цивилизации. Т. 2. – М.: Слово, 2003.
17. Бунич, И. Л. Операция «Гроза». Ошибка Сталина. – М.: Изд-во Яуза; ЭКСМО, 2005.
18. Северин, Наталья. Роман с барабаном // Родина. – 1990. – № 1.
19. Сванидзе, Н. Исторические хроники. «1936. Андрей Вышинский» // РТР. – 2005. – 2 июня; Вернер Штайн. – С. 149.
20. Вопрос, ещё вопрос // РТР. – 2005. – 7 сент.
21. Что делать? // ТВ «Культура». – 2007. – 8 апр.
22. Что делать? // ТВ «Культура». – 2005. – 2 июня.
23. Липатова, Е. Советская империя. Сочи // Панорама города (Рязань). – 2005. – № 30. – С.33.
24. Российская Федерация сегодня. – 2005. – № 22. – 20 июня.
25. Платонов, А.П. Чевенгур. – М.: АСТ: Ермак, 2004.
26. Безумные грани таланта: энциклопедия патографии / Авт.-сост. А. В. Шувалов. – М.: ООО «АСТ», 2004.
27. Эйдельман. Изучение социально-культурного процесса и миссия историка // Искусствознание на путях преодоления мифов и стереотипов. – М., 1990. – С.107.
28. Соколова, Н. Краткий курс // Огонёк. – 1991. – № 1. – С. 30.
29. Социалистический вестник. – 1923. – № 2. – С. 17.
30. Российский полный энциклопедический иллюстрированный справочник / Авт.- сост. П. Г. Дибниченко.- М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
31. Тайна пропавшей переписи // РТР. – 2005. – 24 авг.
32. Умницы и умники // ТВ -1. – 2006. – 12 нояб.
33. Загальский, Л. Он восстал против Сталина // Литературная газета. – 1989. – 29 нояб. – С.12.
34. Начало. – 1990. – № 4.
35. Баранов, В. Горький без грима. – Нижний Новгород, 1996.
36. Лесков, Л. Неизвестный Циолковский: «Я самый бессильный и одинокий человек...» // Известия. – 1994. – 21 янв. – С. 7.
37. Малия, М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917 – 1991. – М.: РОССПЭН, 2002.
38. Волкогонов, Д. А. Сталин / Политический портрет. – В 2-х кн. – Кн. 1. – М.: Изд-во «Новости», 1991.
39. Реабилитация: Политические процессы 30х – 50х годов. – М.: Политиздат, 1991.
40. Известные теракты / Авт.- сост. Д. В. Нестерова, А. В. Нестерова, О. В. Шумахер. – М.: Вече, 2003.
41. Как Москва чуть не стала Сталинодаром / Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 12.
42. Клифф, Т. Сталинская Россия. Марксистский анализ // М.: Эко. – 1989. – № 9.
43. Ключевский, В. О. Сочинения. Т. 3. – М., 1957.
44. История ВЛКСМ в десятилетиях его деятельности. – М., 1988.
45. Вопросы истории КПСС. – 1989. – № 2.
46. Легостаев, В. Интеллектуальное достоинство партии // Правда. – 1989. – 2 мая.
47. Криминальная Россия // НТВ. – 2004. – 17 нояб.
48. Ленин, В. И. ПСС. Т. 41. – С. 298.
49. Сталин, И. Отчётный доклад XVII съезду ВКП(б) о работе ЦК ВКП(б) 36 января 1934 г. – Партиздат ЦК ВКП(б), 1935.
50. Медведев, Р. Ближний круг Сталина. Соратники вождя / 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Эксмо-Яуза, 2005.
51. Хлевнюк, О. 30-е годы. Кризисы, реформы, насилие // Свободная мысль. – 1991. – № 17.
52. Горизонт. – 1991. – № 8.
53. Галаган, А. А. Неоткрытые страницы истории (о «белых пятнах» и «чёрных дырах» истории Ленинского комсомола). Саратов, 1989. – С. 6.
54. Сталин, И. В. Сочинения. Т. 3. – М, 1957.

УДК 316.443
ББК 60.54
Социология

И С Т О Р И Я

РАБОЧАЯ ДИНАСТИЯ: ВОСПРОИЗВОДСТВО И ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВЕТСКОГО ИНСТИТУТА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ КОРПОРАЦИИ

Ткач О. А.

Данная статья посвящена изучению института заводской рабочей династии, сформированного в на советских предприятиях и воспроизводящегося в современных рыночных условиях. Работа основана на материалах исследования промышленной корпорации с применением качественных методов – дискурс-анализа тематических публикаций в заводской многотиражке (1950-2007) и биографических интервью с представителями династий, работающих на предприятии из поколения в поколение. В статье приводится краткий обзор социальных и идеологических предпосылок институционализации рабочей династии в советском обществе. Далее представлены основные репрезентации потомственных рабочих в публикациях заводской многотиражки, символические воплощения рабочей династии на советском и современном предприятии. В следующей части на примере семейных историй рассматривается специфика воспроизводства рабочей династии на уровне повседневности. В заключение сделаны выводы о том, что исследование института рабочей династии демонстрирует процесс «размывания» идеологии советской корпорации как единого сплоченного коллектива и формирование многоуровневого, многоукладного корпоративного порядка. На современном предприятии институт рабочей династии востребован и администрацией, и самими семьями как прагматический механизм адаптации и успешной работы в рыночных условиях.

Ключевые слова: советское/постсоветское промышленное предприятие, рабочая династия, официальный дискурс, репрезентация, история семьи

ВВЕДЕНИЕ

Любое заводское предприятие представляет собой корпорацию, которая не только выполняет производственно-экономические функции, но и образует многоуровневую социальную структуру с определенной иерархией и статусным порядком, а также является символом соци-

альной общности. Одним из механизмов воспроизводства корпоративного социального порядка является институт рабочей династии, исследованию которого посвящена данная статья.

Рабочая династия – это семья, члены которой на протяжении нескольких поколений работают на одном предприятии в качестве наемных работников. На сегод-

няшний день и в публичном, и в академическом дискурсах рабочая династия считается рудиментом советского общества. Во-первых, это связано с тем, что устойчивое самовоспроизводство социальной группы заводских рабочих и, соответственно, рост числа рабочих династий на промышленных предприятиях приходится на период так называемой послевоенной модернизации советской индустриальной системы (1950-60-е гг.). Во-вторых, данный институт представлял собой «проекцию коммунистической идеологии» [1, С.29], а посему – официальное чествование потомственных рабочих, публикации о рабочих династиях и встречи заводчан с представителями этих семей были привычным элементом советской повседневности. Вместе с тем, трансформируясь и приобретая новые смыслы, институт рабочей династии существует и в постсоветском контексте. В исследовании меня заинтересовал вопрос о том, каким образом институт рабочей династии, сформировавшийся в системе советских производственных корпораций, воспроизводится и трансформируется на символическом (идеологическом), социально-экономическом (профессиональном, административном) и повседневном (семейном) уровнях в современных рыночных условиях.

Статья основана на материалах исследования одной из крупных промышленных корпораций Санкт-Петербурга [2]. Работа выполнена в рамках качественной методологии социологического исследования, включая применение дискурс-анализа официальных текстов – публикаций о рабочих династиях в заводской многотиражке – и биографического интервью с представителями заводских династий. В первой части статьи приводится краткий обзор социальных и идеологических предпосылок институционализации рабочей династии в советском обществе. Далее представлены основные репрезентации потомственных рабочих в публикациях заводской многотиражки, символические воплощения рабочей династии на советском и современном предприятии. В следующей части на примере семейных историй рассматривается специфика воспроизводства рабочей династии на уровне повседневности. В заключение приводятся основные выводы статьи.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РАБОЧЕЙ ДИНАСТИИ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

История появления метафоры династии в советском официальном и повседневном языках вообще, и в производственной лексике, в частности, может быть реконструирована, исходя из нескольких социально-исторических и идеологических предпосылок. Во-первых, распространенная среди дореволюционных рабочих практика трудоустройства на предприятия по семейным и земляческим сетям [3, С.88; 4, С.207; 5, С.26] была важным каналом миграции из деревни и восходящей мобильности городе. Подобные семейные стратегии продолжали воспроизводиться с большей или меньшей интенсивностью и после 1917 года.

Во-вторых, предпосылки возникновения рабочей династии как идеологического проекта советского государства следует искать в официальной политике классовообразования 1920-х гг., которую современные исследователи определяют как «приписывание к классу» [6],[7], и провозглашение потомственных, «чистокровных» рабочих ядром пролетариата. Практика «приписывания к классу» положила начало формированию так называемой «советской сословной системы». С начала 1930-х гг. она постепенно трансформировалась в корпоративную, при которой центрами образования и воспроизводства «сословного» статуса, а также распределения социально-экономических благ, являлись корпорации, в частности, промышленные предприятия [8; 9; 10; 11, С.33-34, 195; 5, С.112-113, 140, 325-326]. Метафора династии, содержащая идеи унаследованного величия (господства) и достоинства, была востребована представителями заводских администраций в первые годы советской индустриализации как один из механизмов создания института «знатных людей» завода, «рабочей аристократии» в противоположность аристократии дореволюционной [12, С.115]. В этот период в производственном дискурсе начинает оформляться официально одобряемая, каноническая биография советского рабочего [13; 14], а вместе с ней – образцовая, идеологически обоснованная генеалогия или история семьи работника, занятого на конкретном предприятии и «привязанного» к нему.

В послесталинский период поиски новых, нетоталитарных подходов к мотивации

рабочих, решению проблемы текучести кадров [15] приводят к внедрению на заводах «мягкой и скрытой формы» контроля [16]. Дискурс рабочей чести, почеты и славы, официально транслируемый представителями рабочих династий, можно рассматривать как один из способов такого «мягкого» способа повышения производственной дисциплины. Моральные и поведенческие образцы, которые приписывались представителям рабочих династий, имели в рамках корпорации статус эталонных.

В позднесоветском обществе династическое воспроизводство в семьях рабочих стало рассматриваться как их официальная обязанность. В этот период продолжает издаваться большое количество (авто) биографий потомственных рабочих; о рабочих династиях снимаются документальные и художественные фильмы; печатаются статьи в заводских многотиражках и во всесоюзной прессе; на фабриках и заводах проводятся ставшие традиционными «вечера династий», награждения «почётных династий завода». В 1971 году в Донецке состоялся Всесоюзный слёт рабочих династий [17]. В 1970-80 гг. прославление рабочих династий как «элиты рабочего класса» достигло масштабов инициированного «сверху» «династийного движения». Рассмотрим, каким образом с помощью текстовых репрезентаций рабочих династий корпоративный порядок воспроизводится на символическом уровне.

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТРУДОВЫХ ДИНАСТИЙ В ОФИЦИАЛЬНЫХ ЗАВОДСКИХ ТЕКСТАХ: ОТ «ТРУДОВОЙ АРИСТОКРАТИИ» К «МУЗЕЙНЫМ ЭКСПОНАТАМ»

На советском предприятии представители рабочих династий обладали высоким символическим статусом, официально репрезентированным в заводской многотиражке и других документах. «Классическая» публикация, посвященная рабочей династии, выстраивается как изложение последовательно следующих друг за другом биографий представителей нескольких поколений династии, вписанных в официальную версию истории предприятия и советской истории в целом. Рассказы о рабочих династиях «переводили» классовую идеологию, провозглашенную в СССР, на локальный уровень отдельного предприятия. Как

правило, в каждой статье можно выделить стандартный набор эпизодов и тем. Я остаюсь на двух из них, формировавших элементы корпоративного порядка: репрезентация образцовой трудовой морали и дисциплины в среде потомственных заводчан; а также наследственной «привязанности» династической семьи к заводу.

Во-первых, согласно исследуемым материалам, рабочее происхождение, - признак не только классовой чистоты и элитарности ее обладателей, но их «трудового аристократизма». В рассказах о рабочих династиях конструировались представления о «рабочей чести», «долге», а потомственные рабочие рассматривались как репрезентанты трудовой морали, наиболее дисциплинированные и высококвалифицированные работники. Представители рабочих династий аккумулируют, «наследуют» и «передают» из поколения в поколения исключительные и образцовые для других заводчан профессиональные и трудовые качества. Например, в следующем отрывке рассказывается о династии заводских рационализаторов:

Борис Георгиевич постоянно видел, как отец, известный рационализатор, совершенствует какой-либо прибор или упрощает операцию, придумывает что-то новое, необычное. И он решил попробовать. Получилось! Сейчас на счету у Б. Абрамова уже около 70 рационализаторских предложений, экономический эффект которых составил более 50000 рублей («Кировец», 6 января, 1978, С. 3)

Во-вторых – и это также демонстрирует приведенная цитата, в опубликованных рассказах о рабочих династиях стирается четкая граница между «домом» и «работой/заводом». Происходит дискурсивное «осемейнивание» заводского коллектива, отождествляются производственные и семейные отношения и статусы. Так жизнь рабочей семьи фактически замыкается на предприятии, формируется многопоколенная привязанность рабочих к заводу, «унаследованный» корпоративный патриотизм. В следующем отрывке из статьи также отражена предзаданность продолжения династии, а завод описывается как универсальное пространство семейного общения:

Первым поступил на [завод] старший сын – Владимир. Быстро и хорошо освоил слесарное дело. За ним пришли сюда Геннадий и Анатолий – тоже унаследовали про-

фессию отца. Так все четверо Красновых стали трудиться в одном цехе, на одном участке. А примером им во всём, в работе, на заводе, поведении в быту, является их отец («Кировец», 6 мая, 1966, С. 2).

Таким образом, прославление советских рабочих династий может быть концептуализировано как не только метод контроля текучести заводских кадров, но и воспроизводства и пополнения персонала из заводской среды.

В ходе реструктуризации предприятия в начале 1990-х гг. выполнение советского госзаказа начинает нарушаться – допускаются и оправдываются уход потомственных рабочих с завода, вариативность их профессиональных траекторий. Крушение социальной сферы вызвало частичное разрушение идеологии и практики воспроизводства рабочих династий в 1992-98 гг. Постепенно, с налаживанием производства, начинаются попытки возобновления корпоративного строительства с использованием проверенных заводских традиций и институтов для достижения управленческих целей. Современные российские исследователи установили, что чем выше ориентация менеджмента успешных предприятий на создание корпоративной солидарности, тем активнее поддерживается престиж современных поколений династий. В свою очередь на предприятиях, не имеющих достаточных экономических ресурсов и нацеленных на выживание, рабочие династии презентуются как элемент заводского прошлого [18]. В случае исследуемого мною предприятия, администрация использует обе указанные стратегии. Символический статус династии сохраняется на современном предприятии, представители рабочих династий презентуются как «элита» заводского коллектива, благодаря которой предприятие успешно пережило период реструктуризации:

Существование такой династии на заводе свидетельствует о благополучии производства, это своего рода «хороший знак» предприятия. Маловероятно, что традиции рабочих поколений сохраняются в цехе, который живет от заказа к заказу и ждет «у моря погоды» («Кировец», 23 августа, 2001, С.4)

Сегодня старые механизмы контроля персонала с помощью «идеологии рабочей чести» позволяют адаптировать новую рыночную идеологию выживания, экономи-

ческой стабильности и роста к ожиданиям коллектива, в основном сформировавшегося за заводе в советский период. Вместе с тем, официальные публикации о рабочих династиях отражают две основные тенденции. Среди них начинают преобладать повествования об «административных династиях», династиях руководителей. Именно «наследование» принадлежности к заводу в среде высокообразованных специалистов и менеджеров рассматривается как возможность для аккумуляции и воспроизводства новых, современных капиталов заводского персонала, необходимых для рыночного успеха предприятия. В то время как рассказы о советских рабочих династиях вытесняются в музейное и архивное пространства культурной памяти [19], вписываются в заводскую историю, становясь символом традиций и преемственности поколений в заводской среде. Вместе с тем, рабочая династия продолжает воспроизводиться, в том числе и на уровне повседневности. На примере самых младших поколений династий, пришедших на завод, продемонстрируем возможные траектории династического воспроизводства в контексте современной корпорации.

СОВРЕМЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ ЗАВОДСКОЙ ДИНАСТИИ: ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ ПРИХОДА НА ПРЕДПРИЯТИЕ

На современном этапе конструируется несколько основных сценариев формирования и воспроизводства заводских династий, которые отражены в семейных историях, рассказанных информантами. В данной статье я остановлюсь лишь на этапе прихода на завод после реструктуризации самых молодых поколений семей [20].

Первый вариант – трудоустройство представителя третьего поколения династии, официально признанной на заводе, в качестве инженера в экспортном отделе. Его индивидуальный карьерный проект оказывается возможным лишь благодаря тем образовательным стратегиям, которые пытаются реализовать в семье родители – менеджеры среднего звена. Сожалея о том, что сами в свое время не получили высшего образования, они направляют свои усилия на то, чтобы его получили дети. Образование рассматривается ими как культурный капитал, позволяющий найти хорошую ра-

боту на заводе и не потерять ее, тогда как в советский период для успешной карьеры на предприятии существовали и другие механизмы: партийная принадлежность, участие в общественной работе и проч. Вспоминает отец молодого представителя династии:

Как говорил (мне) один ветеран, с отцом воевал вместе, «Саша, держись за трубу, всё будет нормально». Это за нашу, за прокатную для мартеновских печей.

Сегодня информант транслирует сыну иную заповедь, отражающую не идеологически сконструированное представление о «заводе-семье», а значимость индивидуализированных стратегий для карьерного продвижения:

...я сыну и внушаю: твоё руководство должно знать, что ты им нужен, что без тебя ими будет плохо. Если так будешь работать, значит, очень хорошо. Тебя будут ценить и уважать. А остальное всё придёт материальное со временем.

Второй возможный сценарий прихода на завод молодого поколения – воспроизводство трудовой династии, не имевшей прежде официального признания и экономических вознаграждений. По словам представительницы второго поколения династии (50 лет, нагревательница металла),

А дед диспетчером был, кажется, 70-ый цех. Всю жизнь проработали на одном месте. После войны как устроились и пахали. И квартиры... Хоть бы однокомнатную какую дали.

Сын информантки приходит на завод за неимением другого выбора, нежеланием его искать. Не получив высшего образования и вернувшись из армии, он фактически вынужден устроиться в заводскую охрану по совету матери. Молодой человек рассказывает:

Долго решал, идти работать куда. /.../ Тут мать предложила: «Иди, сходи на...завод в охрану, посмотри, если понравится, устроишься». Сходил, посмотрел, понравилось, устроился.

Занимая высокий символический ранг на предприятии, представители рабочих династий не встречают препятствий при трудоустройстве на те или иные должности. В рассмотренном выше случае семья «по умолчанию» использует «заработанный» ранее капитал старших представителей династии для трудоустройства сына/внука, не приложившего индивидуальных усилий.

На современном предприятии возможен еще один сценарий трудоустройства – «наследование» профессии. В этом случае рабочая династия компенсирует разрушенный в постсоветский период институт наставничества. Тем самым идеология профессиональной преемственности и рабочей чести маскирует прагматические стратегии заводской администрации – корпоративное воспроизводство редких рабочих специальностей. Приведем отрывок из интервью со специалистом по подбору персонала завода:

Вот у нас цех 342, там мужик один карусельщиком работает. Как-то нам позвонила В.: «Там придет сынок, такая-то фамилия, пропустите, мы его возьмем учеником карусельщика, его отец будет учить». А сейчас никому не нужно учить никого. Учить – это они поучатся две недели и убегают. Заводу – убытки. А тут папа – сын: «Я тебе уйду!». Так они больше держатся.

Таким образом, на уровне повседневности династия может выступать механизмом воспроизводства дефицитных для производства профессиональных групп, а также пополнения административных и руководящих должностей «проверенными» представителями заводских семей. Для самой семьи принадлежность к династии становится ресурсом трудоустройства на предприятие, которое становится более успешным в зависимости от индивидуальных усилий представителей разных поколений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Институт рабочей династии, возникший в период сталинской индустриализации, конструировался как на уровне официальной идеологии, так и повседневных стратегий представителей заводских администраций и самих рабочих. Исследование официальных репрезентаций рабочих династий в заводской многоотраслевой демонстрации, что в отличие от монолитного советского дискурса о династиях, его современная версия представляется гораздо более многоплановой, рассчитанной на широкий круг реципиентов. Для партнеров и инвесторов рабочая династия репрезентируется как символ жизнеспособности предприятия. Для заводских ветеранов и персонала, пришедшего на завод в советский период, ритуальная ретрансляция семейных биографий,

связанных с историей завода, формирует представления о преемственности «старых» кодов рабочей чести и почета. Для современных специалистов и администрации рассказы о династиях менеджеров среднего и высшего звена репрезентируют новый образ заводского работника: не токаря в грязной робе, а одетого с иголочки, образованного и профессионально грамотного специалиста. Таким образом, происходит «размывание» идеологии советской корпорации как единого сплоченного коллектива и формирование многоуровневого, многоукладного корпоративного порядка.

Тема династий вытесняется в сферу культурной памяти, становится менее политизи-

рованной, сегодня она, в основном, связана с дебатом о воспроизводстве заводской профессии, повышении квалификации, трудоустройстве на хорошее место работы. На современном предприятии институт рабочей династии востребован и администрацией, и самими семьями как прагматический механизм адаптации и успешной работы в рыночных условиях. Ослабление корпорации как единого сплоченного коллектива требует от представителей и советских, и современных поколений династий дополнительных индивидуальных усилий для выгодной конвертации своего символического статуса на предприятии в профессионально-экономический.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Каспэ, И., Каспэ, С. Поле битвы – страна. Nation-building и наши нэйшнбилдеры // Неприкосновенный запас. – 2006. – № 6 – С.15–32.

2. Завод основан в 1801 г. и является одним из крупнейших в городе металлургическим и машиностроительным предприятием. В советский период завод находился в подчинении Минобороны, и был ориентирован на тракторное и танковое производства. В середине 1980-х гг. численность работников доходила до 40000 человек. В 1992 завод был преобразован в акционерное общество, и в настоящее время состоит из 15 дочерних обществ, на котором занято около 9 тыс. чел.

3. Hoffman, D. Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929–1941. – Ithaca and London: Cornell University Press, 1994.

4. Ward, C. Languages of Trade or a Language of Class? Work Culture in Russian Cotton Mills in the 1920s // L. Siegelbaum and R. Suny (eds.). Making Workers Soviet: Power, Class, and Identity. Ithaca, Cornell University Press, 1994.

5. Маркевич, А. М., Соколов, А. К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. – М., РОССПЭН, 2005.

6. Фицпатрик, Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. – С. 174–207.

7. Под «приписыванием к классу» понимается «зачисление» индивида в какой-либо социальный класс через апелляцию к социальному происхождению, по принципу «генеалогического наследования» классовой принадлежности [6].

8. Ashwin, S. Russian Worker: The Anatomy of Patience. – Manchester: Manchester University Press, 1999.

9. Clark S. The Formation of a Labour Market in Russia. Cheltenham, Edward Edgar, 1999.

10. Teckenberg W. Labour Turnover and Job Satisfaction: Indicators of Industrial Conflict in the USSR // Soviet Studies 30, No.2, 1978. P.193-211.

11. Журавлев С., Мухин М. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928-1938 гг. – М.: РОССПЭН, 2004.

12. Lane Ch. The Rites of Rulers. Ritual in Industrial Society – The Soviet Case. Cambridge, Cambridge University Press, 1981.

13. Журавлёв С. Феномен «Истории фабрик и заводов». Горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х гг. – М.: Институт российской истории РАН, 1997.

14. Коткин С. Говорить по-большевистски // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. – С.250-328.

15. Проблема текучести кадров в рамках трудовой политики хрущёвского периода стала центральной. К 1956 г. текучесть кадров на советских предприятиях достигла колоссальных масштабов. В среднем в указанном году каждый третий советский рабочий добровольно или вследствие увольнения сменил место работы, что составило двенадцатипроцентный прирост текучести по сравнению с двумя предыдущими годами [21, С.47].

16. Мягкость, скрытость, неузнаваемость символического принуждения состоят в том, что отношения зависимости маскируются «покровом» морали [22, С.264]. Маскировка подавления индивидов осуществляется идеологическим аппаратом. Скрытая репрессивность идеологического аппарата обнаруживается в насаждении общественных правил, норм и добродетелей через систему символов и репрезентаций [23, Р.24-29].

17. Династии, возвеличенные трудом. Публицистический отчёт о первой всесоюзной встрече трудовых династий рабочего класса и колхозного крестьянства, состоявшейся в октябре 1971 г. в г. Донецке. Донецк, Донбасс, 1972.

18. Становление трудовых отношений в постсоветской России. – М.: Академический проект, 2004.

19. Культурная память характеризуется определенной дистанцией от повседневности, номинируя определенное событие или феномен как «прошлое». Архивирование информации – один из модусов существования культурной памяти [24, С. 129-130].

20. В данной статье использованы материалы биографических интервью с представителями двух трехпоколенных заводских династий.

21. Filtzer D. Soviet Workers and De-Stalinization: the Consolidation of the Modern System of Soviet Production Relations, 1963-1964. Cambridge, Cambridge University Press, 1992.

22. Бурдые П. Практический смысл. – СПб.: Алетейя, 2001.

23. Altusser L. The Reproduction of Working-Class Exploitation in Capitalist Democracies // E.Etzioni-Halevy (ed.). Classes and Elites in Democracy and Democratization. A Collection of Readings. New York and London, Garland Publishing, Inc, 1997. pp.24-29.

24. Assmann J. Collective Memory and Cultural Identity // New German Critique. – 1995. – No.65 – P.125-133.